

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Э.В. ГАРИПОВА, Р.А. АЮПОВА

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОНЯТИЯ «СЕМЬЯ»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»
И Д. ГОЛСУОРСИ «САГА О ФОРСАЙТАХ»**

**КАЗАНЬ
2020**

УДК 81'373
ББК 81.2-3
Г20

*Печатается по рекомендации Ученого совета
Института филологии и межкультурной коммуникации
Казанского (Приволжского) федерального университета
(протокол № 16 от 31 августа 2020 г.)*

Научный редактор

доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии ИФМК КФУ (Высшая школа русской и зарубежной филологии им. Льва Толстого) **Е.Ф. Арсентьева**

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков КФУ **А.Г. Садыкова**;
доктор филологических наук, заведующий кафедрой филологии и страноведения Российского исламского института **Т.А. Шайхуллин**

Гарипова Э.В.

Г20 **Вербализация социокультурного понятия «семья» в произведениях Л. Толстого «Война и мир» и Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» / Э.В. Гарипова, Р.А. Аюпова. – Казань: Издательство Казанского университета, 2020. – 176 с.**

Тематика монографии находится на стыке важнейших дисциплин современной лингвистической науки (лексикологии, семасиологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии) и рассматривает лексико-семантическое поле «семья» в целом и его компоненты, репрезентирующие данное поле в произведениях Л. Толстого «Война и мир» и Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». В работе определены состав лексико-семантического поля «семья» и внутренние системные взаимосвязи между его компонентами; проведен системный анализ реализации оценочного компонента в языковых единицах вербализации понятия «семья»; в сопоставительном плане изучены контекстуальные условия реализации оценочного компонента значения лексических единиц лексико-семантического поля «семья»; проанализированы и сопоставлены изменения в реализации оценочного компонента лексических единиц репрезентации понятия «семья».

Адресуется филологам и широкому кругу исследователей.

УДК 81'373
ББК 81.2-3

© Гарипова Э.В., Аюпова Р.А., 2020
© Издательство Казанского университета, 2020

Предисловие

Данная работа посвящена исследованию лексико-семантического поля (ЛСП) «семья» в целом и его компонентов, репрезентирующих данное поле в произведениях «Война и мир» Л.Н. Толстого и «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси.

Будучи системно-структурным образованием, язык обеспечивает коммуникацию и понимание между людьми. Работа языка предполагает одновременное использование элементов всех уровней. Вербализация в речи категориальной семантики достигается при помощи взаимодействия многоуровневых языковых средств. Это сложная система, и лексика является одной из подсистем языка. В современном языкознании применяются различные методы системно-структурного исследования семантики языка: одним из наиболее широко используемых является термин «поле». Языковое поле представляет собой перечень элементов, объединённых структурными отношениями.

Актуальность настоящей работы обусловлена той значительной ролью, которая принадлежит понятию «семья» в любом социокультурном пространстве, и отсутствием работ, посвящённых исследованию способов вербализации этого понятия в таких значительных произведениях британской и русской литературы, как «Война и мир» Л.Н. Толстого и «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси, воплощающих в себе типичные модели семьи своего общества и своего времени. Сопоставительное исследование языковых средств, использованных в этих работах для изображения семьи как единицы общества, может быть интересным для изучения её роли в британской и русской культурах, особенно в настоящее время, когда молодое поколение демонстрирует неоднозначное отношение к понятию «семья». Семейные отношения играют центральную роль в обоих романах, но на сегодняшний день существует не так много научных работ, посвящённых анализу образа семьи в указанных произведениях.

Данный вопрос рассматривался на различных научных уровнях, и базовую разработку он получил в трудах таких ученых, как М.Л. Антонов,

Г.Г. Багаутдинова, С.Н. Бурова, А.А. Никишенков, Н.В. Обвинцева, А.И. Пьянов, Н.В. Розенберг и др. о семье как о социокультурном понятии; Л. Вайсгербер, Л.М. Васильев, В.Г. Гак, Г. Ипсен, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, В.И. Кодухов, Э.В. Кузнецова, О.Б. Симакова, И.А. Стернин, А.А. Уфимцева, Ф.П. Филин, С.Г. Шафиков и др. о понятиях «лексико-семантическое поле» и «лексико-семантическая группа».

Монография вносит вклад в общую теорию когнитивной лингвистики, способствует дальнейшему пониманию и изучению положений, связанных с вопросами взаимоотношения языка и мышления, языка и культуры, менталитета различных наций, роли языка в процессе познания. Материалы могут быть использованы в дальнейших исследованиях ЛСП «семья» в русском и английском языках, а также в изучение особенностей функционирования компонентов ЛСП «семья» при вербализации одноимённого понятия в романах «Война и мир» Л.Н. Толстого и «Сага о Форсайтах» Джона Голсуорси. Результаты исследования могут найти применение при составлении учебников, учебных пособий и справочников по теории перевода, лексикологии, семасиологии, лингвистическому анализу текста и т. д.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ КАК СИСТЕМЫ

Устои и традиции семейной жизни своеобразны и различны в каждом обществе. Как и все социальные институты, семья представляет собой систему принятых норм и процедур для осуществления важных функций общества. Существует два основных направления в изучении вопроса: семья может рассматриваться или как социальный, или как культурный феномен.

Согласно определению из социологического словаря, семья является первичным социальным образованием, в основе которого лежит брак, кровное родство или принятие ребёнка на воспитание. Семья – это также институт, регулирующий супружеские отношения, социальная система с брачными и родительскими статусами» [Кравченко 2004: 374].

Основы *социологического исследования* семьи были заложены немецким учёным И.Я. Бахофеном в книге «Материнское право» (1861 г.) и британским учёным Ф. Мак-Леннаном в произведении «Первобытный брак» (1865 г.). По мнению британского исследователя, в начале в человеческом обществе не было индивидуальных семей и существовал лишь род или клан, причём доминирующей формой был матриархат [McLennan 1985]. Сторонниками теории предшествования матриархата патриархату также были Дж. Леббок, М.М. Ковалевский, Л.Г. Морган, Ф. Энгельс.

Теория первобытной патриархальной семьи была выдвинута Г. Мейном. Мейн писал, что первоначально люди жили в изолированных группах, подчинявшихся во всем родителю. Единицей древнего общества был не индивид, а семья. Теорию Мейна развил Э. Вестермарк, объединив биологические и социологические факторы, определяющие понятие «семья». Вестермарк писал, что в основе происхождения семьи лежал половой инстинкт, однако в современном обществе семья не ограничивается организацией половых отношений, а является также экономическим институтом, регулирующим собственные права партнёров и их детей [Никишенков 2008].

Понимание изменчивости видов семьи и брака как центральное для эволюционного подхода нашло наиболее полное отражение в работах американского учёного Льюиса Г. Моргана, в 1877 г. опубликовавшего труд «Древнее общество». Морган чётко разграничил род и семью, показав, что род – это экзогамная группа и между его членами невозможно создание брака. Следовательно, первобытный род не мог включать в себя семьи. Таким образом, древнейшей формой рода являлся материнский род, который был основан на общем хозяйстве и экзогамных-эндогамных брачных отношениях.

Распад коллективной собственности, а также возникновение частной собственности привели к развитию рода от материнского к отцовскому и изменили парную семью на моногамную. Морган различал моногамную семью и брачные пары, которые легко распадались в древнем родовом обществе, поскольку они не обладали хозяйственной самостоятельностью, частной собственностью и наследованием.

Данная идея была в дальнейшем развита Ф. Энгельсом. По мнению немецкого учёного, моногамная семья не была итогом индивидуальной любви, а выражением экономического господства мужа. В то же время рождение детей, наследующих богатство отца, – настоящая цель моногамии. Эти мысли учёный выразил в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) [Антонов 1996: 38–39].

Большой вклад в социологию семьи внёс русский социолог М.М. Ковалевский, основавший вместе с не менее именитым русским социологом Е.В. Роберти первую в России кафедру социологии. Применяв историко-сравнительный метод, М.М. Ковалевский разработал теорию генетического родства всех общественных явлений и институтов – генетическую социологию. Учёный провёл глубокий анализ брачно-семейных отношений в древнейшую человеческую эпоху, опровергнув утверждения предшественников о беспорядочности общения полов. По мнению Ковалевского, родство по матери и экзогамия ведут за собой регуляцию половых отношений, которые на первобытной стадии были подчинены сохранению и воспроизводству поколений.

Функционалистский подход к изучению семьи более сосредоточен на исследовании социокультурных функций семьи как социального феномена и социокультурных ролей, выполняемых членами семьи. Основатель социологии О. Конт рассматривал семью как универсальный общечеловеческий феномен и школу социализации. Наиболее важной функцией семьи Конт называет передачу традиций, что обеспечивает социальную преемственность в обществе [Конт 1971].

Другим последователем данного подхода являлся Э. Дюркгейм. Исследователь представлял семью как часть социальной реальности, включённой в универсальный природный порядок. Главной темой теории Дюркгейма является тема социальной солидарности – силы, сплачивающей общество, объединяющей индивидов в единое целое. Нарушение социальной солидарности ведёт к кризису социальной системы, вследствие чего семья утрачивает свои функции сплочения коллектива [Дюркгейм 1991].

Эмпирический подход уделяет внимание изучению семьи как малой социальной группы, эмоциональной близости членов семьи, их потребностей и влечений. Французский социолог Ф. Ле Пле полагал, что, для того чтобы понять общество, необходимо вначале понять семью, поскольку в ней мы наблюдаем все особенности общества. По мнению Ле Пле, внешняя среда обуславливает экономическую жизнь семьи и, соответственно, диктует форму семьи, что, в свою очередь, воздействует на общественные процессы [Бурова 2010: 75].

Современные исследования феномена семьи не ограничиваются представлением о семье как о социальном феномене. Они отмечают природу семьи как культурной составляющей и её влияние на формирование и воспроизведение человеческих ценностей.

Семья развивается вместе с обществом, но, тем не менее, остаётся его наиболее устойчивым и консервативным элементом. Она играет большую роль в становлении и сохранении культуры, т. к. лишь в семье раскрывается культурный смысл важнейших ценностей общества. Семья в своеобразной форме даёт в миниатюре всю совокупность общественных отношений и оказывает

значительное воздействие на сферы общественной жизни. Она является одним из важнейших агентов процесса социализации [Розенберг 2008: 45–46].

Семья знакомит индивида с общественными ценностями, устоями и примерами поведения. Кроме того, она является главным началом, определяющим религиозную принадлежность индивида, формирующим его этническую идентичность и мировоззрение. Семейные традиции включают в себя объекты общественного наследия и обуславливают способы социального наследования. Традиции, сложившиеся в повседневности семьи, оказывают влияние на образ жизни индивида, а также культуру, религиозную принадлежность и ценности, присущие той или иной местности или народу. Семейная культура – это совокупность культурных норм, ценностей и традиций, формирующихся в процессе культурной, общественной повседневности семьи. Семейная культура находится в зависимости от образа жизни, типа и состава семьи [Розенберг 2008: 49–50].

Выдающийся отечественный культуролог А.Я. Флиер пишет, что семья должна изучаться не только в качестве первичной социально-хозяйственной ячейки общества, но также и как субкультурная система, поскольку она обладает определёнными особенностями уклада и образа жизни, оценочных установок. Самое главное, отмечает исследователь, состоит в том, что именно в семье идёт первичная социализация молодого поколения, следовательно, семья выступает в качестве «культуротворческого института» и по значимости не уступает школе и вузу [Флиер 2002: 158].

Приведённые теоретические положения позволяют нам рассуждать о *культурологическом подходе* к изучению проблем семьи. Особенность данного подхода состоит в попытке в целом осмыслить явление семьи, представив его в качестве феномена культуры, который определяется определёнными внешними и внутренними факторами и обладает большим влиянием на общественную жизнь. В рамках культурологического подхода семья может изучаться как целостность, которая обладает признаками субкультурного явления и выступает главным социальным механизмом, при помощи которого сохраня-

ются традиции и передаётся ценностно-смысловой комплекс культуры народа, социума или группы.

Большинство современных исследователей рассматривают семью как социокультурный феномен. Социокультурный подход уделяет наибольшее внимание исследованию исторически сложившихся стабильных социально-ценностных структур, устанавливающих границы для изменения социума. Вместе с тем данный подход объясняет разнообразие проявлений основных общественных процессов в различном культурно-историческом контексте. Более того, семья является не только универсальным способом организации общественных связей, взаимодействия и взаимоотношений индивидов, но также и особой сферой жизни и культуры слаженной группы людей. В данном смысле она является совокупным субъектом деятельности. Деятельность совокупного субъекта – это интегративный результат взаимодействия составляющих отдельных субъектов, что отличается от простой суммы их личностных качеств определёнными новыми кооперативными параметрами. Цели и действия семьи как совокупного субъекта являются отражением коллективного сознания её членов, которые объединены в семейную группу на базе исторически сложившихся устойчивых социальных связей [Пьянов 2011: 160–168].

Для определения содержания понятия «семья» необходимо также учитывать общественно-экономические, исторические и национальные условия. Так, в дореволюционной России семья подчинялась традиционному патриархальному житейскому укладу, который включал в себя механизм социализации, воспитывающий соборность, работу на благо семьи, подчинённость детей и женщин главе семьи – мужчине [Гавров 2009: 134].

Семейные функции в большинстве обществ не имеют значительных различий, однако формы семьи разнообразны. С.С. Фролов выделяет две формы семьи: нуклеарную и родственную. Семья, состоящая из мужа, жены и детей, называется нуклеарной (супружеской). Родственная семья основывается не только на супружеских отношениях, но и на кровном родстве. В такую семью входит большой клан родственников с их супругами и детьми.

В родственной семье ответственность и забота о детях распределяются среди большого числа членов семьи. Ребёнок оказывается тесно связан не только с родителями, но и с дядями и тётями, у него появляется больше возможностей для общения и социализации к большому числу ролей. Родственная семья может защитить ребёнка от жизненных невзгод, поскольку роль родителей могут играть родственники.

Эти формы семьи выполняют разные функции. В нашем обществе родственная семья собирается только во время семейных сборов и торжеств, в то время как нуклеарная семья выполняет важнейшие функции общества. Это может выражаться в культуре: например, законы и нравственные нормы указывают, что родители должны поддерживать своих детей, но ничего не говорят об обязанностях по отношению к братьям, сёстрам, дядям или тётям [Фролов 1997: 163–164].

Родительство представляет собой общественно-психологическое явление, которое вызывает у индивида эмоциональную оценку знаний, суждений и взглядов в отношении его как родителя, выражаемую в поведенческих проявлениях родительства [Овчарова 2003: 14].

Большое значение имеет тип родительского поведения, в котором существуют различия между поведением матерей и отцов. Матери проводят с ребёнком значительно больше времени, чем отцы. Мама в большей степени побуждают развитие речи ребёнка, а отцы направляют своё воспитание на поощрение активности детей. Существуют различия и в функциональном назначении материнства и отцовства: матери выполняют функции любви и заботы, отцы – функции защиты и воспитания. Две основные формы родительства – материнство и отцовство – осуществляют различные функции воспитания и имеют различный характер воздействия на развитие ребёнка [Никонова 2014: 63–64].

1.1. Лексико-семантическое поле

Одним из наиболее распространённых в современном языкознании подходов к описанию значения слова является полевой подход. В современной лингви-

стике анализируются не только сами языковые поля, но и полевая организация языка как системы. Множество работ исследователей по изучению семантического поля указывают на эффективность полевой модели языковой системы, которая, по мнению И.А. Стернина, описывает систему языка как непрерывную совокупность полей, периферийные зоны которых соприкасаются и характеризуются многоуровневостью [Стернин 1985].

Термин «лексико-семантическое поле» (ЛСП) имеет отличие от таких терминов, как «словесное поле» и «лексическое поле», состоящее в том, что элементами ЛСП являются не только лексемы, но и семантическая общность как метод их объединения [Тихонов 1994: 3].

С момента своего появления этот термин вызвал множество дискуссий. Теория семантического поля берет своё начало в трудах Ф. де Соссюра о «значимости языковых сущностей», которые возникают лишь в составе замкнутых систем. Другой выдающийся лингвист, оказавший большое влияние на зарождение теории семантического поля, – В. Гумбольдт. Он предложил учение о внутренней форме языка.

Первую попытку определения поля осуществил П. Роже в процессе создания идеографического словаря (1852 г.) [Иванова 2011: 127]. Тем не менее термин «поле» (Feld) впервые появился лишь в 1924 г. в работе Г. Ипсена в значении совокупности слов, которые обладают общим значением [Ipsen 1924: 225]. В более поздней работе Ипсен представил более широкое понимание поля как совокупности лексем, которые объединены вокруг ядра поля как семантически, так и формально [Ipsen 1932: 14].

1.1.1. Понятие «лексико-семантическое поле»: зарубежный взгляд

Объектом исследования Г. Ипсена является поле, которое образовано только на основе лингвистических отношений. Исследователь выбрал для анализа индоевропейское поле металлов, поскольку оно является совокупностью лексем, которые являются родственными как с точки зрения формального признака, так и по значению. Многоступенчатое объединение названий металлов, проведённое

Г. Ипсеном, заключается в следующем: 1. Объединение разрозненных лексических единиц в класс лексем; 2. Конкретизация данных лексем при помощи метода синтаксического членения; 3. Включение названий металлов в единую систему обозначения. Тем не менее, согласно мнению некоторых лингвистов, теория Г. Ипсена обладает ограничениями в применении. Это объясняется тем, что подобных групп лексем, которые бы являлись родственными как по семантическому, так и по формальному признаку немного.

Необходимо также отметить концепцию А. Йоллеса. Учёный вводит понятие «синонимон» (*synonymon*). Под этим термином он понимает ядро поля – понятие, к которому стремятся все его члены. Согласно Йоллесу, чем важнее ядро поля, тем больше находится в его периферии лексем, которые необходимы, чтобы конкретнее выразить определённый синонимон, например, «links» – «rechts» в немецком языке, «левый – правый» в русском языке. Следовательно, синонимон постоянно расширяется [Jolles 1934].

Плодотворную дискуссию среди лингвистов вызвала концепция семантического поля Трира – Вайсгербера, которые учли сильные и слабые стороны теорий предшественников.

В основе концепции Й. Трира лежит идея о том, что язык не отражает объективную реальность, а сам создаёт её образ. Семантическое поле представляет собой компактный, внутренне объединённый отрезок словаря, компоненты которого внутренне ограничивают друг друга и, подобно мозаике, покрывают данную понятийную сферу. В ней раскрывается «картина мира», специфичная и для различных языков, и для одного определённого языка в диахроническом аспекте. Задача исследователя заключается в определении специфичных для изучаемого языка распределения, связи и взаимообусловленности значений. Для выполнения этой задачи лексика должна быть разбита на определённые участки – поля [Ахманова 1957: 78–79].

В концепции Й. Трира выделяются два типа полей: *понятийные поля* (Begriffsfelder) и *лексические поля* (Wortfelder). Каждому полю понятийной сферы внутри системы языка соответствует лексическое поле, состоящее из сово-

купности лексических единиц. По мнению Й. Трира, слова, представляющие собой единицы лексического поля, целиком покрывают понятия как составляющие понятийного поля. Эти элементы лексического поля определяются принадлежностью лексем к понятийному полю и их способностью передавать определённые понятия. Лексическое поле выступает в качестве самостоятельной единицы и находится в промежуточном положении между всей системой языка и отдельной лексемой. Такие единицы отличаются самостоятельностью, т. к. отдельные лексеммы не могут обособленно являться носителями значения. Слово имеет значение потому, что значением обладают слова, которые являются смежными с ним и входят в одно поле. Носитель языка понимает отдельные лексеммы, поскольку всё поле лексических единиц находится в его сознании. Таким образом, слово приобретает значение лишь внутри поля [Башарина 2007].

Совокупность понятийных и лексических полей Й. Трир называет *языковыми полями* (Sprachliche Felder). Это замкнутые двусторонние самостоятельные единицы языка. В то же время языковые поля являются *промежуточным звеном* между лексической системой языка, состоящей из зависимых единиц, и семантической системой языка, которая создаётся языковыми полями [Шафиков 1999].

Трактовка понятия «поле» у В. Порцига отличается от трактовки в теории Трира: В. Порциг уделил внимание проблеме семантического соотношения между глаголами, именами существительными и прилагательными. Исследователь пишет о наличии в системе языка синтагматического поля, которое представляет собой словосочетания и синтаксические сочетания, которые основаны на «сущностных связях значений» (синтаксических компонентов) [Porzig 1950: 126]. По мнению В. Порцига, поля являются словесными комплексами, элементы которых объединены простыми соотношениями, например: глагол и субъект или объект. Подобные соотношения, обладающие общим значением, представляют собой *элементарные поля значений*. По мнению В. Порцига, языковое значение может быть определено посредством его отношения к остальным значениям. Тем не менее, в отличие от теории Й. Трира, концепция В. Порцига

признаёт существование самостоятельности слов, которые являются единицами элементарных полей значений. Как и в теории Трира, в концепции Вайсгербера отрицается существование полисемии [Вайсгербер 1993: 67].

Концепция словесных полей (Wortfelder) Л. Вайсгербера близка к теории Трира. Вайсгербер также считает значение слова составным компонентом поля, а не самостоятельным элементом. Л. Вайсгербер поддерживает концепцию Трира в том, что лексема представляет собой минимальную зависимую единицу, существующую лишь внутри лексического поля. Л. Вайсгербер пишет, что словесное поле существует как целое; следовательно, для понимания значения одного его компонента необходимо найти в структуре поля место данного компонента [Weisgerber 1962: 185]. Вайсгербер полагал, что некоторые элементы поля даже не имеют соответствий в действительности. Так, например, у слова «серый» в ряду «белый – серый – чёрный» отсутствует прямое соответствие в цветовом спектре, поскольку данная лексема обозначает тона от белого к чёрному; таким образом, слова «белый», «серый» и «чёрный» ограничивают друг друга семантически [Weisgerber 1962: 170]. Вайсгербер считал эти примеры доказательством того, что семантическое членение языковой системы определяют не реальные отношения в объективной реальности, а принципы, заложенные в семантической структуре языка.

Вайсгербер разделяет языковые поля на однослойные и многослойные [Weisgerber 1962: 117–192]. Членение однослойных полей опирается на один признак, например, это ряды чисел, термины родства и т. п. В то же время членение многослойных полей опирается на несколько признаков, т. е. на различные точки зрения. Примером многослойных полей является группа глаголов с ядерным значением «умирать, лишаться жизни» [Васильев 1971: 109].

Отличие теорий Л. Вайсгербера и Й. Трира заключается преимущественно в методе выявления семантического поля: Трир применяет ономаσιологический способ, Вайсгербер – семасиологический. Тем не менее конечный результат данных концепций один – языковое поле, образующее некий «промежуточ-

ный мир» между сознанием носителя языка и окружающим миром [Шафиков 1999: 10–13].

Дискуссия о теории Трира – Вайсгербера ведётся до 80-х гг. XX в. (см., например: Гухман 1961, Караулов 1976, Кузнецова 1963, Уфимцева 1961, Щур 1974). Вначале ведётся обсуждение теоретических проблем соотношения элементов лингвокультурной картины мира с эквивалентными полями в тех или иных языках, а также проблемы вхождения одной единицы в одно или разные поля. В более поздних исследованиях поле описывается как инвариантное понятие, обсуждается способ выделения поля, его статус в языке и таксономия семантических полей. Также появляется тенденция к созданию единой теории поля [Geckeler 1971].

Критики полевого метода уделяют основное внимание концепции Й. Трира, отмечая слабые места этой теории: недостаточный объём эмпирического материала (Й. Трир анализирует лишь поле «интеллект» в немецком языке); узость материала, основанного на древнем состоянии языка; пренебрежение асимметрией языкового знака, что может привести к искусственному ограничению поля; недостаточный анализ синтагматических связей лексем; придание излишней значимости словам [Уфимцева 1962].

Несмотря на слабые стороны концепции Трира – Вайсгербера, Л.М. Васильев считает её важным этапом развития структурной семантики, за которым последовали новые исследования в области теории поля. Л.М. Васильев делит работы последователей на оригинальные и подражательные. Подражательные исследования указывают на необоснованность многих положений теории Й. Трира, в то время как оригинальные, преодолевая ошибки трировской концепции, намечают новые перспективы [Васильев 1971: 107].

Ученик Й. Трира К. Ройнинг, в отличие от своего наставника, проанализировал семантическое поле «радость» в современном английском и немецком языках на основе языкового материала разных частей речи. К. Ройнинг признал наличие в системе языка пересекающихся групп. Как и Й. Трир, К. Ройнинг применил ономазиологический подход, поскольку, по мнению исследователя,

в основе выделения поля лежит понятие, а не слово [Reuning 1941: 20]. Ройнинг разделяет поле на субполя на основе интенсивности чувства радости, характера её проявления, его отнесённости по времени и наличия у него направленности.

Важный вклад в развитие теории поля был сделан А. Рудскогером, который провёл исследование семантических полей, которые были образованы многозначными английскими прилагательными «fair», «foul», «nice», «proper». А. Рудскогер относит многозначные слова к разным понятийным сферам, в то время как понятийные поля, по мнению исследователя, почти перекрывают друг друга и могут, как термины, использоваться в речи без ограничений [Rudskogger 1952: 12]. Согласно этой концепции, понятийное поле и понятийная сфера различаются так же, как различаются отдельные значения полисемантического слова и понятие, выражаемое данной лексемой. В отличие от Трира – Вайсгербера, Рудскогер пишет, что во всех словах часть полисемантических значений утрачивается. Само многозначное слово входит одновременно в несколько понятийных полей.

Также необходимо отметить, что важным вкладом в теорию поля пражской и французской лингвистических школ стало понятие ассоциативного поля. Оно позволило углубить типологию полей, расширяя начальное представление о языковом поле как о парадигматическом или синтагматическом ряде. С.Г. Шафиков выделяет следующие общие признаки ассоциативного поля, встречающиеся в работах французских и пражских лингвистов: обширность, неустойчивость границ, воздействие субъективного фактора при определении поля, отсутствие общего критерия определения поля, т. к. в качестве подобных критериев могут выступить как общезыковые и индивидуальные ассоциации носителей языка, так и экстралингвистические факторы [Шафиков 1999: 10].

Понятие ассоциативного поля в дальнейшем исследуется Э. Косериу и отечественными учёными, в частности Ю.Н. Карауловым.

Теория Э. Косериу фундаментально не противоречит концепции Трира – Вайсгербера, созданной благодаря интуиции. Однако между ними существуют

некоторые отличия, состоящие в том, что Э. Косериу развивает теорию поля в структурном направлении, связывая её со структурной семантикой.

Если в трудах Трира – Вайсгербера понятия «понятийные поля» и «лексические поля» могут использоваться как взаимозаменяемые, то Э. Косериу их чётко разделяет. Согласно Косериу, лексическое поле является понятийным полем, однако не все понятийные поля формируют лексическое поле, относясь, к примеру, к сфере терминологии. Это объясняется тем, что все лексемы выражают понятия, но не все понятия выражаются одной лексемой. Так, понятие «30-летняя война» выражается словосочетанием. Автор отмечает отсутствие изоморфизма между языковыми единицами, расположенными на лексическом и семантическом уровне. Единицами лексического уровня исследователь считает лексему и архилексему, которая определяется как единица, покрывающая при её наличии всё смысловое содержание поля. Смыслоразличительными характеристиками при анализе слов обладают семы. В зависимости от уровня структурированности поля Э. Косериу выделяет лексические и ассоциативные поля. Лексическое поле является центростремительной лексематической системой, структура которой обуславливается семантическими различиями между её единицами. Ассоциативное поле отличается большей степенью семантической энтропии, обладая центробежным характером [Coseriu 1981: 58].

С. Г. Шафиков пишет, что Косериу не приводит убедительных критериев дифференциации лексических полей и классов, а также лексических полей и тематических групп. Лингвист отмечает, что вызывает сомнение и предъявленный Косериу критерий разделения понятийного и лексического полей, поскольку подобное суждение ведёт к тому, что лексическое поле всегда будет меньше понятийного поля в связи с отсутствием в нём словосочетаний [Шафиков 1999]. Для Косериу термин «лексическое поле» тождественен термину «семантическое поле», поскольку лексемы объединяются по семантическому признаку. Тем не менее, по мнению Б. Ю. Городецкого, структурные отношения внутри семантического поля образуются не самими лексемами, а их держательными признаками [Городецкий 1969: 173].

Отличительной чертой ассоциативных полей Ш. Балли является применение психолингвистического метода в процессе выделения языковых областей, имеющих инвариантное содержание [Балли 1955]. По мнению исследователя, языковая система представляет собой обширную сеть постоянных ассоциаций, схожих между собой у всех носителей языка. Данные ассоциации распространяются на всю языковую систему, начиная от синтаксиса и стилистики и заканчивая лексикой и основными формами произношения [Балли 1955: 30]. Балли приводит пример ассоциативного поля «животные». Признавая, что объём ассоциаций у людей может быть разным, Балли пишет о гибкости поля, которое может изменяться в зависимости от степени мотивированности знака. Если поле является более лингвистически мотивированным, то основное внимание говорящего сосредоточивается на его внутренней стороне, а тем самым чётче обозначается граница поля. И, наоборот, если знаки данного поля являются более произвольными, у данного слова-стимула будет больше ассоциатов.

Ассоциативные поля, предложенные Ш. Балли, схожи с морфосемантическими полями П. Гиро и понятийными полями Г. Маторэ. П. Гиро определяет морфосемантические поля как совокупность отношений форм и значений, образуемую группой лексем [Guiraud 1969]. В качестве примера морфосемантического поля он приводит французское слово *chat* («кот»): оно входит в различные ассоциативно-понятийные ряды («растения», «животные», «вещи» и др.) и может быть обозначено различными рядами синонимов (диалектными, жаргонными, архаичными и т. д.), которые составляют в общем более 100 наименований.

Исследование Г. Маторэ характеризуется ономазиологическим и социолингвистическим подходами к проблеме поля [Matore 1953]. В своей работе Маторэ на материале обширного пласта французского лексикона изучает понятийное поле (*champ notionnel*), которое он описывает как средство изучения социальных устоев, культуры и нравов общества. Слова, составляющие данное поле, он описывает как *социальные единицы* двух типов. Под первый тип – *слова-свидетели* (*mots-temoins*) – попадают неологизмы, характерные для той или

иной эпохи. Второй тип – *слова-ключи* (mots-clefs) – составляют ядро поля, выражая «идеальный» вариант данного поколения. Однако эта теория, несмотря на некоторую оригинальность, не даёт решения проблемы системного изучения лексики.

О. Духачек определяет языковое поле как совокупность слов, которые связаны между собой установленными взаимоотношениями и формируют иерархически организованную структуру. Духачек подразделяет языковые поля на морфологические, синтагматические (синтаксические) и ассоциативные. Внутри морфологического поля лексемы собираются вокруг стержневого слова, внутри синтаксического поля лексемы организованы на основе их формально-семантического сходства вокруг центрального члена, в то время как внутри ассоциативного поля организация происходит на базе субъективных психологических ассоциаций.

Согласно О. Духачеку, понятийное поле является лексическим множеством, образованным на базе семантической схожести и охватывает все лексические единицы, соответствующие определенному понятию [Ducháček 1967: 34]. Понятийное поле обладает ядром, куда входит наиболее употребительное слово, периферией и промежуточной областью, расположенной ближе к ядру или периферии.

Лингвист выделяет два типа понятийных полей: элементарное и комплексное. Ядро элементарного понятийного поля состоит из одного понятия, ядро комплексного – из нескольких. Комплексные понятийные поля более обширны и менее однородны, чем элементарные. С.Г. Шафиков отмечает, что выделение комплексного поля является важнейшим вкладом О. Духачека в разработку теории поля. В концепции исследователя также заложено принципиальное разграничение частеречных и межчастеречных полей [Шафиков 1999].

Изучив труды зарубежных исследователей о понятии «лексико-семантическое поле», мы отмечаем преобладание ономаσιологического подхода к исследованию данного понятия в них. В большинстве работ наблюдается выделение понятийного и лексического полей, в ряде работ – и ассоциативного

поля. Многие зарубежные исследователи не признают слово как самостоятельную единицу ЛСП, так как, по их мнению, понимание слова невозможно без представления всего поля и определения места данного слова в его структуре.

1.1.2. Понятие «лексико-семантическое поле»: отечественный взгляд

О.С. Ахманова отмечает, что понятие «языковое поле» Трира у Вайсгербера выступает в качестве *динамической реальности*. Вайсгербер ставит вопрос о трёхчленном соотношении «звук – посредствующий мир мысли – реальное бытие». Понятие «семантическое поле» у Вайсгербера не представляет собой нечто единое и однородное, а даёт сложное деление по сферам и разновидностям употребления языка. Исчезает теория одновременного присутствия всего семантического поля в сознании говорящего [Ахманова 1957: 80].

Ю.Д. Апресян [Апресян 1974: 125] пишет, что семантическое поле включает множество значений, обладающих одним общим семантическим компонентом, включая слова разных частей речи.

По мнению Л.А. Новикова, обозначение элементов ЛСП термином «слово» не является вполне корректным. Лингвист пишет, что более подходящий термин – «слово-понятие», т. к. ЛСП включает в себя лишь то значение слова, которое характеризуется единым семантическим признаком – архисемой. К примеру, лексема «сестра» имеет как определение «дочь тех же родителей», так и «лицо среднего медицинского персонала в лечебном учреждении». Таким образом, ЛСП «семья» включает лишь первое словарное значение слова [Новиков 1982: 65].

И.А. Стернин отмечает, что поле является совокупностью элементов, между которыми присутствуют системные отношения. Элементы, входящие в состав поля, отличаются семантической общностью и осуществляют в языке одну функцию. По мнению лингвиста, в состав поля входят как однородные, так и разнородные единицы. Поле можно разделить не менее чем на два микрополя. И.А. Стернин пишет, что поле характеризуется вертикальной организацией (структура микрополей) и горизонтальной организацией (взаимоотношение

микрополей). В составе поля исследователь выделяет ядро и периферию, между которыми распределяются выполняемые полем функции. Ядро поля организуется вокруг компонента-доминанты.

Автор отмечает, что ядерные конститuentы наиболее однозначно выполняют функции поля, употребляются в речи систематически и являются наиболее частотными по сравнению с периферийными конститuentами. В то же время граница, разделяющая ядро и периферию чётко не обозначена, поскольку элементы поля могут находиться в ядерной зоне одного поля и в периферии другого. Таким образом, может происходить частичное наложение полей друг на друга, в результате чего образуются «зоны постепенных переходов», что является воплощением закона полевого принципа организации системы языка [Стернин 1985: 30–31].

Н.А. Боровикова пишет, что смысловую структуру слова образует система, состоящая из элементов отдельных сем. Данное явление автор называет семантемой полисемантического слова [Боровикова 1989: 133]. Общие грамматические, категориально-лексические, дифференциальные и др. семы объединяют данные элементы. Боровикова отмечает наличие в семантеме ядерной и периферийной зон и взаимодействие разных семантем друг с другом. По мнению исследователя, в процессе развития языка семантемы исчезают или заменяются новыми, что способствует расширению или сужению семантики.

С.Г. Шафиков определяет семантическое поле как совокупность значений (семем), определяемых общей семой. В концепции С.Г. Шафикова отсутствует глубина, формируемая семантической системой полисеманта. Автор отличает непосредственно семантическое поле, отличающееся только двумерным, плоскостным пространством, от лексико-семантического поля, обладающего трёхмерным, многогранным пространством [Шафиков 1999].

И.М. Кобозева выделяет такие свойства семантического поля, как присутствие системных семантических отношений (корреляций) между составляющими его лексическими единицами, их взаимозависимость и взаимоопределяемость; относительная автономность семантического поля; непрерывность обо-

значения смыслового пространства семантического поля; взаимосвязь различных семантических полей внутри лексической системы языка (всего его словаря). По мнению исследователя, связи между различными значениями лексических единиц в семантическом поле по степени общности могут как иметь широкий охват, так и быть специфичными для некой определённой понятийной области связи.

И.М. Кобозева отмечает, что широкими семантическими отношениями характеризуется группа синонимических корреляций. К синонимии относятся отношения, которые базируются на полном или частичном совпадении словесных означаемых. Лексемы, связываемые подобной корреляцией, называются синонимами.

Выделяются несколько разновидностей синонимии. Корреляция полной, или точной, синонимии связывает слова, у которых нет семантических различий. Точная синонимия встречается в языке редко. Примерами данной корреляции можно называть следующие пары слов: «бросать – кидать»; «глядеть – смотреть»; «езде – всюду» и др.

В случае совпадения значений слов во всех элементах прагматического слоя, кроме экспрессивно-оценочных, данные отношения автор обозначает понятием «экспрессивно-стилистическая синонимия». И.М. Кобозева приводит следующие примеры подобных синонимов: «убегать – драпать – улепётывать», «policeman» – «сор» («полицейский») и др. Автор отмечает, что синтаксическая синонимия может присутствовать в случае, когда различия между словами прослеживаются только по синтаксическому значению, т. е. по некоторым грамматическим или лексическим ограничениям сочетаемости данного слова с другими лексическими единицами. Например, синтаксическим синонимом лексемы «полный» в значении высшей степени оказывается лексема «круглый», выражающая это значение лишь в сочетании с двумя словами: «сирота» и «дурак». В данную категорию автор относит и слова, принадлежащие разным частям речи, которые, несмотря на совпадения по денотативному, сигнификативному и прагматическому слоям, имеют отличия по принадлежности к некоторой лек-

сико-грамматической категории: к примеру, глагол «верить» и имя существительное «вера», прилагательное «мудрый» и имя существительное «мудрость».

Квазисинонимами автор называет синонимы, обладающие различиями в денотативном и сигнификативном слое значения. И.М. Кобозева подразделяет квазисинонимы на две разновидности: гипонимия и несовместимость.

По мнению исследователя, гипонимические корреляции (гипогиперонимические, родовидовые) представляют собой связь между лексической единицей, обозначающей общее родовое понятие, с лексемами, обозначающими отдельные подразделения данного понятия. К примеру, слово «синица» может быть сопоставлено с родовым понятием «птица» и т. п. И.М. Кобозева называет лексему, обозначающую родовое понятие, гиперонимом, в то время как лексическая единица, обозначающая конкретный случай, – это гипоним. Лексемы, обладающие общим гиперонимом, определяются как когипонимы (согипонимы). Так, слова «синица», «воробей», «ворона», «грач» и др. являются когипонимами, т. к. обладают общим гиперонимом «птица». Когипонимы, в свою очередь, связаны между собой корреляцией несовместимости. Автор приводит такие примеры корреляции несовместимости, как лексемы «мать» и «отец», «идти» и «бежать» и др. По мнению исследователя, подобные лексические единицы связаны корреляцией несовместимости, поскольку у них нет возможности одновременно определять один и тот же феномен или объект. Несмотря на то, что между денотатами несовместимых лексем нет пересечения, у их сигнификатов существует общая часть – совокупность признаков, которые образуют сигнификат общего гиперонима.

Для сопоставления И.М. Кобозева называет примеры лексических единиц, отличающихся по смыслу: лексемы «студент» и «поэт». Данные лексические единицы отличаются различными значениями, хотя они и не связаны корреляцией несовместимости, что объясняется тем, что множества студентов и поэтов могут пересекаться. В то же время лексемы «студент» и «школьник» являются несовместимыми по значению.

Лексические единицы могут быть также несовместимы в случае, когда в языке отсутствуют лексемы, определяющие общее родовое понятие. Так, в языке отсутствуют лексемы, выражающие родовое понятие для лексических единиц «отличник», «хорошист», «троечник» и т. п., которые находятся в корреляции несовместимости.

Корреляция «часть – целое» связывает наименование определённого объекта с наименованиями составных частей данного объекта. К примеру, лексема «дерево» связана корреляцией «часть – целое» с лексическими единицами «ветка», «лист», «ствол» и «корни». И.М. Кобозева подразделяет данный тип корреляций на частные разновидности.

И.М. Кобозева называет антонимией группу корреляций, которые связывают лексемы, выражающие противоположные понятия. Исследователь разделяет антонимию на несколько видов: комплементарная, векторная и контрарная.

Комплементарная антонимия (отношение дополнительности) объединяет два слова в том случае, когда отрицание того значения, которое обозначает одна лексема, влечёт за собой утверждение другого значения, обозначаемого второй лексемой, к примеру, «женатый – холостой», «спать – бодрствовать», «с – без» и т. п. И.М. Кобозева отмечает, что возможно рассмотрение комплементарности как подвида несовместимости в том случае, когда происходит полное распределение между ними определённой содержательной области, общей для обоих слов. Например, лексические единицы «студент» и «школьник» являются несовместимыми, но в то же время они не находятся в отношениях комплементарной антонимии, т. к. общее для них понятийное поле, выражаемое лексемой «учащийся», не покрывается до конца значениями данных слов.

Векторная антонимия объединяет лексемы, которые обозначают действия, имеющие разные направления: «влететь – вылететь», «здороваться – прощаться», «замерзать – оттаивать» и др.

Контрарная антонимия объединяет лексические единицы, в значениях которых присутствует указание на противоположные зоны шкалы, которая соответствует определённому измерению или свойству объекта или феномена,

например: размеру, температуре, интенсивности, скорости и т. п. Другими словами, контрарная корреляция свойственна для пар лексем, которые имеют «параметрические» значения: «длинный – короткий», «близкий – далёкий», «тепло – холодно» и др. Тем не менее, по мнению исследователя, между контрарными антонимами и словами, связанными комплиментарными отношениями, существует различие, заключающееся в том, что в контрарных антонимических отношениях существуют члены, находящиеся в средней части той или иной шкалы.

И.М. Кобозева называет вышеуказанные виды антонимии основными, хотя помимо них в языке имеются и другие разновидности, охватывающие меньшее число лексем, к примеру, в парах слов «вдоль – поперёк», «белый – чёрный».

Понятие «конверсивная корреляция» используется исследователем для обозначения слов, описывающих одну ситуацию, но рассматривающих её с точки зрения разных участников ситуации: «выиграть – проиграть», «над – под», «иметь – принадлежать» и др.

Автор пишет, что лингвисты долгое время ограничивались четырьмя указанными выше типами семантических корреляций: синонимическими, гипонимическими, антонимическими и корреляциями несовместимости. Однако Кобозева отмечает, что под эту классификацию не попадают отношения между такими словами, как «есть – съедобный», «выносить – выносимый», «терпеть – терпимый» и т. д. По её мнению, это происходит потому, что при установлении семантических корреляций применяется дистрибутивная методика, которая состоит из методов сегментации и субституции (или подстановки). Однако при использовании только данной методики происходит ограничение круга слов, между которыми существует возможность определения системных отношений; следовательно, данные слова должны относиться к одной и той же части речи. Так, в предложении «Он съел четыре конфеты» вместо съел можно подставить слова «сожрал», «украл», «принёс» и т. д., но не «съедобный», «еда», «едок». Таким образом, дистрибутивный подход даёт возможность определять корреляции лишь между лексемами, выражающими объекты или явления одного типа: названия объектов коррелируют лишь с названиями объектов,

имена явлений – лишь с именами явлений и т. д. Между тем, по мнению И.М. Кобозевой, если мы уберём необходимость подставимости в определённый контекст и оставим только семантическое требование о наличии значительной общей части в обозначаемых лексемами понятиях (сигнификатах), количество корреляций будет ограничиваться типами корреляций семантического поля.

В такой вид корреляций, как отношения семантической производности, автор включает крупную группу корреляций на основании того, что лексические единицы, объединяемые отношениями данного типа, зачастую связаны в языке формально словообразовательными отношениями между производной и производящей лексемами. Например, между лексемами «слушать – слушатель» существует семантическое отношение действия и его типового исполнителя, выраженное словообразовательными средствами, в то время как подобное отношение во французском языке («*écouter*» – «*auditeur*») не отличается словообразовательными характеристиками [Кобозева 2000: 99–108].

А.К. Башарина отмечает, что слова, входящие в лексико-семантическое поле, связаны структурными отношениями, главными из которых являются вхождение, схождение и расхождение. Ещё одной важной характеристикой лексико-семантического поля исследователь считает его специфическую структуру: ядерная зона, в которой сосредоточены признаки ЛСП, и периферийная зона, в которой находится неполный набор признаков ЛСП с вероятным смягчением их интенсивности. Элементы лексико-семантического поля состоят в различных семантических отношениях, складывающихся по отношению к его ядерной зоне, но характер этих отношений различается в зависимости от исследуемой группы лексем. Автор пишет, что существенным свойством ЛСП является его неравномерность семантических отношений входящих в него элементов и неоднородная структура, под чем А.К. Башарина понимает наличие у поля ядерной и периферийной зон. Исследователь отмечает и такую специфическую характеристику лексико-семантического поля, как аттракция, т. е. введение в ЛСП новых элементов со схожими признаками, как у слов, уже входящих в состав поля.

А. К. Башарина отмечает обязательность присутствия вышеуказанных характеристик поля (наличие структуры, системных отношений между единиц поля, ядра, периферии, неравномерность, аттракция) у полевой модели. Кроме того, полевая модель может иметь и дополнительные характеристики, свойственные только ей.

По мнению исследователя, в составе лексико-семантического поля находятся и лексико-семантические варианты полисемантических слов. Каждый лексико-семантический вариант имеет в структуре лексемы своё значение и может быть частью различных лексических группировок. Таким образом, модель поля диктует наличие в языковой системе подсистем, взаимодействующих и взаимопроникающих друг в друга. Согласно данной модели, язык является функционирующей системой, отличающейся постоянными перестройками её элементов и их отношений [Башарина 2007: 95–96].

Е.В. Иванова пишет, что каждое семантическое поле связано с другими и в совокупности с ними образует языковую систему. Границы семантического поля относительны и варьируются в зависимости от выбранного способа классификации, в то же время семантическое поле является автономным, возможно его выделение как самостоятельной подсистемы языка. Может произойти пересечение семантических полей и их полное вхождение друг в друга. Например, поля «обувь» и «одежда» полностью включаются в семантическое поле «потребительские товары» [Иванова 2011: 129–130].

Е.В. Иванова отмечает, что элементы семантического поля состоят в регулярных и системных семантических отношениях. По мнению исследователя, все лексические единицы, входящие в поле, являются противопоставленными друг другу. Так, если сравнить два цветовых ряда – «green – dark green» и «greenish – green – dark green», – мы увидим, что второй цветовой ряд даёт более детальное членение цвета.

Лингвист предлагает уточнение различий в понятиях «семантическое поле» и «лексико-семантическое поле». Так, лексико-семантическое поле представляет собой семантическое поле, которое образовано только словами.

С другой стороны, семантическое поле может включать также и устойчивые выражения: например, поле «жилой дом» может включать устойчивые словосочетания, называющие различные части дома: «living room», «French window», «bay window» и пр.

Е.В. Иванова выделяет в структуре лексико-семантического поля ядро и периферию. В ядро ЛСП включаются словесные знаки, в значении которых доминирует признак, который совпадает с понятием, образующим поле. К периферии поля исследователь относит словесные знаки, у которых этот признак занимает второстепенное положение [Иванова 2011: 128–130].

Такие исследователи, как С.Д. Кацнельсон и Ю.Н. Караулов, строят понятийные поля на основе оппозиций.

Под термином «понятийное поле» С.Д. Кацнельсон понимает «противоположение понятий, ищущее выражение в языке». Лингвист разделяет понятийные поля по характеру своей структуры на бинарные и полярные. Бинарное понятийное поле состоит в соотношении двух множеств, в совокупности образующих одно надмножество. Автор приводит такие примеры бинарных понятийных полей, как «день – ночь – сутки», «жених – невеста – жених и невеста» и др. В полярных понятийных полях два противоположных множества не исключают полностью друг друга, поскольку между ними находится «полоса постепенных переходов». С.Д. Кацнельсон считает примерами подобных полей группу слов со значением цвета, а также оценочные слова («хорошо», «плохо» и т. п.) [Кацнельсон 2011].

Структура ЛСП, предложенная Ю.Н. Карауловым, основывается на уровне значения лексемы. Значение лексемы, согласно Ю.Н. Караулову, представляет собой некое множество дифференциальных семантических характеристик или компонентов значения. Компоненты значения входят в состав данного множества. Вместе с тем два множества могут находиться в состоянии оппозиции друг к другу. Автор выделяет четыре типа оппозиций между множествами: нулевая, привативная, эквиполентная и дизъюнктивная оппозиция. Единицы множеств, находящиеся в нулевой оппозиции, одинаковы («лоб – чело (по-

эт.)»). Родовые и видовые имена находятся в состоянии привативной оппозиции («птица – ласточка»). Два пересекающихся множества состоят в эквивалентной оппозиции. В отличие от нулевой и привативной оппозиции, возникающих между словами, принадлежащих к одной части речи, эквивалентная оппозиция существует между словами разных частей речи и значениями многозначного слова («ум – умный»). Ю.Н. Караулов называет эквивалентную оппозицию самой распространённой. Наконец, дизъюнктивная оппозиция возникает, если у множеств отсутствуют общие элементы. Такое отношение образуется между словами, принадлежащими как к разным частям речи («слон – думать»), так и к одной («косить (траву) – косить (глазом)»).

По мнению исследователя, множества состоят в связях, относящихся к одной из данных оппозиций. Наряду с этим оппозиции между единицами внутри множества принадлежат к одному из двух типов – к нулевой или дизъюнктивной оппозиции, – поскольку элементы множеств могут лишь быть одинаковыми или различаться. Особым случаем различных элементов множества считаются контрарные элементы. Данная оппозиция возникает, когда одна единица множества отрицает другую, например: «металлы – неметаллы». Это отношение между единицами множества является антонимичной оппозицией. Следовательно, внутри дизъюнктивной оппозиции исследователь выделяет собственно дизъюнктивные и антонимичные отношения, существующие лишь в присутствии привативной оппозиции.

По мнению Ю.Н. Караулова, антонимичная оппозиция шире общелексической антонимии, поскольку единицы подобной оппозиции не только являются отрицанием друг друга, но и предполагают наличие у них общего родового понятия, которое являлось бы основанием для их сравнения. Например, лексемы «нога» и «рука» не являются антонимами в общенациональном языке, но они становятся антонимами в составе семантического поля.

На основе предварительного вывода о существовании связи лексических единиц в составе семантического поля и результатов анализа привативной оппозиции автор создаёт следующую полевую модель. Ю.Н. Караулов выделяет

в поле ядро, представляющее собой синонимическое отношение, содержащееся в родовом понятии. К ядру примыкают лексемы, значения которых обладают общими с ядром компонентами. Ю.Н. Караулов выделяет в отдельную группировку антонимы к наименованию поля [Караулов 1972].

Л.М. Васильев пишет, что синтагматические поля в теории Порцига отражают два типа реальных группировок слов по их валентным свойствам. Первый тип включает объединения слов в синтагматическое поле только на основании общности их синтагматических сем, т. е. семантической сочетаемости. К подобным семантическим синтагмам Л.М. Васильев относит не только абстрактные сочетания типа «подлежащее + сказуемое», «подлежащее + сказуемое + дополнение» и др., но и менее абстрактные сочетания, в которых за глаголом, обладающим значением поведения, следуют субъект и оценка поведения. Согласно данной точке зрения, как прилагательное «вороной», так и имя существительное «платье» принадлежат общему синтагматическому полю, поскольку семантически (но не лексически) эти лексические единицы могут сочетаться друг с другом. Второй тип объединения слов в синтагму, согласно Л.М. Васильеву, выделяет слова, основываясь не только на общности синтагматических сем данных лексем (семантической сочетаемости), но также на наличии у них общих нормативных валентных характеристик (лексической и грамматической сочетаемости). Примером подобных синтагм автор считает сочетания типа «имя существительное + имя прилагательное», «глагол + наречие» или типа «ржать + лошадь», «топорище + топор», «белокурый + волосы» и т. п. Группы первого типа являются смысловыми (семантическими) синтагматическими полями, группы второго типа – формальными (нормативными) синтагматическими полями [Васильев 1971: 113].

Л.М. Васильев отмечает, что членение языковых полей говорит о том, что у каждого народа существуют собственные методы членения внешнего мира, свои воззрения на окружающий мир, в результате чего семантические системы языков, в равной мере и образующие их поля, расходятся [Васильев 1971: 109].

Одной из наиболее полных типологий семантических полей является типология, представленная в работах Л.М. Васильева.

В более раннем исследовании учёный выделяет следующие фундаментальные типы полей: парадигматические, синтагматические и комбинированные. Л.М. Васильев разделяет парадигматические поля на следующие подтипы: лексико-семантические группы, синонимо-антонимический подтип, семантемы, словообразовательные парадигмы и части речи, включая их грамматические категории. Исследователь причисляет к парадигматическим полям классы лексем, идентичные по определённым смысловым признакам: лексико-семантические группы слов, синонимы, антонимы, множества взаимосвязанных значений многозначной лексической единицы, словообразовательные парадигмы, части речи, включая их грамматические категории. По мнению автора, синтагматические поля представляют собой группировки лексем, близко связанные друг с другом по их употреблению в речи, которые, тем не менее, не встречаются в общей синтаксической позиции. Комплексные поля образуются при сложении парадигматических и синтагматических смысловых полей. Среди комплексных полей Васильев выделяет словообразовательные ряды, в которые входят лексические единицы, принадлежащие разным частям речи, а также их парадигматические корреляты (к примеру, «учитель/преподаватель... учит/наставляет... ученика/студента...»), в том числе разнородные по инвариантным значениям частей речи лексико-семантические группы (к примеру, «слово, речь... – говорить, рассказывать...») и т. п. [Васильев 1971].

В более поздней работе Л.М. Васильев приводит следующую типологию полей:

1) семантические классы, элементы которых принадлежат к одной части речи и находятся в парадигматических отношениях друг с другом. Элементы данных семантических классов способны объединяться в четыре типа парадигм: лексико-грамматические разряды, синонимические ряды, антонимические ряды, лексико-семантические группы;

2) семантически соотнесённые классы лексических единиц, элементы которых относятся к разным частям речи и могут находиться в парадигматических и синтагматических отношениях друг с другом. Лексемы, входящие в данный класс, могут также объединяться в парадигмы следующих типов: словообразовательные гнезда и симиляры. В эту категорию автор заносит и ассоциативные поля, предложенные Ш. Балли, а также морфосемантические поля П. Гиро;

3) функционально-семантические поля, представленные в плане выражения как лексическими единицами, так и грамматическими средствами;

4) синтаксические парадигмы, выраженные словосочетаниями и предложениями, которые состоят в трансформационных (синонимических и деривационных) отношениях друг с другом, например: «мне холодно : я мёрзну : меня знобит» (в этот тип Л.М. Васильев включает и синтаксические поля, предложенные В. Порцигом);

5) семантико-синтаксические поля смешанного типа, появившиеся в результате объединения в единую семантико-синтаксическую модель словосочетаний типа «деятель – действие – объект воздействия» (например, «рабочие строят дом») нескольких лексических парадигм согласно валентности сказуемых [Васильев 1990].

Согласно данной типологии, понятие «семантическое поле» можно рассматривать как в широком, так и в узком значении. С одной стороны, в широком значении семантическим полем можно считать любое языковое поле, единицы которого выражаются и лексическими единицами, и грамматическими средствами и могут входить в парадигматические, синтагматические и смешанные структуры. С другой стороны, с точки зрения более узкого значения семантическое поле представляет собой парадигматическое поле, единицы которого выражаются лишь простыми лексическими единицами или фразеологическими единицами.

Из этого следует, что, согласно типологии Л.М. Васильева, в широком значении семантическое поле в плане выражения находится в соответствии

функционально-семантическому или лексическому полю, при этом в узком смысле оно может быть выражено только лексическим полем.

А.В. Бондарко разделяет функционально-семантические поля на следующие типы: 1) обладающие предметным ядром; 2) обладающие предикативным ядром; 3) обладающие квалитативно-квантитативным ядром; 4) обладающие обстоятельственным ядром [Бондарко 1983].

В процессе проведения практического исследования важной проблемой становится определение пределов семантического поля. Границы поля могут быть установлены исследователем и зависят от реального пространства, занимаемого полем в языке на данном этапе его развития, а также от возможности вхождения в поле новых элементов или выхода из него старых. По степени проницаемости границ С.Г. Шафилов разделяет поля на открытые и закрытые, а по протяжённости – на протяжённые и непротяжённые. Тем не менее, отмечает лингвист, указанные различия являются условными [Шафилов 1999]. В качестве примера исследователь приводит поле терминов родства, которое традиционно считают закрытым.

С.Г. Шафилов пишет, что данное поле может отличаться по протяжённости и закрытости в различных языках. При этом уровень протяжённости поля зависит от уровня его закрытости. С позиций семасиологии пространство, занимаемое полем в языке, может меняться под действием словообразовательных процессов, протекающих в языке. Вместе с тем, согласно ономаσιологической точке зрения, на протяжённость границ поля влияет точность вербализации обозначаемого понятия и наличие его актуальности для говорящего.

Так, при помощи русской приставки *пра-* и английской *great-* можно образовать безграничное множество лексических единиц, называющих представителей старшего поколения в поле терминов родства, например: «прапрадед» или «great-grea-grandfather» и т. п. Однако этот феномен невозможен в татарском языке, где соответствующие лексемы образуются с помощью синтаксического словосложения, что накладывает ограничение на возможность развития

такой парадигмы (ср. лексемы «бабай» (дед) и «ерак бабай» (прадед), букв. «далёкий дед» в татарском языке).

Разница в актуальности для общества наличия множества подтипов кровных родственников, по мнению С.Г. Шафикова, состоит в следующем. Автор отмечает, что для западного общества (английского, французского, русского и др.) исторически характерен значительный интерес, проявляемый к вертикальному типу родства (между старшими и младшими поколениями), при этом в восточном обществе, куда автор относит татарское, отмечается большее внимание к горизонтальному типу родства (между представителями одного поколения). Исторически обусловленный тип семьи играет роль в избирательности мышления носителя языка, превращающего смысл в значение. Исследователь пишет, что в русской языковой картине мира не прослеживается большой интерес к «правнучатому племяннику», вследствие чего в лексической системе языка нет соответствующей номинации, хотя в языке и существуют термины, близкие ему по значению («правнук», «племянник», «внучатый племянник» и др.) [Шафиков 1999].

С.Г. Шафиков отмечает, что для практического разделения типов семантического поля более удобным представляется использование критерия выделения поля на материале словарных статей. Исследователь считает необходимым применение семасиологического критерия для сигнификативного поля и ономасиологического критерия в процессе исследования денотативного поля. Несмотря на трудности в разграничении семантических полей разных видов, их отличие заключается в когнициии и базируется на наличии у поля разных видов характеристик, определяющих объекты той или иной категории, собственных и относительных. К примеру, вкус, цвет, форма и т. д. составляют собственные характеристики категории «яблоко», в то время как съедобность яблока является относительным свойством данной категории [Шафиков 1982: 93].

Уровень открытости границ поля находится в зависимости от этапа развития языка. Например, пишет С.Г. Шафиков, поле родства, отличающееся протяжённостью и строгой организацией, может возникнуть в языке, для носи-

телей которого характерен тип семьи, характеризующийся наличием множества различных родственных связей. Например, в татарском языке автор отмечает наличие в виде неполной парадигмы признака «сторона родства», который выражает отношение индивида к более старшему родственнику со стороны одного из его родителей. С.Г. Шафиков отмечает, что лексема «ерак бабай» в татарском языке имеет два значения: «прадед» и «дед со стороны матери»; аналогично «ерак эби» может означать «прабабушка» или «бабушка со стороны матери». В то же время в отдельных диалектах русского языка существуют слова со значением «дядя по отцу» – «уй», если по матери – «стрый» [Шафиков 1999].

Архаичные семейные связи находят отражение и в признаке «возраст внутри поколения “эго”» в татарском языке. Соответствующие термины «абый» (старший брат), «апа» (старшая сестра), «эне» (младший брат), «сенел» (младшая сестра) параллельно сосуществуют в языке с более общей парадигмой, куда входят наименования «туган» (брат или сестра), «бертуган» (единотробный брат или сестра), «икетуган» (двоюродный брат или двоюродная сестра). Многозначность этих наименований также говорит о сохранении в системе языка отражения архаичного типа семьи. С.Г. Шафиков отмечает, что подобное семантическое уподобление восходит к аморфному состоянию, в котором находились лексические единицы общего поля во время архаичного периода развития языка. К примеру, праславянская форма «atta», обозначавшая мать или старшую сестру, берет происхождение от индоевропейской формы «attikos», обозначавшей отца или предка. Это свидетельствует о том, что данный корень в архаичный период описывал объект, противоположный по половому признаку, и был частью мужской, а не женской парадигмы [Шафиков 1999: 23].

В процессе установления протяжённости границ семантического поля необходимо принимать во внимание принцип построения поля. С.Г. Шафиков выделяет четыре принципа построения поля: 1) логико-понятийный, основанный на выделении определённой концептуальной или денотативной сферы

языка и её сопоставлении со средствами языковой выразительности; 2) структурно-компонентный, учитывающий потенциал сочетаемости знаков языка; 3) интуитивный; 4) дефиниционный, заключающийся в определении общих компонентов значений слов при помощи толкового словаря, т. к. для определения наличия связи между лексическими единицами достаточно обосновать наличие общих элементов в дефинициях данных слов» [Шафиков 1999].

Изучив все точки зрения по проблеме определения термина «лексико-семантическое поле», в настоящей работе мы будем придерживаться определения этого понятия, предложенного И.М. Кобозевой: лексико-семантическое поле – это «совокупность языковых единиц, объединённых общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кобозева 2000: 99].

1.2. Лексико-семантическая группа в составе лексико-семантического поля

Термин «лексико-семантическое поле» позволяет включить в таксономию полей тип, в отечественной лингвистике называемый лексико-семантической группой (ЛСГ), которая состоит из полисемантов, объединённых по основному значению.

Теория лексико-семантических групп была разработана и подверглась глубокому анализу в исследованиях Ф.П. Филина, А.А. Уфимцевой, В.И. Кодухова и Э.В. Кузнецовой. Несмотря на это, в современной лингвистике отсутствует единый взгляд на природу лексико-семантических групп. По мнению одних исследователей (Ф.П. Филин, Л.М. Васильев), лексико-семантическая группа представляет собой разновидность семантического поля; другие же лингвисты (А.А. Уфимцева) полагают, что лексико-семантическое поле и лексико-семантическая группа являются равноправными объединениями лексических единиц. Л.В. Быстрова, Н.Д. Капатрук и В.В. Левицкий считают, что объяснение этому лежит в характеристиках самой лексико-семантической системы [Быстрова 1980: 75]. К тому же в лингвистической литературе бессис-

стемно употребляются термины «лексико-семантическая группа», «семантическое поле» и «тематическая группа» [Буйленко 2012: 89].

Необходимо отметить и точку зрения (Э.В. Кузнецова, И.Т. Вепрева, М.Л. Кустова, Т.В. Матвеева, Л.М. Васильев), согласно которой в состав ЛСП входит бóльшее число слов, чем в состав ЛСГ. Более того, ЛСП объединяет слова, принадлежащие к разным частям речи, однако в ЛСГ включены только лексемы, принадлежащие к одной части речи. Следовательно, ЛСГ представляет собой участок ЛСП [Денисов 1980: 127].

В настоящей работе мы придерживаемся следующего определения ЛСГ, предложенного О.Б. Симаковой: лексико-семантическая группа – это «единство, включающее слова одной части речи, имеющие общую категориально-лексическую сему и связанные между собой родовидовыми, парадигматическими, синтагматическими и словообразовательными отношениями» [Симакова 2003].

Ф.П. Филин использует термин «лексико-семантические группы» для обозначения «словесных семантических полей». Под этим термином учёный понимает объединения слов, обладающих однородными, сопоставимыми значениями. Автор отмечает, что ЛСГ являются специфическим феноменом в языковой системе, возникшим под влиянием исторического развития языка [Филин 1957]. К лексико-семантическим группам Ф.П. Филин относит синонимы, антонимы и другие группы слов, связанные общностью семантических отношений, например: «тяжёлый – слабый», «говорить – рассказать – поговорить – болтать» и т. д. Автор отделяет словопроизводные («гнездовые») объединения, грамматические классы, значения многозначных слов и тематические группы (названия частей тела, термины скотоводства и т. п.), которые обычно перекрещиваются или даже совпадают с лексико-семантическими группами. Теория Ф.П. Филина стала теоретическим фундаментом для множества практических исследований лексико-семантических групп.

А.А. Уфимцева проводит диахронное исследование лексико-семантической группы слов, выражающих понятие «земля» в английском языке. Целью её исследования стала установка «свободных межсловных и внут-

рисловных связей», существующих между лексическими значениями полисемантных слов. Подобное объединение автор называет семантическим полем. Однако А.А. Уфимцева, указывая на ошибки в концепции Трира – Вайсгербера, отказывается от понятия «семантическое поле», предлагая взамен понятия «лексико-семантическая группа» и «тематическая группа» [Уфимцева 1962].

По мнению Ю.Н. Караулова, существуют следующие признаки, по которым возможно отличить отношения элементов тематической группы (под которой автор понимает семантическое поле денотативного типа) от элементов лексико-семантической группы, которую Ю.Н. Караулов определяет как семантическое поле сигнификативного типа:

1) отсутствие у элементов тематической группы синонимии (например: «цветок», «квартира»);

2) специфика выражения антонимии (например: «дом – работа», «руки – ноги»);

3) особенность проявления гипогиперонимических отношений, наблюдающаяся в перечислении составных частей имени ситуативного характера как суперординаты [Караулов 1976: 34].

По мнению В.Г. Гака, основа для выделения ЛСГ лежит в «категориальных архисемах» [Гак 1977: 154].

А.Т. Липатов пишет, что лексико-семантические группы являются чисто языковым феноменом, в отличие от тематических групп, представляющих собой логическое явление. К тому же в зависимости от цели исследования тематических групп их состав может измениться, в то время как ЛСГ нельзя классифицировать произвольно [Липатов 1981: 51].

Э.В. Кузнецова отмечает, что в состав ЛСГ входят лексические единицы, принадлежащие к одной части речи, которые обладают как общей грамматической семой, так и хотя бы одной общей категориально-лексической семой [Кузнецова 1982: 74]. Данная сема составляет семантическую основу группы и в каждом отдельном слове уточняется с помощью дифференциальных сем [Кузнецова 1989: 75]. ЛСГ не имеют чётких границ: они могут накладываться друг на друга и пересекаться.

В.И. Супрун пишет, что ЛСГ обладает такими признаками, как разделение её состава в зависимости от того, объединяет ли она лексические единицы активного либо пассивного типа, отличаются ли они социально-диалектным употреблением, обладают ли экспрессивно-стилистическим компонентом [Супрун 1983: 5–6].

С.Г. Шафиков пишет, что тематические группы, представляющие собой группировки лексических единиц, связанных общей семантической темой, долгое время не подвергались исследованию в связи с якобы отсутствием в них системных языковых связей. Ошибочность подобных суждений становится очевидной в результате конкретных эмпирических опытов, которые показывают, что семантические отношения присущи единицам как сигнификативных, так и денотативных лексических образований, отличаясь друг от друга только степенью структурированности.

По мнению исследователя, вопреки тому что эти признаки в определённой мере характеризуют тематическую группу, их едва ли можно считать критериальными признаками, применяемыми для разделения денотативных и сигнификативных полей, т. к. различие между данными видами семантического поля носит скорее градуированный характер. Более того, учёный оспаривает утверждение Ю.Н. Караулова о том, что элементы тематической группы зачастую не обладают синонимами (ср., например, большое количество стилистических синонимов лексемы «голова», а также лексических единиц, обозначающих другие части тела, в языках мира). Следовательно, отличия между семантическими полями сигнификативного и денотативного типов не носят семантический характер, что не позволяет их строго алгоритмировать [Шафиков 1999].

З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют два типа семантических процессов, которым может подвергаться ЛСГ: центробежные и центростремительные. Центробежные процессы приводят к развитию у лексических единиц значений, свойственных другим лексико-семантическим группам. Например, глаголы смотрения развивают значение глаголов наблюдения («за нами не смотрят», «смотреть за детьми»). Они могут войти в ЛСГ объектного участия в зритель-

ном восприятии («звёздная ночь смотрела в окно мансарды»). Центроостремительные семантические процессы приводят к развитию у слов других лексико-семантических групп, свойственных глаголам зрительного восприятия. Например, значение «смотреть» получают на разных условиях глаголы «вылупить», «выпучить», «выкатить» и др. [Попова 2009].

И.А. Никандрова определяет лексико-семантическую группу как совокупность лексем, принадлежащих к одной части речи, обладающих достаточно общим интегральными семантическими и типовыми уточняющими дифференциальными компонентами в своих значениях, а также отличающихся развитием функциональной эквивалентности и регулярной полисемии.

Исследователь указывает на группу общих параметров, которым соответствуют все ЛСГ. Никандрова отмечает их историческую изменчивость и выделяет центральную интегральную сему и уточняющие дифференциальные (повторяющие) семы в структуре лексического значения. Сходство слов, принадлежащих одной ЛСГ, проявляется в однотипности их синтагматических характеристик и в сфере вариантных отношений. Это выражается в явлении регулярной многозначности: у слов со сходным основным значением могут развиваться одинаковые вторичные значения, что ведёт к синонимичности слов внутри ЛСГ [Никандрова 2010].

Разные исследователи называют базовое слово ЛСГ по-разному: «идентификатор» (В.П. Абрамов, Э.В. Кузнецова); «категориальная архисема» (В.Г. Гак); «имя поля» (Ю.Н. Караулов); «гиперсема» (В.К. Андреева); «доминанта» (В.В. Богданов); «ядерная единица» (В.Л. Ибрагимова); «интегрирующий семантический множитель» (В.И. Супрун) и др. Тем не менее в работах всех исследователей мы находим точку зрения о категориальном характере базового слова.

В исследовании Р.С. Репецкой приводятся следующие основные точки зрения на метод установки доминанты ЛСГ:

- 1) наличие доминанты, в которой в чистом виде находит отражение исходное понятие, в структуре ЛСГ не носит обязательный характер;

2) наличие доминанты в составе ЛСГ обязательно, хотя критерии и порядок её определения разнятся:

а) исследователь выделяет доминанту, базируясь на своём чувстве интуиции или принимая во внимание конкретные требования;

б) доминанта выбирается с помощью конкретных методик [Репецкая 1984: 81].

Многие исследователи отмечают полевой характер ЛСГ. Так, В.Г. Гак выделяет в составе ЛСГ ядро, которое состоит из лексем, имеющих общее значение, и периферию, у элементов которой это значение наблюдается не так чётко, поскольку оно сочетается с другими категориальными значениями [Гак 1977].

Н.А. Козельская, исследовав ЛСГ глаголов изменения функционального состояния, выделяет в данной лексико-семантической группе ядерную и периферийную зоны [Козельская 1984].

По мнению Н.А. Шехтмана и С.В. Добрынина, значения слов, входящих в лексико-семантическую группу, накладываются на менее широкую семантическую область, чем поле. Исследователи выделяют в ЛСГ центральную и периферийную зоны [Шехтман 1990: 94].

Связь лексико-семантических групп между собой отмечают многие лингвисты. Ю.Н. Караулов, Л.М. Васильев и др. считают многозначность лингвистической основой пересечения лексико-семантических групп, поскольку лексико-семантические варианты многозначных слов могут находиться в ядерной зоне одной ЛСГ и периферийной зоне другой.

И.А. Никандрова пишет, что структура ЛСГ имеет иерархический характер, поскольку все её элементы связаны с базовым словом (архисемой). Оно более употребительно, чем другие единицы ЛСГ, что вызвано, как правило, обобщённостью лексического значения базового слова. Базовое слово носит нейтральную стилистическую окраску и не обладает коннотативными элементами значения. Помимо этого, базовое слово ЛСГ должно отличаться наибольшей частотностью. В большинстве случаев базовым словом ЛСГ является одно

слово, тем не менее в некоторых случаях в качестве центрального слова выступает синонимический ряд [Никандрова 2010].

1.3. Семантическая структура слова как языковой единицы

1.3.1. Денотативный и сингификативный компоненты значения

Лексическое значение слова является результатом отражения реальности, соответствующее определённому звучанию [Стернин 1979]. В языкознании существуют различные взгляды на проблему анализа структуры значения слова. Наиболее распространённой является теория, предложенная Л.М. Васильевым [Васильев 1985: 39]. Учёный выделяет денотативный, сингификативный и коннотативный компоненты значения слова.

По мнению Ю.Н. Караулова, значением может называться и отношение знака к денотату, но в то же время и отношение знака к десигнату. Исследователь определяет денотат как предмет или феномен реальности, а десигнат – как отражение данного предмета в сознании носителя языка или его понятие о данном предмете. Денотат, обозначаемый лексемой, является частью своей предметной области, состоит в своём ряде отношений и входит в некоторую группу денотатов, называемую метадеготатом слова. В то же время десигнат состоит в своём ряде отношений, характерном только для него, и принадлежит определённой группе десигнатов, называемой метадесигнатом слова [Караулов 1972]

И.А. Стернин понимает под денотативным компонентом ту часть значения, которая отражает в обобщённом виде объекты внеязыковой реальности [Стернин 1979: 32].

О.А. Михайлова включает в понятие денотативного компонента признаки объекта, отражающие типичное представление о нём, формирующееся в языковом коллективе. Под данными признаками учёный понимает экстралингвистическую информацию об объекте и его характеристиках, без знания которых носитель языка не может сделать правильный выбор языковых единиц [Михайлова 1998: 73].

Схожее определение даёт А.А. Уфимцева, определяя денотат как предмет наименования, являющийся типизированным представлением об объекте в целом в сознании носителя языка [Уфимцева 1986: 106].

Реальный предмет, обозначаемый языковой единицей, называется референтом или денотатом. Ю.С. Степанов, С.Д. Кацнельсон употребляют эти термины в качестве синонимов [Степанов 1975]. Тем не менее, другие языковеды (Н.Г. Комлев, И.А. Стернин, И.М. Кобозева) отмечают, что стоит разграничивать данные термины. Так, И.А. Стернин пишет, что референтом знака является определённый предмет, с которым соотносится словесный знак в акте его употребления, в совокупности его признаков. Денотат автор определяет как выделенную мыслью совокупность реально существующих признаков предметов, не соотносимую с предметами в действительности [Стернин 1979].

Большинство учёных противопоставляет денотативный компонент значения сигнификативному (Ю.Н. Караулов, Н.Г. Комлев, А.И. Смирницкий и др.).

По мнению А.И. Смирницкого, сигнификативный компонент значения представляет собой отношение слова к понятию, обобщённому ментальному отображению класса объектов, а денотативный компонент значения определяется как отношение слова к конкретному объекту, обозначаемому в речи [Смирницкий 1998].

Схожее понимание денотативного и сигнификативного компонентов мы находим у О.А. Михайловой. Исследователь пишет, что денотативный компонент связан с реальным миром: это представление об объекте, образующееся в сознании. Сигнификативный компонент включает в себе мыслительный аналог группы однородных явлений; это понятие об объекте, признаке, ситуации, включающее все его существенные свойства [Михайлова 1998: 64].

Э.В. Кузнецова считает компонентом значения только сигнификат, который учёный считает мыслительным аналогом денотата. Денотат же представляет собой явления действительности, которые подлежат именованию [Кузнецова 1989].

Ю.С. Степанов выделяет в словарном запасе любого языка две группы лексики: денотативную лексику, обозначающую предметы внешнего мира, и сигнификативную лексику, обозначающую понятия [Степанов 1981: 59].

По мнению А.А. Уфимцевой, не стоит взаимоисключаяще противопоставлять денотативный и сингификативный компоненты значения, поскольку они являются взаимосвязанными уровнями освоения предметной сферы и образуют единую сущность [Уфимцева 1986: 109]. Сигнификативный компонент значения, или сигнификативное значение знака, имплицитно по сравнению с денотатом как конкретной, связанной с действительным существованием вещи и чувственным о ней представлением абстрактную часть содержания значения, отображающую разные виды и ступени абстракции внутренних, наиболее существенных признаков данного объекта [Там же: 94].

И.М. Кобозева не разделяет термины «денотат» и «сигнификат», а выделяет денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты значения. Она приводит два допустимых толкования термина «денотат». Согласно первому толкованию, денотат является множеством объектов, которые соответствуют свойствам, составляющим сигнификат языковой единицы. Данное толкование определяет его как синоним термина «экстенционал», впервые употреблённого Р. Карнапом [Кобозева 2000: 82–83]. Под этим термином Карнап понимал множество объектов, которые могут называться языковой единицей [Карнап 1959]. Второе толкование термина «денотат» описывает его как неделимый образ типичного идеального представителя класса объектов, соединённый со словом в сознании говорящего или слушателя. Согласно данному толкованию, термин «денотат» обладает тем же значением, что и термин «сигнификат».

Е.Ф. Арсентьева пишет, что сигнификат является понятийным содержанием слова. По мнению учёного, сигнификат отражает различающие признаки и свойства денотата, которые даже можно приписать и самому денотату [Арсентьева 1989: 38].

1.3.2. Коннотативный компонент значения

Существование коннотативного компонента лексического значения признаётся большинством учёных, несмотря на то что термин «коннотация» трактуется по-разному.

Коннотация – это дополнительные сведения относительно понятия, связанные с ситуацией общения, его участниками и отношениями участников акта общения к предмету речи.

Многие исследователи признают, что коннотация обладает различными системно организованными компонентами (И.В. Арнольд, М.В. Никитин и др.). И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюнова, Е.Ф. Арсентьева, Р.А. Аюпова выделяют в структуре коннотации четыре элемента: эмотивный (эмоциональный), оценочный, экспрессивный и стилистический [Арнольд 1981, Арутюнова 1999, Арсентьева 1989, Аюпова 2013].

А.В. Филиппов [Филиппов 1978: 57] считает принадлежащим к коннотации лишь «эмоционально-стилевое семантическое содержание», которым обладает языковая единица. По мнению учёного, оценочность является исключительно денотативным элементом: она неотделима от понятия, языковая единица приобретает экспрессивность лишь во время акта коммуникации. О.Н. Селиверстова выразила схожую точку зрения [Селиверстова 1976: 213]. И.А. Стернин, Д.Н. Шмелёв не поддерживают данное разделение. По мнению данных учёных, эмоционально-оценочная составляющая языковой единицы представляет собой часть коннотации [Стернин 1985, Шмелёв 1977.].

Эмоциональный (эмотивный) компонент значения включает в себе представление чувств при помощи слов. В языкознании существуют различные точки зрения на соотносённость эмотивного компонента и коннотации. Так, А.Н. Тенегин считает эмотивный компонент определяющим фактором предметно-логического содержания слова [Тенегин 1972]. Однако большинство исследователей относят эмотивный компонент значения к коннотации

(Н.Н. Амосова, О.С. Ахманова, И.Р. Гальперин, В.Н. Михайловская, И.А. Стернин и др.).

И.А. Стернин выделяет несколько аспектов соотношения языковых единиц с выражением эмоций:

1. Языковые единицы, используемые для выражения эмоций, но сами не передающие их (эмоциональные междометия).

2. Языковые единицы, передающие эмоциональное отношение носителя языка (лексемы, дающие эмоциональную характеристику людей и их действий).

3. Языковые единицы, вызывающие эмоции, но не передающие их (слова, вызывающие эмоциональную реакцию у участников акта коммуникации, но сами не наделённые эмоциональным компонентом).

4. Языковые единицы, сообщающие об эмоциях, но не передающие их (слова, называющие эмоции человека, обладают эмоциональным значением, но не эмотивным компонентом значения) [Стернин 1985: 85].

И. В. Арнольд также пишет о необходимости разграничения эмоционально-окрашенной лексики от слов, называющих определённые эмоции [Арнольд 1981: 107].

Эмотивность может зависеть и от этнокультурных особенностей народа. Так, разным народам присущи разные эмоциональные характеристики. Способы выражения эмотивности также могут быть различными. По мнению И.В. Шаховского, эмоции представляют собой цвет народа, и их вербализация расходится в разных языках [Шаховский 1987].

Е.Ф. Арсентьева разработала шкалу эмотивности, которая включает практически все разнообразие эмоций, которые может испытывать человек [Арсентьева 2006]. Исследование Р.А. Аюповой, проведённое на материале лексикографических источников русского и английского языков, показало, что данная шкала может быть расширена путём включения ещё одного элемента – одобрения [Аюпова 2013].

Эмотивный компонент значения часто бывает связан с оценочным компонентом, что может вызвать затруднения в их разграничении. Оценка объекта говорящим зачастую связана с его эмоциональными переживаниями, причём часто встречается понятие «эмоциональная оценка».

Оценочный компонент значения входит в состав семантической структуры языковой единицы. Данный компонент включает в себя принятое в определённом языковом коллективе отношение к действительности, которое передаётся при помощи данной языковой единицы. В то же время эмотивный компонент значения является результатом отображения чувств субъекта и оценки субъектом окружающих его явлений. Эта информация образует национально-культурный компонент смысловой структуры слова [Бельчиков 1988].

И.А. Стернин подчёркивает необходимость разграничения оценочного компонента значения и оценочного значения, в котором оценка входит в денотативное значение слова. В данную категорию лингвист включает прилагательные и наречия, выражающие оценку («добродушный», «преступный» и др.) [Стернин 1985: 78]. Учёный также отмечает, что оценка может являться элементом как коннотации, так и денотации.

Оценочный компонент лексического значения может отличаться окказиональностью, т. е. положительная или отрицательная оценка может проявляться в конкретном контексте, в то время как в большинстве случаев употребления данное слово будет отличаться нейтральным значением [Там же].

С эмотивным и оценочным компонентами лексического значения тесно связан экспрессивный компонент, который представляет собой выражение усиления признаков при помощи слова. Экспрессивный компонент основывается на способности человека выделять явления из ряда одинаковых по принципу необычности, яркой образности и т. п. Ю.П. Солодуб выделяет образные и необразные языковые средства, имеющие экспрессивный потенциал, в качестве субкомпонентов экспрессивности [Солодуб 1997].

Объективно-субъективный характер экспрессивности отмечает В.Н. Цоллер [Цоллер 1998: 50]. С одной стороны, экспрессивность объективна,

поскольку в действительности описываемые явления могут различаться по своим качественно-количественным признакам. С другой стороны, экспрессивность субъективна, т. к. данные признаки воспринимаются субъектом и соотносятся с конкретной нормативной шкалой.

Выводы по первой главе

Социальный институт семьи является системой принятых норм и процедур для реализации важнейших функций общества. Семейные традиции своеобразны и в разных обществах различаются. Современные исследователи отмечают социокультурный характер феномена семьи и его влияние на процесс социализации, становление человеческих ценностей, их передачу сквозь поколения. Семья развивается вместе с обществом, но в то же время остаётся стабильным и консервативным элементом. Исследователи отмечают большую роль семьи в формировании культуры народа, поскольку только в семье раскрывается культурный смысл ценностей общества.

Полевой подход является одним из наиболее распространённых методов исследования значения слова в современном языкознании. Термин «поле» был введён Г. Ипсенем для обозначения совокупности лексических единиц, объединённых общим значением. Языковые единицы, входящие в лексико-семантическое поле, отличаются общностью содержания и связаны между собой системными отношениями. В структуре поля выделяют ядро и периферию. В ядре лексико-семантического поля находится компонент-доминанта.

Лексико-семантическая группа включает лексические единицы одной части речи, обладающие общей категориально-семантической семьей. Слова, входящие в лексико-семантическую группу, связаны между собой родовидовыми, прагматическими, синтагматическими и словообразовательными отношениями. Существуют различные точки зрения на то, какое место лексико-семантическая группа занимает относительно лексико-семантического поля. По мнению таких учёных, как Ф.П. Филин и Л.М. Васильев, лексико-семантическая группа является разновидностью лексико-семантического поля, в то время как другие ис-

следователи (А.А. Уфимцева) полагают, что оба объединения лексических единиц являются равноправными в системе языка. Необходимо отметить и точку зрения (Э.В. Кузнецова, И.Т. Вепрева, М.Л. Кустова и др.), согласно которой ЛСГ входит в состав ЛСП.

Лексическое значение слова – это результат отражения действительности, соответствующий конкретному звучанию в системе языка. Большинство исследователей выделяет в составе лексического значения денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты.

Денотативный компонент лексического значения в обобщённом виде отражает объекты внеязыковой реальности. Этот компонент включает в себя типичное представление языкового коллектива об объекте. Денотативный компонент часто противопоставляется сигнификативному. Сигнификативный компонент значения передаёт отношение языковой единицы к ментальному отображению класса объектов.

Коннотативный компонент лексического значения содержит дополнительные сведения об объекте, имеющие отношение к ситуации, участникам общения и отношению участников акта общения к объекту. В структуре коннотативного компонента выделяются четыре элемента: эмотивный (эмоциональный), оценочный, экспрессивный и стилистический. Эмотивный компонент значения выражает представление эмоций в языке при помощи лексических единиц. Оценочный компонент значения при помощи языковых единиц передаёт принятое в конкретном языковом коллективе отношение к реальности. Экспрессивный компонент включает в себя выражение усиления характеристик объекта при помощи языковых единиц.

Анализ словарных дефиниций слов ЛСП «семья» в английском и русском языках показал, что по первому словарному значению эти слова не обладают какой-либо оценочностью и приобретают ту или иную коннотацию в контексте под влиянием положительно или отрицательно окрашенных слов, употреблённых в нём.

Глава 2. ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СЕМЬЯ» / FAMILY В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Н. ТОЛСТОГО И Д. ГОЛСУОРСИ

2.1. Степень изученности понятия «семья» / «family» в русском и английском языках

Семья является одной из наиболее значимых социальных понятий и ценностей. Семья – это универсальный социальный институт, тем не менее её особенности напрямую связаны с культурой народа. Понятие «семья» занимает важное место в языковой картине мира, поэтому его исследование представляет особый интерес для учёных.

Среди работ, посвящённых изучению понятия «семья» в русском языке, следует выделить исследование С.Г. Фрост. Труд автора касается проблемы лингвокультурологического исследования коннотаций существительных тематической группы «семья». На основе анализа словарных дефиниций лексем данной тематической группы, а также результатов психолингвистических экспериментов автор делает вывод о наличии у более чем у 70 % проанализированных лексических единиц устойчивых коннотаций [Фрост 2006]. Следует отметить и исследование Р.М. Планкиной, посвящённое изучению оппозицию «свой – чужой» в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» и повести «Казачьи». В рамках данного исследования автор выделяет тематическую группу «семья», которая, по мнению исследователя, структурирована по признаку «родной – неродной» [Планкина 2016]. С.В. Пинигина проводит анализ русского языкового сознания по сравнению с якутским на материале тематического поля «семья». Автор пишет, что в языковом сознании русских стимул «семья» ассоциируется со знаниями о человеческих отношениях членов семьи друг с другом и качеством данных отношений [Пинигина 2004].

Привлекают внимание в аспекте проблематики нашего исследования работы по изучению семантического поля «семья» в русском языке.

Так, А.А. Дмитриева рассматривает данное семантическое поле в романе А.Г. Достоевской «Воспоминания». Основным компонентом данного семантического поля она считает лексему «семья». В семантическом поле «семья» исследователь выделила два микрополя: «родительская семья» и «собственная семья» [Дмитриева 2014].

Среди исследователей, занимавшихся изучением понятия «семья» в гендерном аспекте, можно выделить таких учёных, как Р.А. Османова, С.В. Грибач, Е.В. Белик. Так, Р.А. Османова проводит гендерный анализ слов семантического поля «семья» в русском и казахском языках [Османова 2001]. Автор говорит о наличии содержательных наполнений, обусловленных национальной спецификой, в образе семьи в языковом сознании носителей русского языка. В работе С.В. Грибач отмечается увеличение ценности института семьи в языковом сознании носителей русского языка, однако, по данным проведённого исследования, институт брака приходит в упадок [Грибач 2005]. Изучению национально-культурных стереотипов англоязычного общества на материале лингвокультурологического поля «мужчина и женщина (в обществе и семье)» посвящено диссертационное исследование Е.В. Белик [Белик 2003].

Изучению лексического представления ассоциативно-семантического поля «семья» в современной женской прозе посвящено исследование Т.В. Пьянковой. Исследователь отмечает неизменность базовых компонентов ассоциативно-семантического поля «семья», которые сохранились на протяжении столетий, в то время как для периферии поля характерна изменчивость [Пьянкова 2012].

Большого внимания заслуживают работы учёных, исследовавших ЛСП «родственные отношения» в русском языке, среди которых можно отметить работы Т.А. Шайхуллина, Н.И. Мазай, Ю.В. Железновой и др. Так, Т.А. Шайхуллин проанализировал ЛСП «родственные отношения» на основе русских паремий с компонентом-наименованием родственных отношений, сравнив их с арабскими паремиями с подобным компонентом. Исследователь установил, что семья в паремиях исследуемых языков структурируется по бинарным оппо-

зициям, которые связаны гипогиперонимическими отношениями: «муж – жена», «мать – отец», «сын – дочь» и т. д. Ключевой автор считает оппозицию «муж – жена» и отмечает её значительную роль в сознании носителей языка [Шайхуллин 2012]. Необходимо отметить и исследование Н.И. Мазай, посвящённое анализу ЛСП «род» на материале русского фольклора. По результатам анализа паремийных текстов автор выделяет ключевые понятия «родственники», «родина» и «происхождение» в составе изучаемого лексико-семантического поля [Мазай 2008]. Объектом исследования Ю.В. Железновой также является ЛСП «родственные отношения», в качестве конститuentов которого исследователь выделяет лексические единицы, фразеологические единицы и термины родства. Изучив роман Л.Н. Толстого «Война и мир», лингвист выделяет лексему «родные» как занимающую доминирующую позицию в ЛСП «родственные отношения» в данном произведении [Железнова 2007].

ЛСГ терминов родства в русском языке также представляет интерес для изучения. О.Ю. Николенко в своей работе изучила ЛСГ родства в русском языке на материале речи жителей г. Омска. В ЛСГ родства Николенко выделяет гиперсемы «человек» и «родственник». Николенко разделяет термины родства на две группы: термины кровного родства и термины свойственного родства (в результате брачных связей) [Николенко 2006]. Т.Ф. Вахитова провела анализ лакун ЛСГ терминов родства с учётом линейной дифференциации: линия отца, линия матери, линия мужа/жены [Вахитова 2018].

Изучению репрезентации языкового образа семьи в русском языке на материале региональных печатных СМИ 90-х гг. XX в. посвящено исследование Г.Х. Камалетдиновой. В данных текстах семья представлена непостоянной, переживающей изменения общественной структурой. По мнению исследователя, авторы текстов выражали своё отношение (зачастую отрицательное) к описываемым событиям, используя экспрессивно-оценочную и жаргонную лексику [Камалетдинова 2016]. Среди исследователей, изучающих языковой образ семьи в динамике, можно назвать Е.С. Баландину [Баландина 2013]. На основе проведённого эксперимента с носителями языка автор делает заключение, что

семья является базовой ценностью для россиян, что подтверждается наличием семантической группы реакций, отмеченных положительным коннотативным значением. В то же время для носителей английского языка образ семьи тесно связан с образом дома.

Ряд работ посвящён изучению ЛСП «family» в английском языке, среди которых следует отметить труды Д.Д. Павловой, А.С. Пашковой, З.Х. Нуризяновой и др. В работе Д.Д. Павловой было рассмотрено ЛСП «family» в романе Р.А. Анайи «Благослови, Ультима!». Автор включает в ядерную зону данного ЛСП лексему «family» в значении «группа близких родственников». Исследователь отмечает, что данная лексема характеризуется большой частотностью, отображает значение и смысл концепта «семья» [Павлова 2013]. Изучению ЛСП «family» на материале рождественских речей королевы Елизаветы II посвящено исследование А.С. Пашковой. Внутри данного ЛСП ею выделяются микрополя «relatives», «commonwealth» и «the Holy family». Результаты исследования А.С. Пашковой показали, что лексико-семантическое поле «family» состоит преимущественно из лексических единиц нейтрального и книжного стиля [Пашкова 2018]. Необходимо отметить и труд З.Х. Нуризяновой, который посвящён изучению фразеотематического поля «family» в английском языке в сопоставлении с турецким языком [Нуризянова 1999].

Среди исследований понятий «семья» / «family» в сопоставительном аспекте нельзя обойти вниманием работы Г.Г. Багаутдиновой, Л.Р. Сакаевой, П.А. Пронина, Н.В. Обвинцевой.

Г.Г. Багаутдинова сравнила компоненты «брат/brother» и «сестра/sister» ЛСП «семья» в русском и английском языках. Автор пишет, что идейное содержание лексем «брат» и «сестра» состоит во взаимопомощи и взаимоподдержке. Значения данных понятий выходят за пределы лексико-семантического поля «семья» в поле социальной сферы и становится основой для имён собственных. Г.Г. Багаутдинова пишет об идентичности данных лексем в пространстве ментальности исследуемых языков. Автор отмечает расширение зна-

чений понятий «brother» и «sister» в поле социальной сферы [Багаутдинова 2014]. В более поздней работе Г.Г. Багаутдинова и Л.Р. Сакаева обращают внимание на универсальность и этнокультурную специфичность лексемы «семья». В лексико-семантическом поле «семья» / «family» исследователи выделяют следующие компоненты: 1) семья – род (клан) – племя – нация; 2) семья: кровное родство, некровное родство, домочадцы [Сакаева 2018].

Исследование семантического поля «семья» в русской идиоматике провёл П.А. Пронин. По мнению учёного, наиболее продуктивной по образованию фразеологических единиц группой являются номинации кровных родственников по прямой линии. Проанализировав внутреннюю форму русских фразеологических единиц, Пронин пишет, что носители языка считают ядром семьи членов нуклеарной семьи, а связи между родителями и детьми являются более прочными, чем связи между супругами. Автор отмечает, что русская семья довольно патриархальна и ориентирована на прошлое. По мнению исследователя, в английской идиоматике преобладают термины кровного родства, термины прямых родственников по вертикали, нуклеарное представление о семье. Сравнивая ЛСП «семья» в русском и английском языках, автор отмечает, что в составе номинаций кровных родственников в обоих языках наиболее частотно употребляются термины нуклеарной семьи. Однако в английском языке, в отличие от русского, в идиоматике среди номинаций лиц одного поколения продуктивны номинации некровных родственников. Автор отмечает, что представительницы женской части семьи отмечаются в английском фразеологическом корпусе также часто, как и мужчины [Пронин 2013].

Н.В. Обвинцева проанализировала лексико-семантическую группу родственных отношений в русском и английском языках. Она отмечает её строгую системность и построение по принципу терминологических полей. Автор отмечает древность происхождения лексических единиц данной ЛСГ. Также ею выделяются следующие группы в пределах ЛСГ «семья» и ЛСГ «family»: кровное родство, родство посредством брачных отношений, духовное родство. В данной работе также представлено сопоставительное изучение ЛСП семья в русском

и английском языках и отмечается отсутствие лексем с гендерным маркером в английском языке и лексем группы, выражающей религиозные обряды в русском языке. Автор подробно изучает лексический состав выделенных ею групп и отмечает большую представленность лексики в группе «отношения кровного родства» и определённые различия в зависимости от структурной характеристики английского языка [Обвинцева 2013].

Привлекают внимание в аспекте проблематики нашего исследования и работы по исследованию понятия «семья» с точки зрения концептологии. Имеется ряд работ, посвящённых анализу концепта «семья» [Добровольская 2005; Биктагирова 2007; Матвеева 2007; Гулканян 2010; Гибадуллина 2012; Вильданова 2015; Бабина 2016; Хабибуллин 2018; Селезнёва 2019 и др.], концепта «родственные отношения» [Скворцова 2006; Лютянская 2009 и др.], концепта «брак» [Тепкеева 2007; Михалева 2009 и др.], концептов «муж» и «жена» [Сокур 2018].

Проведённый анализ литературы позволяет нам сделать вывод о том, что, несмотря на то, что в последние годы растёт интерес учёных к исследованию понятия «семья», до сих пор в научной литературе нет специальных исследований, посвящённых анализу образа семьи в произведениях «Война и мир» и «Сага о Форсайтах».

2.2. Лексико-семантическое поле «семья» в произведении Л.Н. Толстого «Война и мир»

В нашей работе мы придерживаемся классификации терминов родства, выведенной А.М. Кузнецовым в зависимости от семантики объекта номинации [Кузнецов, 1971]:

1) термины кровного родства: связь между членами семьи, происходящими от общего родоначальника;

2) термины свойственного родства: связь между членами той или иной семьи к новому лицу, вступившему в данную семью в результате брака, и родственниками, от которых данное лицо отделилось;

3) термины духовного родства: отношение не по родству, а по косвенным и обрядовым связям.

Вербализация отношений в семье в произведении Л.Н. Толстого «Война и мир» осуществляется при помощи лексических единиц ЛСП «семья». В ЛСП «семья» мы выделяем следующие лексико-семантические группы:

1) ЛСГ кровного родства: бабушка, батюшка, брат, братец, внук, внучка, двоюродная сестра, двоюродный брат, дед, дедушка, дочка, дочь, дяденька, дядька, дядюшка, дядя, кузина, мама, мамаша, маменька, матушка, мать, мачеха, отец, папа, папаша, папенька, пасынок, племянник, племянница, племянничек, родители, семья, сестра, сестрица, сын, сынок, тётенька, тётка, тётушка, тётя;

2) ЛСГ свойственного родства: брак, жена, женитьба, жених, замужество, зять, муж, муженёк, невеста, невестка, помолвка, развод, свёкор, тесть, тёща, шурин;

3) ЛСГ духовного родства: брат, крестный отец, матушка, отец, папа.

В своей работе мы более подробно остановились на ЛСГ кровного родства и ЛСГ свойственного родства, ЛСГ духовного родства представлена незначительным количеством лексем и не столь актуальна при раскрытии понятия «семья» в настоящей работе.

2.2.1. Лексико-семантическая группа кровного родства

Лексема «отец» является наиболее частотной в произведении Л.Н. Толстого «Война и мир». Нами обнаружено 303 случая употребления данной лексемы. В словаре С.И. Ожегова мы находим следующее определение слова «отец»: «1. Мужчина по отношению к своим детям. 2. Самец по отношению к своим детёнышам. 3. *мн.* Люди предшествующих поколений. 4. *мн.* Люди, облечённые властью (устар. и разг.). 5. *перен.* Тот, кто является родоначальником, основоположником чего-н. (высок.). 6. *перен.* Человек, по-отечески заботящийся о подчинённых, младших. 7. Обращение к пожилому мужчине или к мужу как к отцу своих детей (прост.). 8. Обычно в сочетании с личным именем. Служитель церкви или монах, а также обращение к нему» [Ожегов]. В своей

работе мы придерживаемся определения лексемы «отец» как мужчины по отношению к своим детям. «В то время как княжна прошла в обычный час к отцу, m-lle Bourienne сошла с Анатолом в зимнем саду» [BM1: 376]. В произведении нами также обнаружены лексемы, которые, согласно словарю С.И. Ожегова, имеют стилистические пометы, такие как:

1) «папа» (ласк.) – 22 употребления: «Папа, мы опоздаем, – сказала, поворачивая свою красивую голову на античных плечах, княжна Элен, ожидавшая у двери» [BM1: 25];

2) «папенька» (ласк.) – 26 употреблений: «Это не глупости, папенька» [BM2: 84];

3) «папаша» (прост.) – 9 употреблений: «Ведь она выскочит ни жива ни мертва, в чём дома сидела; чуть замешкался – тут и слёзы, и папаша, и мамаша, и сейчас озябла, и назад, – а ты в шубу принимай сразу и неси в сани» [BM1: 937];

4) «батюшка» (устар.) – 18 употреблений: «Сведи е к себе, а я пойду к батюшке» [BM1: 169].

Рассмотрев данные лексемы в произведении Л.Н. Толстого «Война и мир», мы находим, что наиболее частотными являются лексемы «отец» (303) и «папенька» (26). Наименьшее количество составляет лексема «папаша» (9).

Лексема «*мать*» также является одной из наиболее частотных в русскоязычном произведении. Нами было выявлено 235 случаев употребления данной лексемы. В словаре С.И. Ожегова лексема «мать» определяется как: «1. Женщина по отношению к своим детям. 2. *перен.* Источник начало чего-н., а также о том, что дорого, близко каждому. 3. Самка по отношению к своим детёнышам. 4. Обращение к пожилой женщине или к жене как к матери своих детей (прост.). 5. Название монахини, а также (разг.) обращение к ней» [Ожегов]. В своей работе мы придерживаемся определения лексемы «мать» как женщины по отношению к своим детям: «Две девочки, от десяти до двенадцати лет, одетые в грязные коротенькие платица и салопчики, с выражением недоумения на бледных, испуганных лицах, смотрели на мать» [BM2: 391]. В произведении

нами также обнаружены лексемы, которые, согласно словарю С.И. Ожегова, имеют стилистические пометы, такие как:

1) «мама» (ласк.) – 51 употребление: «Мама, – кричала Наташа, – я вам голову дам на отсечение, что это он!» [ВМ1: 407];

2) «матушка» (устар. и разг.) – 9 употреблений: «Вы живёте с матушкой?» [ВМ1: 85];

3) «маменька» (ласк.) – 32 употребления: «Отчего ж маменька не хочет?» [ВМ2: 391];

4) «мамаша» (разг.) – 8 употреблений: «Я недавно с мамашей поссорилась за это» [ВМ1: 419].

Наиболее частотной в русскоязычном произведении являются лексемы «мать» (235) и «мама» (51). Наименее частотной становится лексема «мамаша».

Нами обнаружено 297 случаев употребления лексемы «сын». В словаре С.И. Ожегова мы находим следующее определение слова «сын»: «Лицо мужского пола по отношению к своим родителям. 2. *перен.* Мужчина как носитель характерных черт своего народа, своей среды (высок.)» [Ожегов]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «сын» как лица мужского пола по отношению к своим родителям. «Приехал князь Ипполит, сын князя Василия, с Мортемаром, которого он представил» [ВМ1: 11]. В произведении нами также обнаружена лексема «сынок», которая, согласно словарю С.И. Ожегова, имеет стилистические пометы, такие как ласк. и прост.:

▪ «сынок» – 2 употребления: «Посмотри, Анна Тимофеевна, – прибавила она, – какой сынок футляр нам привёз» [ВМ2: 677].

Анализ произведения Л.Н. Толстого «Война и мир» показал, что лексема «сын» (297) является наиболее частотной, и количество её употреблений намного преобладает количеству употреблений лексемы «сынок» (2).

Мы находим 153 случая употребления лексемы «дочь». Согласно словарю С.И. Ожегова «дочь» – это: «1. Лицо женского пола по отношению к своим родителям. 2. *перен.* Женщина как носитель характерных черт своего народа, своей среды (высок.)» [Ожегов]. В настоящей работе мы придерживаемся опреде-

ления лексемы «дочь» как лица женского пола по отношению к своим родителям. «Говоря это, графиня оглянулась на дочь» [ВМ1: 720]. В произведении нами также обнаружена лексема «дочка», которая, согласно словарю С.И. Ожегова, имеет стилистические пометы, такие как ласк. и прост.:

- «дочка» – 1 употребление: «Высокая, полная, с гордым видом дама с круглолицею улыбающеюся дочкой, шумя платьями, вошли в гостиную» [ВМ1: 56].

Проанализировав эти лексемы в произведении Л.Н. Толстого «Война и мир», мы обнаружили, что наиболее частотной является лексема «дочь» (153), в то время как лексема «дочка» употребляется в произведении лишь 1 раз и является менее частотной.

В русскоязычном произведении было выявлено 46 случаев употребления лексемы «семья». Согласно словарю С.И. Ожегова, семья определяется как «1. Группа живущих вместе близких родственников. 2. *перен.* Объединение людей, сплочённых общими интересами (высок.). 3. Группа животных, птиц, состоящая из самца, самки и детёнышей, а также обособленная группа нек-рых животных, растений или грибов одного вида». Мы придерживаемся определения слова «семья», как группы живущих вместе близких родственников. «Наташа с ожесточением напустилась на брата, доказывая ему, что это не могло быть иначе, что дурно бы было вступить в семью против воли отца» [ВМ1: 788].

Лексема «брат» встречается в произведении «Война и мир» 126 раз. Согласно словарю С.И. Ожегова, брат – это: «1. Сын тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям. 2. Фамильярное или дружеское обращение к мужчине (разг.). 3. Человек, близкий другому по духу, по деятельности, вообще кто-н. близкий (высок.). 4. Монах, член религиозного братства» [Ожегов]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «брат» как сына тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям. «В этом она убедилась в последнее своё свидание с Николаем, когда он приехал ей объявить о том, что её брат был с Ростовыми» [ВМ2: 452].

В произведении нами также обнаружена лексема «братец», которая, согласно словарю С.И. Ожегова, имеет стилистические пометы, такие как ласк.:

- «братец» – 1 употребление: «Пожалуйста, милости просим, братец покойника, – царство небесное!» [ВМ2: 320]

Результаты анализа произведения Л.Н. Толстого «Война и мир» показали, что наиболее частотной является лексема «брат» (126). Лексема «братец» в значении сына тех же родителей встречается гораздо реже, всего 1 раз.

В произведении было обнаружено 84 случая употребления лексемы «сестра». В словаре С.И. Ожегова мы находим следующее определение данного слова: «1. Дочь тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям. 2. Единомышленница, товарищ в каком-н. общем деле (высок.). 3. Лицо среднего медицинского персонала в лечебных, детских учреждениях. 4. Монахиня» [Ожегов]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «сестра» как дочери тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям. «Он вышел, и звонкий, но негромкий смех сестры с родинкой послышался за ним» [ВМ1: 89]. В произведении нами также обнаружена лексема «сестрица», которая, согласно словарю С.И. Ожегова, имеет стилистические пометы, такие как ласк.:

- «сестрица» – 1 употребление: «Должно, сестрица унесла, а то больше где же быть! – прибавил он» [ВМ2: 396].

Рассмотрев эти лексемы в произведении Л.Н. Толстого «Война и мир», мы находим, что наиболее частотной является лексема «сестра» (84). Меньшее количество употреблений у лексемы «сестрица» (1).

Лексема «*двоюродный брат*» является одной из наименее частотных в ЛСГ «кровного родства». Нами обнаружено 3 случая употребления словосочетания. В настоящей работе мы придерживаемся определения слова «двоюродный», данного в словаре С.И. Ожегова: «находящийся в непрямом родстве» [Ожегов]. «Но приказы и рапорты были только на бумаге, ничто по ним не исполнялось, потому что не могло исполняться, и, несмотря на именование друг

друга величествами, высочествами и двоюродными братьями» [ВМ2: 564].

В произведении нами также обнаружены следующие термины родства:

- «двоюродная сестра» – 2 примера употребления: «Вы знаете, между двоюродным братом и сестрой эта близость очень часто приводит к любви» [ВМ1: 760];

- «кузина» – 14 случаев употреблений: «Ах, Наташа! – вдруг почти вскрикнула Соня, хватаясь за руку своей кузины и отступая от двери» [ВМ2: 432].

Наиболее частотной в русскоязычном произведении является лексема «кузина» (14). Лексемы «двоюродный брат» (3) и «двоюродная сестра» (2) употребляются в произведении реже.

Лексема «*дед*» также относится к менее употребительным. Нами обнаружено 7 случаев употребления данной лексемы. В словаре С.И. Ожегова мы находим следующее определение слова «дед»: «1. Отец отца или матери. 2. Вообще старик, преимущ. в обращении (разг.). 3. (мн.). В армии: старослужащий по отношению к молодым солдатам, новобранцам (прост.)» [Ожегов]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «дед» как отца отца или матери. «Я не могу отнять его у деда, и потом...» [ВМ1: 774]. В произведении нами также обнаружена лексема «дедушка», которая, согласно словарю С.И. Ожегова, имеет стилистические пометы, такие как ласк.:

- «дедушка» – 1 употребление: «Его ещё отец моего отца, наш дедушка, носил во всех войнах...» [ВМ1: 45].

Анализ произведения Л.Н. Толстого «Война и мир» показал, что наиболее частотной является лексема «дед» (7), в то время как слово «дедушка» в значении отца отца или матери встречается только 1 раз.

Нами обнаружено 2 случая употребления лексемы «бабушка». В словаре С.И. Ожегова присутствует следующее определение данного слова: «1. Мать отца или матери. 2. Вообще о старой женщине (разг.)» [Ожегов]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «бабушка» как матери отца или матери. «Няня Савишна, с чулком в руках, тихим голосом рассказывала, сама не слыша и не понимая своих слов, сотни раз рассказанное о том, как по-

койница княгиня в Кишинёве рожала княжну Марью, с крестьянской бабой-молдаванкой вместо бабушки» [BM1: 524].

Мы находим 4 случая употребления лексемы «внук» в произведении «Война и мир» Л.Н. Толстого. В словаре С.И. Ожегова находим следующее определение слова «внук»: «1. Сын сына или дочери. 2. *мн.* Дети сына или дочери. 3. *мн.* То же, что потомки» [Ожегов]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «внук» как сына сына или дочери. «Внук его, засучив рукава рубашки, перебирал в лейке серебряную трепещущую рыбу» [BM1: 472].

Лексема «внучка» употребляется в русскоязычном произведении только 1 раз. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «внучка», данного в словаре С.И. Ожегова: «Дочь сына или дочери» [Ожегов]. «Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилетняя девочка, которой светлейший, приласкав её, дал за чаем кусок сахара, оставалась на печи в большой избе» [BM2: 271].

Лексема «дядя» также относится к менее употребительным. Нами обнаружено 19 случаев употребления данной лексемы. В словаре С.И. Ожегова мы находим следующее определение слова «дядя»: «1. Брат отца или матери, а также муж тётки. 2. В сочетании с именем собственным – уважительно о простом немолодом мужчине, а также обращение к взрослому мужчине (прост.). 3. То же, что мужчина (прост, шутил.)» [Ожегов]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «дядя» как брата отца или матери, а также мужа тётки. «И дядя Николай Ильич остановился перед ними в грозной и строгой позе» [BM1: 911]. В произведении нами также обнаружены лексемы, которые, согласно словарю С.И. Ожегова, имеют стилистические пометы, такие как:

1) «дядюшка» (ласк.) – 95 употреблений: «Чаще и болезненнее всего вспоминала она осенние месяцы, охоту, дядюшку и святки, у проведённые с Nicolas в Отрадном» [BM2: 760];

2) «дяденька» (ласк.) – 4 употребления: «Дяденька нас позвал в кабинет, ещё в старом доме, и темно было – мы пришли, и вдруг там стоит...» [BM1: 68];

3) «дядька» (уменьш.) – 2 употребления: «Старый дядька князя Андрея, Антон, высадил Пьера из коляски» [ВМ1: 616].

Проанализировав данные лексемы в произведении Л.Н. Толстого «Война и мир», мы обнаружили, что наиболее частотными являются лексемы «дядюшка» (95) и «дядя» (19). Наименьшее количество составляет лексема «дядька» (2).

Нами обнаружено 16 случаев употребления лексемы «тётка». В словаре С.И. Ожегова лексема «тётка» определяется как: «1. Сестра отца или матери, а также жена дяди. 2. Вообще женщина (чаще пожилая)» [Ожегов]. В своей работе мы придерживаемся определения лексемы «тётка» как сестры отца или матери, а также жены. «То она решала, что она не выйдет в гостиную, когда он придет к тётке, что ей, в её глубоком трауре, неприлично принимать гостей» [ВМ2: 423]. В произведении нами также обнаружены лексемы, которые, согласно словарю С.И. Ожегова, имеют стилистические пометы, такие как:

1) «тётя» (ласк.) – 1 употребление: «Сколько раз она ни говорила себе, что не надо позволять себе горячиться, уча племянника, почти всякий раз, как она садилась с указкой за французскую азбуку, ей так хотелось поскорее, полегче перелить из себя своё знание в ребёнка, уже боявшегося, что вот-вот тётя рассердится» [ВМ2: 863];

2) «тётушка» (ласк.) – 18 употреблений: «Борис в щегольском адъютантском мундире, возмужавший, свежий и румяный, свободно вошёл в гостиную и был отведён, как следовало, для приветствия к тётушке и снова присоединён к общему кружку» [ВМ1: 589];

3) «тётенька» (ласк.) – 2 употребления: «Тётенька, голубушка, скажите, что такое?» [ВМ1: 382].

Результаты анализа произведения Л.Н. Толстого «Война и мир» показали, что наиболее частотными являются лексемы «тётушка» (18) и «тётка» (1). Наименьшее количество составляют лексемы «тётенька» (2) и «тётя» (1).

Было выявлено 22 случая употребления лексемы «родители». В работе мы используем определение С.И. Ожегова: «Отец и мать по отношению к сво-

им детям» [Ожегов]. «Николай привлёк с собой в дом родителей много молодых людей» [ВМ1: 531].

Лексема «племянник» встречается в произведении «Война и мир» Л.Н. Толстого 25 раз. В словаре С.И. Ожегова мы находим следующее определение данного слова: «Сын брата или сестры» [Ожегов]. «Марья, по своему положению одной независимой хозяйки своей судьбы, опекунши и воспитательницы племянника, первая была вызвана жизнью из того мира печали, в котором она жила первые две недели» [ВМ2: 572]. В произведении нами также обнаружены лексем, которые, согласно словарю С.И. Ожегова, имеют стилистические пометы, такие как:

- «племянничек» (ласк.) – 1 употребление: «Ну, племянничек, на матёрного становишься, – сказал дядюшка» [ВМ1: 797].

Рассмотрев данные лексем в произведении Л.Н. Толстого «Война и мир», мы находим, что наиболее частотной является лексема «племянник» (25). Наименьшее количество составляет лексема «племянничек» (1).

Менее частотной в русскоязычном произведении является лексема «племянница» (14 случаев употребления). В работе мы придерживаемся определения данного слова, предложенного в словаре С.И. Ожегова: «Дочь брата или сестры» [Ожегов]. «Из внутренних комнат отворилась дверь, и вышла одна из княжон – племянниц графа» [ВМ1: 87].

Количество словоупотреблений лексем, образующих ЛСГ кровного родства в русскоязычном произведении, представлены в табл. 1.

Таблица 1

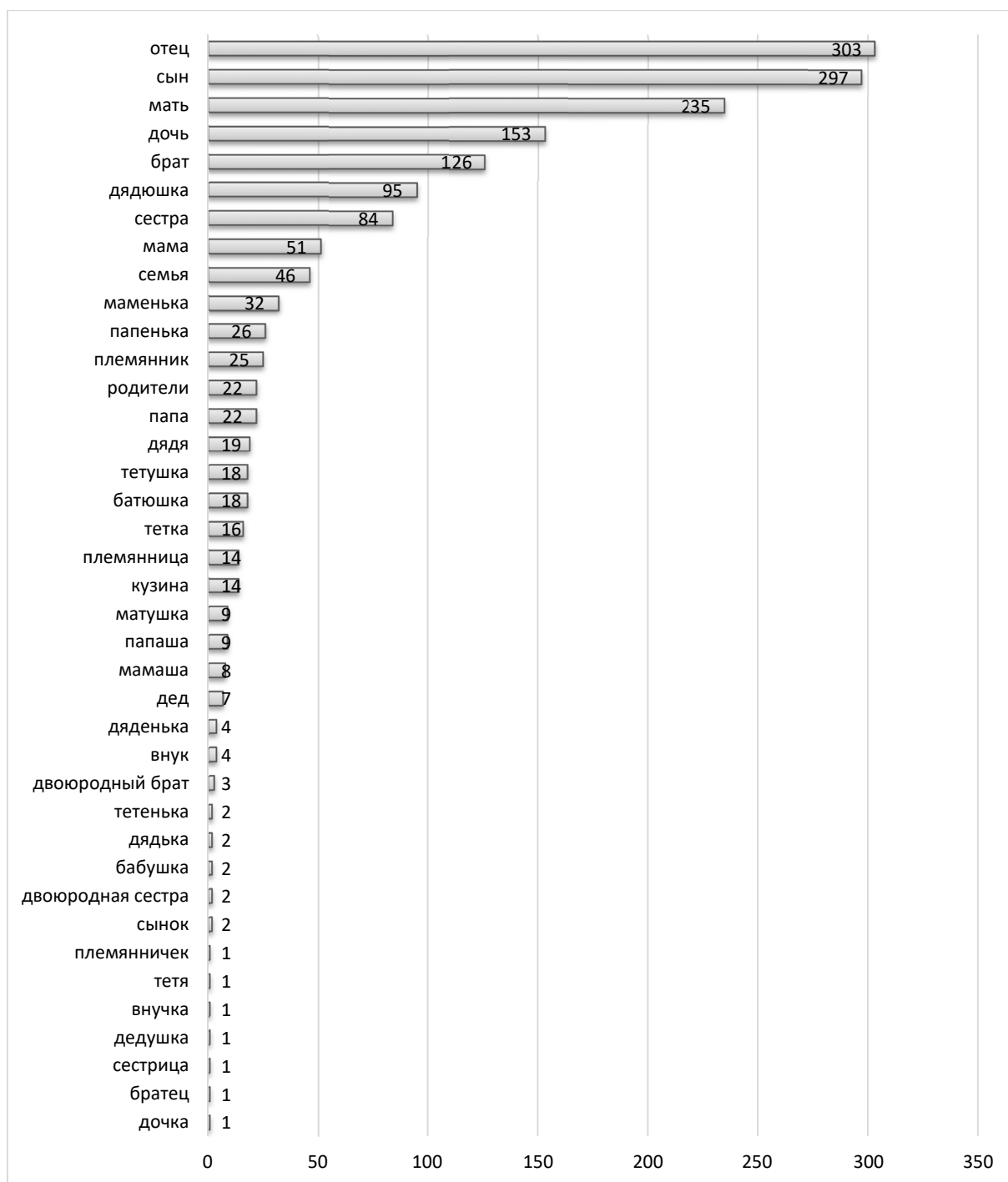
Количество словоупотреблений лексем ЛСГ кровного родства

отец	303
папа	22
папенька	26
папаша	9
батюшка	13
мать	235
мама	51

матушка	9
маменька	32
мамаша	8
сын	297
сынок	2
дочь	153
дочка	1
семья	46
брат	126
братец	1
сестра	84
сестрица	1
двоюродный брат	3
двоюродная сестра	2
кузина	14
дед	7
дедушка	1
бабушка	2
внук	4
внучка	1
дядя	19
дядюшка	95
Дяденька	4
дядька	2
тётка	16
тётя	1
тётушка	18
тётенька	2
родители	22
племянник	25
племянничек	1
племянница	14

Анализ лексем ЛСГ кровного родства по частотности их употребления в произведении Л.Н. Толстого «Война и мир» показал, что наиболее частотными являются лексемы «отец» (303 случаев употребления), «сын» (297), «мать» (235), «дочь» (153), «брат» (126), «дядюшка» (95), «сестра» (84).

Соотношение количества употребления лексем ЛСГ кровного родства

2.2.2. Лексико-семантическая группа свойственного родства

Обратимся к анализу ЛСГ свойственного родства в произведении Л.Н. Толстого «Война и мир». Нами обнаружено 160 случаев употребления лексемы «*муж*». В словаре С.И. Ожегова мы находим следующее определение данного слова: «1. Мужчина по отношению к женщине, с к-рой он состоит в официальном браке (к своей жене). 2. Мужчина в зрелом возрасте (устар.), а также деятель на каком-н. общественном поприще (высок.)» [Ожегов]. В своей работе мы придерживаемся определения лексемы «*муж*» как мужчины по отношению к женщине, с которой он состоит в официальном браке. «Я уверена, что мой муж будет согласен, – сказала графиня» [ВМ1: 769]. В произведении нами также обнаружены лексемы, которые, согласно словарю С.И. Ожегова, имеют стилистические пометы, такие как:

- «*муженёк*» (ласк.) – 1 употребление: «Вот только бы муженька тебе молодца выбрать, чистое дело марш!» [ВМ1: 822].

Рассмотрев данные лексемы в произведении Л.Н. Толстого «Война и мир», мы находим, что наиболее частотной является лексема «*муж*» (160). Наименьшее количество составляет лексема «*муженёк*» (1).

Наиболее частотной в ЛСГ свойственного родства в русскоязычном произведении является лексема «*жена*». Нами обнаружено 174 случая употребления этой лексемы. Следующее определение лексемы «*жена*» даётся в словаре С.И. Ожегова: «1. Женщина по отношению к мужчине, с к-рым она состоит в официальном браке (к своему мужу). 2. То же, что женщина (в 1 знач.) (устар. высок.)» [Ожегов]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «*жена*» как женщины по отношению к мужчине, с которым она состоит в официальном браке. «Моя жена очень дружна была с вашей матушкой» [ВМ2: 416].

Мы находим 33 случая употребления лексемы «*жених*». В настоящей работе мы придерживаемся определения этого слова, данного в словаре С.И. Ожегова: «Мужчина, вступающий в брак или намеревающийся жениться»

[Ожегов]. «Берг уже более месяца был женихом, и только неделя оставалась до свадьбы» [ВМ1: 416]. В произведении нами также обнаружены лексемы, которые, согласно словарю С.И. Ожегова, имеют стилистические пометы.

Лексема «*невеста*» употребляется в произведении «Война и мир» Л.Н. Толстого 33 раза. В словаре С.И. Ожегова данное слово определяется как «Девушка или женщина, вступающая в брак, а также (разг.) девушка, достигшая брачного возраста» [Ожегов]. «И во время, когда Наташа была невестой её брата, ведь тогда мне бы нельзя было думать жениться на ней» [ВМ2: 421].

Было выявлено 5 случаев употребления лексемы «*помолвка*» в русскоязычном произведении. Согласно словарю С.И. Ожегова, помолвка – это «обряд, следующий за сватовством и предшествующий обручению» [Ожегов]. «Князь Андрей объявлял о своей помолвке с Ростовой» [ВМ2: 781].

Анализ произведения «Война и мир» показал 35 случаев употребления лексемы «*брак*». В словаре С.И. Ожегова мы находим следующее определение данного слова: «1. Семейные супружеские отношения между мужчиной и женщиной. 2. Сопровождаемое обрядом бракосочетания христианское таинство вступления в супружество» [Ожегов]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «брак» как семейных супружеских отношений между мужчиной и женщиной. «Графиня писала прямо к Карагиной в Москву, предлагая ей брак её дочери с своим сыном, и получила от неё благоприятный ответ» [ВМ1: 827].

Лексема «*женитьба*» относится к более частотным в ЛСГ свойственного родства. Нами обнаружено 33 случая употребления лексемы. В настоящей работе мы придерживаемся определения этого слова, данного в словаре Д. Н. Ушакова: «вступление в брак» [Ушаков]. «Графиня писала прямо к Карагиной в Москву, предлагая ей брак её дочери с своим сыном, и получила от неё благоприятный ответ» [ВМ1: 827].

Нами обнаружено 3 случая употребления лексемы «*замужество*». В словаре С.И. Ожегова мы находим следующее определение слова «замужество»: «Пребывание женщины в браке» [Ожегов]. «Жюли находилась в том периоде

стареющей светской барышни, которая чувствует, что наступил последний шанс замужества и теперь или никогда должна решиться её участь» [ВМ1: 863].

Мы находим лишь 1 случай употребления лексемы «развод» в русскоязычном произведении. Согласно словарю С.И. Ожегова, слово «развод» определяется следующим образом: «Расторжение, расторгнутость брака» [Ожегов]. «Она советовалась с русским священником о том, в какой мере возможен развод и вступление в брак при живом муже» [ВМ2: 285].

Мы находим 6 случаев употребления лексемы «зять». В настоящей работе мы придерживаемся определения этого слова, данного в словаре С.И. Ожегова: «Муж дочери или сестры» [Ожегов]. «Берг, зять Ростовых, был уже полковник с Владимиром и Анной на шее» [ВМ2: 310].

Нами обнаружено 5 случаев употребления лексемы «мачеха». В словаре С.И. Ожегова мы обнаруживаем следующее определение данного слова: «Жена отца по отношению к его детям от прежнего брака» [Ожегов]. «Печаль этой потери слишком глубоко вкоренилась в его сердце, чтобы когда-нибудь он решился дать ей преемницу и мачеху нашему маленькому ангелу» [ВМ1: 781].

В произведении обнаружен лишь 1 случай употребления лексемы «пасынок». Следующее определение данного слова присутствует в словаре С.И. Ожегова: «Сын одного из супругов по отношению к другому, для него неродному» [Ожегов]. «Не только он велик, но велики его предки, его братья, его пасынки, зятя» [ВМ2: 642].

Лексема «невестка» употребляется в произведении 20 раз. Мы придерживаемся следующего определения слова «невестка», предложенного в словаре С.И. Ожегова: «Жена брата или жена сына, а также замужняя женщина по отношению к братьям и сёстрам её мужа» [Ожегов]. «Князь Василий находит тебя по своему вкусу для невестки и делает тебе пропозицию за своего воспитанника» [ВМ2: 376].

Было выявлено 8 случаев употребления лексемы «шурин». Следующая дефиниция данного слова присутствует в словаре С.И. Ожегова: «Брат жены» [Ожегов]. «Пьер в этот день обедал в клубе и со всех сторон слышал разговоры

о попытке похищения Ростовой и с упорством опровергал эти разговоры, уверяя всех, что больше ничего не было, как только то, что его шурин сделал предложение Ростовой и получил отказ» [ВМ1: 953].

Анализ произведения «Война и мир» Л.Н. Толстого показал 4 случая употребления лексемы «*тесть*». Согласно словарю С.И. Ожегова, слово «тесть» определяется как «отец жены» [Ожегов]. «Пьер боялся начать говорить не в том тоне решительного отказа и несогласия, в котором он твёрдо решил отвечать своему тестю» [ВМ1: 584].

Одной из наименее частотных в русскоязычном произведении является лексема «*тёща*». Нами обнаружено 4 случая употребления данной лексемы. В нашей работе мы придерживаемся определения этого слова, данного в словаре С.И. Ожегова: «Мать жены» [Ожегов]. «В это же время тёща его, жена князя Василья, присылала за ним, умоляя его хоть на несколько минут посетить её для переговоров о весьма важном деле» [ВМ1: 703].

Лексема «*свёкор*» также является менее частотной. Нами обнаружено 4 случая употребления данной лексемы. В словаре С.И. Ожегова мы находим такое определение слова «свёкор»: «Отец жены» [Ожегов]. «Маленькая княгиня после обеда плакала, говорила, что предчувствует несчастные роды, боится их, и жаловалась на свою судьбу, на свёкра и на мужа» [ВМ1: 181].

Количество словоупотреблений лексем, образующих ЛСГ свойственного родства в русскоязычном произведении, представлены в табл. 2.

Таблица 2

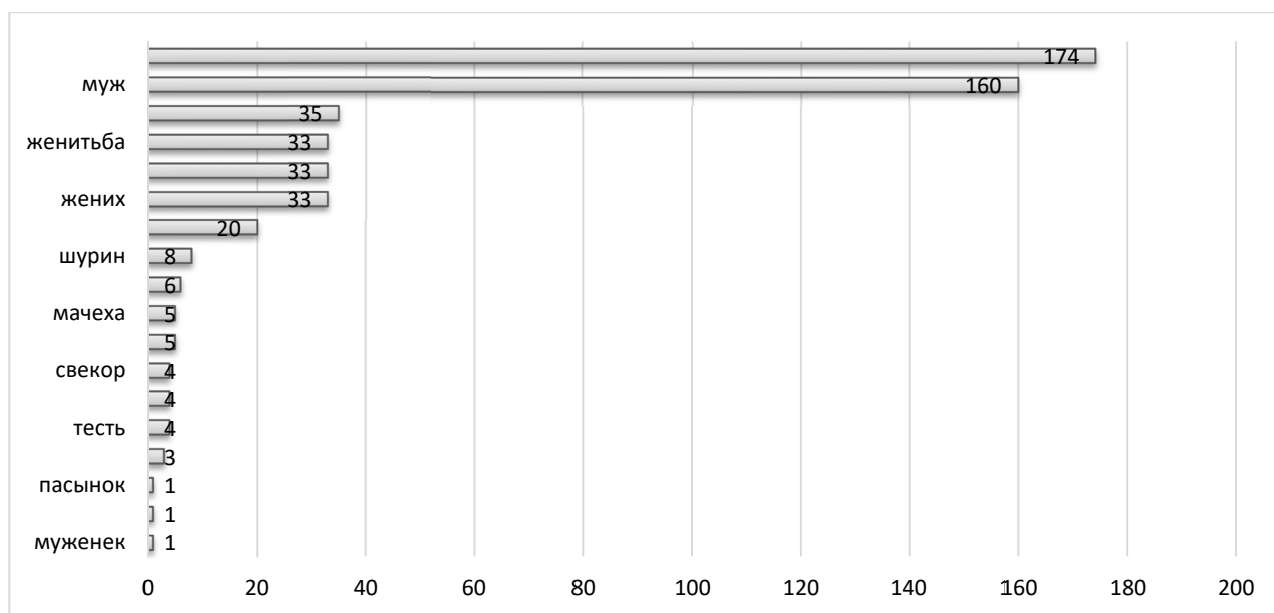
Количество словоупотреблений лексем ЛСГ свойственного родства

муж	160
муженёк	1
жена	174
жених	33
невеста	33
помолвка	5
брак	35
женитьба	33

замужество	3
развод	1
зять	6
невестка	20
шурин	8
тесть	4
тёща	4
свёкор	4
мачеха	5
пасынок	1

Анализ лексем ЛСГ свойственного родства по частотности их употребления в произведении Л.Н. Толстого «Война и мир» показал, что наиболее частотными являются лексемы «жена» (174 употребления), «муж» (160 употреблений), «брак» (35 употреблений) и «женитьба» (33 употребления).

Соотношение количества употребления лексем ЛСГ свойственного родства

2.3. Лексико-семантическое поле «family» в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах»

В ЛСП «family», лексические единицы которого употребляются для вербализации отношений в семье в произведениях Д. Голсуорси из цикла «Сага о Форсайтах», мы выделяем:

1. ЛСГ кровного родства: aunt, brother, cousin, dad, daddy, daughter, family, father, grandchild, granddad, granddaughter, grandfather, grandmother, grandson, great-aunt, great-granddaughter, great-grandfather, great-great-grandfather, great-uncle, mother, nephew, niece, papa, parent, sister, son, uncle;

2. ЛСГ свойственного родства: brother-in-law, daughter-in-law, engagement, father-in-law, fiancé, fiancée, husband, marriage, mother-in-law, sister-in-law, son-in-law, stepdaughter, stepmother, wife.

2.3.1. Лексико-семантическая группа кровного родства

Лексема «*father*» («отец») является наиболее частотной в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Нами обнаружено 488 случаев употребления данной лексемы. В словаре The Merriam Webster Dictionary мы находим следующее определение слова «father»: «1. a male parent; 2a. a man who has begotten a child; 2b. God (capitalized); 2c. forefather; 3a. one related to another in a way suggesting that of father to child; 3b. an old man—used as a respectful form of address; 4. often capitalized : a pre-Scholastic; 5a. one that originates or institutes; 5b. source; 5c. prototype; 6. a priest of the regular clergy; 7. one of the leading men (as of a city)» [Merriam Webster Dictionary]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «father» как родителя мужского пола. «But in this he was about as successful as his father would have been, for he had inherited all old Jolyon's transparency in matters of domestic finesse» [С: 229]. В произведении нами также обнаружены следующие лексемы:

1) «dad» (ласк.) – 67 употреблений: «Dad, is it true that I absolutely can't get at any of my money?» [ВП: 140];

2) «daddy» (ласк.) – 6 употреблений: «“Daddy!” she said, and was past and gone» [СВ: 221];

3) «рара» (ласк.) – 1 употребление: «What a treat, dear para!» [ВП: 205].

Рассмотрев данные лексемы в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах», мы находим, что наиболее частотными являются лексема «father» (488) и «dad» (67). Наименьшее количество составляют лексемы «daddy» (6) и «рара» (1).

Лексема «*mother*» («мать») также является одной из наиболее частотных в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Нами обнаружено 384 случаев употребления данной лексемы. В словаре The Merriam Webster Dictionary даётся следующее определение слова «mother»: «1a. a female parent; 1b. (1) a woman in authority specifically; (2) an old or elderly woman; 2. source, origin; 3. maternal tenderness or affection; 4. something that is an extreme or ultimate example of its kind» [Merriam Webster Dictionary]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «mother» как родителя женского пола. «This house—his father said in that death-bed letter—had been built for his mother to live in—with Fleur’s father!» [СВ: 198].

Нами обнаружено 14 случаев употребления лексемы «parent» («родитель») в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Согласно словарю The Merriam Webster Dictionary, данное слово определяется следующим образом: «1a. one that begets or brings forth offspring; 1b. a person who brings up and cares for another foster parents; 2a. an animal or plant that is regarded in relation to its offspring; 2b. the material or source from which something is derived; 2c. a group from which another arises and to which it usually remains subsidiary» [Merriam Webster Dictionary]. В своей работе мы придерживаемся определения лексемы «parent» как лица, порождающего потомство. «What worried him as a lawyer and a parent was the fear that Dartie might suddenly turn up and obey the Order of the Court when made» [ВП: 173].

Мы находим 188 случаев употребления лексемы «son» («сын») в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». В словаре The Merriam Webster Dictionary мы находим следующее определение слова «son»: «1. a human male off-

spring; 2. the second person of the Trinity; 3. a person closely associated with or deriving from a formative agent» [Merriam Webster Dictionary]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «son» как потомка мужского пола. «The next to arrive was Roger, still limping from the gout, and encircled by three of his sons» [С: 116].

Лексема «*daughter*» («дочь») встречается в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» 102 раза. В словаре The Merriam Webster Dictionary данному слову даётся следующее определение: «1. a female offspring especially of human parents; 2. something considered as a daughter; 3. an atomic species that is the product of the radioactive decay of a given element» [Merriam Webster Dictionary]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «daughter» как потомка женского пола. «He watched this younger daughter of his through the duckling stage with extraordinary interest» [ВП: 50].

Мы обнаружили 221 пример употребления лексемы «*family*» («семья»). В словаре The Merriam Webster Dictionary данная лексема определяется как «1a. the basic unit in society traditionally consisting of two parents rearing their children; 1b. spouse and children; 2. a group of individuals living under one roof and usually under one head; 3a. a group of persons of common ancestry; 3b. a people or group of peoples regarded as deriving from a common stock; 4a. a group of people united by certain convictions or a common affiliation; 4b. the staff of a high official; 5. a group of things related by common characteristics; 6. a group of related plants or animals forming a category ranking above a genus and below an order and usually comprising several to many genera; 7. a set of curves or surfaces whose equations differ only in parameters; 8. a unit of a crime syndicate operating within a geographical area». Мы придерживаемся определения лексемы «family» как базовой единицы общества, традиционно состоящей из двух родителей, растящих детей. «The company was then complete, twenty-one in all, not a male member of the family being absent but Timothy and young Jolyon» [С: 118].

Было выявлено 76 случаев употребления лексемы «*grandfather*» («дед») в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Мы придерживаемся опре-

деления этого слова, данного в словаре The Merriam Webster Dictionary: «The father of one's father or mother» [Merriam Webster Dictionary]. «Those cypresses your grandfather planted down there have done wonderfully» [СВ: 71]. В произведении нами также обнаружены следующие лексемы:

- «granddad» (ласк.) – 2 употребления: «I suppose my granddad and he were brothers» [ВП: 123].

Наиболее частотной в англоязычном произведении является лексема «grandfather» (76). Менее частотной становится лексема «granddad» (2).

Анализ произведения Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» показал 2 случая употребления лексемы «*great-grandfather*» («прадед»). Мы находим следующее определение этого слова, данное в словаре Collins English Dictionary: «The father of a grandparent» [Collins English Dictionary]. «The second Jolyon Forsyte—your great-grandfather, Jolly; better known as Superior Dosset Forsyte—built houses, so the chronicle runs, begat ten children, and migrated to London town» [ВП: 143].

Лексема «*great-great-grandfather*» («прапрадед») является одной из наименее частотных в ЛСГ кровного родства в англоязычном произведении. Нами обнаружено 2 случая употребления данной лексемы. Согласно словарю Collins English Dictionary, данное слово определяется следующим образом: «The grandfather of a grandparent» [Collins English Dictionary]. «The first Jolyon Forsyte—at all events the first we know anything of, and that would be your great-great-grandfather—dwelt in the land of Dorset on the edge of the sea» [ВП: 143].

Лексема «*grandmother*» («бабушка») также относится к менее частотным. Нами обнаружено 13 случаев употребления данной лексемы в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Мы придерживаемся определения этого слова, данного в словаре Merriam Webster Dictionary: «The mother of one's father or mother» [Merriam Webster Dictionary]. «His grandfather was nodding too, his grandmother tossing her head» [ВП: 195].

Нами обнаружено 73 случая употребления лексемы «*brother*» («брат») в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». В словаре The Merriam Webster Dictionary мы находим следующее определение слова «brother»: «1. a male

who has the same parents as another or one parent in common with another; 2. one related to another by common ties or interests; 3. a fellow member; 4. one of a type similar to another; 5a. kinsman; 5b. one who shares with another a common national or racial origin; 6a. a member of a congregation of men not in holy orders and usually in hospital or school work; 5b. a member of a men's religious order who is not preparing for or is not ready for holy orders» [Merriam Webster Dictionary]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы *brother* как лица мужского пола, у которого один или оба общих родителя с другим лицом. «I used to know your brother up at Oxford, ages ago, the one who died in the Boer War» [CB: 52].

Мы находим 65 случаев употребления лексемы «*sister*» («сестра») в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». В словаре The Merriam Webster Dictionary слову «*sister*» даётся следующая дефиниция: «1. a female who has one or both parents in common with another; 2a. a member of a women's religious order; 2b. a girl or woman who is a member of a Christian church; 3a. a girl or woman regarded as a comrade; 3b; a girl or woman who shares with another a common national or racial origin; 4. one that is closely similar to or associated with another; 5. nurse (British); 6. girl, woman; 7. a member of a sorority» [Merriam Webster Dictionary]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «*sister*» как лица женского пола, у которого один или оба общих родителя с другим лицом. «In the third row behind, Euphemia, Nicholas's youngest daughter, with her married-sister, Mrs. Tweetyman, were watching» [C: 139].

Лексема «*uncle*» («дядя») употребляется в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» 145 раз. Согласно словарю The Merriam Webster Dictionary, слово *uncle* определяется следующим образом: «1a. the brother of one's father or mother; 1b. the husband of one's aunt; 2. one who helps, advises, or encourages» [Merriam Webster Dictionary]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «*uncle*» как брата отца или матери или мужа тёти. «Was that the house built for Uncle Soames?» [BII: 80].

Было выявлено 256 случаев употребления лексемы «*aunt*» (тётка) в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Мы придерживаемся определения этого слова, данного в словаре Merriam Webster Dictionary: «1a. the sister of one's father or mother; 1b. the wife of one's uncle or aunt» [Merriam Webster Dictionary]. «I don't know what your aunt and Imogen see in him» [СВ: 86].

Анализ произведения Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» показал 92 случая употребления лексемы «*cousin*» («кузен»). В словаре The Merriam Webster Dictionary мы находим следующее определение слова «*cousin*»: «1a. child of one's uncle or aunt; 1b. a relative descended from one's grandparent or more remote ancestor by two or more steps and in a different line; 1c. kinsman, relative a distant cousin; 2. one associated with or related to another; 3. used as a title by a sovereign in addressing a nobleman; 4. a person of a race or people ethnically or culturally related» [Merriam Webster Dictionary]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «*cousin*» как родственника, произошедшего от одного из прапородителей или более отдалённых предков. «The cousins had met but twice, Jolly, the second-year man, having invited the freshman to breakfast» [ВП: 119].

Лексема является одной из менее частотных в ЛСГ кровного родства в англоязычном произведении. Нами было выявлено 22 случая употребления лексемы «*nephew*» («племянник») в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Мы обнаруживаем следующие определения данного слова в словаре Merriam Webster Dictionary: «1a. a son of one's brother or sister or of one's brother-in-law or sister-in-law; 1b. an illegitimate son of an ecclesiastic; 2. obsolete: a lineal descendant» [Merriam Webster Dictionary]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «*nephew*» как сына брата, сестры, шурина или невестки. «And glancing sidelong at his nephew, he thought: 'Wish I were his age!'"» [ВП: 64].

Лексема «*niece*» («племянница») также относится к менее частотным. Нами обнаружено 8 случаев употребления данной лексемы в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». В словаре Merriam Webster Dictionary данное слово определяется следующим образом: «1. a daughter of one's brother, sister,

brother-in-law, or sister-in-law; 2. an illegitimate daughter of an ecclesiastic» [Merriam Webster Dictionary]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «niece» как дочери брата, сестры, шурина или невестки. «She never could help an appraising eye and touch in the matter of her niece, who would have to be married, of course—though not to that boy Jon» [СВ: 117].

Лексема «*grandchild*» («внук» или «внучка») употребляется в англоязычном произведении 23 раза. Приведём дефиницию данного слова из словаря Merriam Webster Dictionary: «The child of one's son or daughter» [Merriam Webster Dictionary]. «By instinct he knew that the weak spot in that old man was fear of insecurity for his grandchildren» [ВП: 127].

Было выявлено 9 случаев употребления лексемы «*grandson*» («внук») в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Мы придерживаемся определения этого слова, данного в словаре Merriam Webster Dictionary: «The son of one's son or daughter» [Merriam Webster Dictionary]. «The thought of his little grandson's growing wealth was a real pleasure to him» [С: 286].

Анализ произведения Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» показал 10 случаев употребления лексемы «*granddaughter*» («внучка»). В словаре Merriam Webster Dictionary данное слово определяется как «the daughter of one's son or daughter» [Merriam Webster Dictionary]. «This was the occasion of an 'at home' to celebrate the engagement of Miss June Forsyte, old Jolyon's granddaughter, to Mr. Philip Bosinney» [С: 7].

Одной из наименее употребительных в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» является лексема «*great-granddaughter*» («правнучка»). Нами обнаружен 1 случай употребления данной лексемы. Обратимся к словарю Cambridge English Dictionary за определением слова «*great-granddaughter*»: «The daughter of your grandchild» [Cambridge English Dictionary]. «In the union of the great-granddaughter of "Superior Dosset" with the heir of a ninth baronet was the outward and visible sign of that merger of class in class which buttresses the political stability of a realm» [СВ: 213].

Лексема «*great-uncle*» («двоюродный дед») также относится к менее частотным. Нами обнаружено 6 случаев употребления лексемы «*great-uncle*»

в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Мы придерживаемся определения этого слова, данного в словаре Merriam Webster Dictionary: «An uncle of one's father or mother» [Merriam Webster Dictionary]. «They never did a wild thing—unless it was your great-uncle Swithin, who I believe was once swindled at thimble-rig» [ВП: 127].

Мы находим 1 случай употребления лексемы «*great-aunt*» («двоюродная тётка») в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». В словаре Merriam Webster Dictionary приводится следующее определение данного слова: «The aunt of one's father or mother» [Merriam Webster Dictionary]. «...being by profession an 'agriculturalist,' as your great-aunt put it» [ВП: 127].

Количество словоупотреблений лексем, образующих ЛСГ кровного родства в англоязычном произведении, представлено в табл. 3.

Таблица 3

Количество словоупотреблений лексем ЛСГ кровного родства

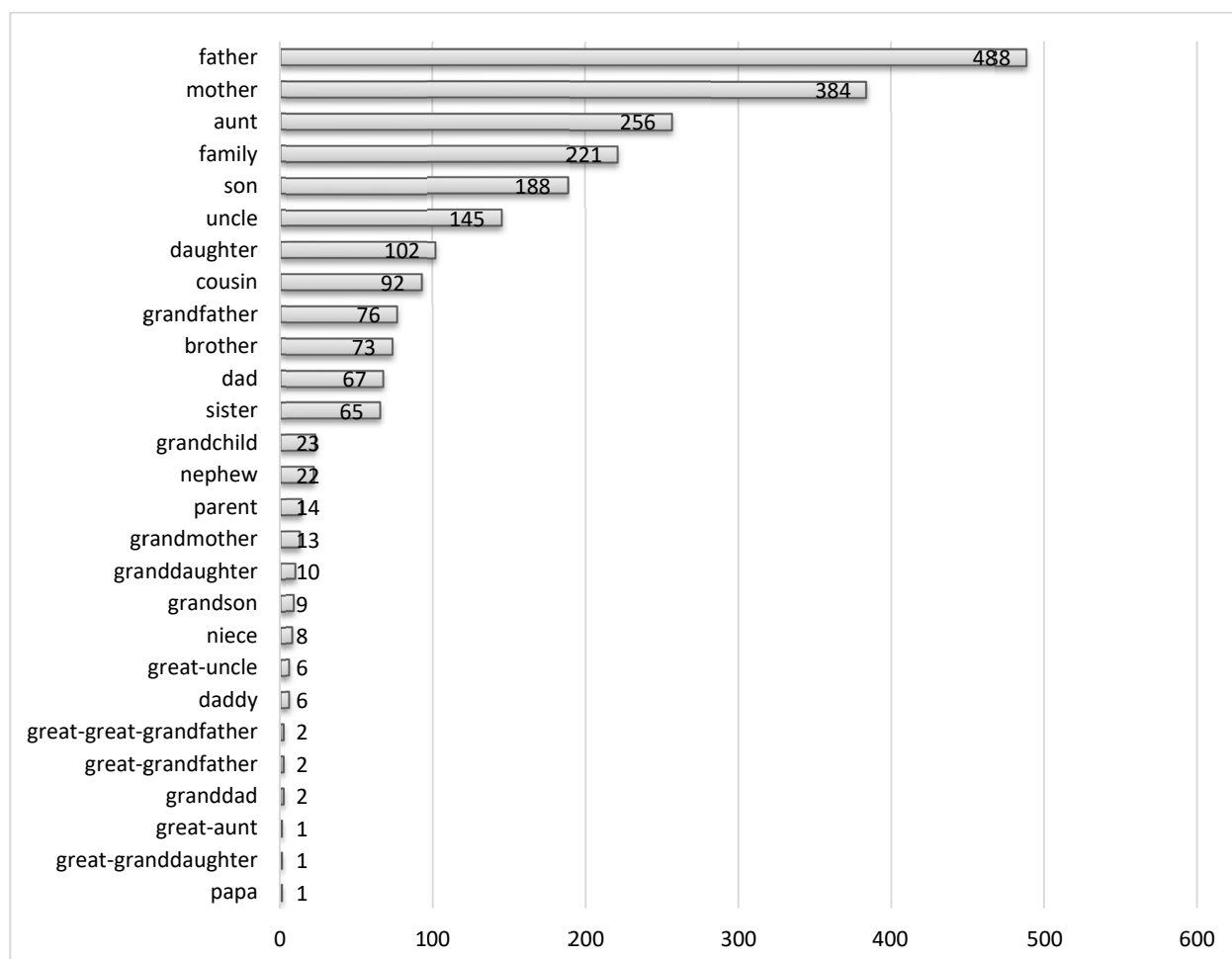
Father	488
Dad	67
Daddy	6
Papa	1
Mother	384
Parent	14
Son	188
Daughter	102
Family	221
Grandfather	76
Granddad	2
great-grandfather	2
great-great-grandfather	2
Grandmother	13
Brother	73
Sister	65
Uncle	145
Aunt	256
Cousin	92
Nephew	22
Niece	8
Grandchild	23

grandson	9
granddaughter	10
great-granddaughter	1
great-uncle	6
great-aunt	1

Проанализировав лексемы ЛСГ кровного родства по частотности их употребления в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах», мы получили следующие данные: наиболее частотными лексемами являются лексемы «father» (488 случаев употребления), «mother» (384), «aunt» (256), «son» (188), «uncle» (145), «daughter» (102), «cousin» (95), «grandfather» (76), «brother» (73), «dad» (67), «sister» (65).

Диаграмма 3

Соотношение количества употребления лексем ЛСГ кровного родства

2.3.2. Лексико-семантическая группа свойственного родства

Одной из наиболее частотных в ЛСГ свойственного родства в англоязычном произведении является лексема «*husband*» («муж»). Нами обнаружено 51 случай употребления лексемы «*husband*» в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Мы находим следующие определения данного слова в словаре Merriam Webster Dictionary: «1. a male partner in a marriage; 2. British: the manager of another's property; 3. a frugal manager» [Merriam Webster Dictionary]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «*husband*» как партнёра мужского пола в браке. «I only just saw her, before the door was shut against me by her husband» [СВ: 203].

Наиболее частотной в ЛСГ свойственного родства стала лексема «*wife*» («жена»). Нами обнаружено 225 случаев употребления данной лексемы в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Мы находим следующие определения данного слова в словаре Merriam Webster Dictionary: «1a. dialect: woman; 1b. a woman acting in a specified capacity; 2a. female partner in a marriage» [Merriam Webster Dictionary]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы *wife* как партнёра женского пола в браке. «And now this rumour had come upon him, this rumour about his son's wife» [С: 156].

Нами обнаружено 2 случая употребления лексемы «*fiancé*» («жених») в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Следующее определение данного слова присутствует в словаре Merriam Webster Dictionary: «A man engaged to be married» [Merriam Webster Dictionary]. «They had not met since that old and lamentable affair of her fiance Bosinney with Soames' wife» [ВП: 105].

Нами обнаружено также 2 случая употребления лексемы «*fiancée*» («невеста») в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Мы придерживаемся определения этого слова, данного в словаре Merriam Webster Dictionary: «A man engaged to be married» [Merriam Webster Dictionary]. «Whispers had reached her that things were not all right between her nephew and his fiancée» [С: 250].

Мы находим 16 случаев употребления лексемы «*engagement*» («помолвка») в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». В словаре Merriam Webster Dictionary читаем следующее определение данного слова: «1a. an arrangement to meet or be present at a specified time and place; 1b. a job or period of employment especially as a performer; 2. something that engages; 3a. the act of engaging; 3b. emotional involvement or commitment; 3c. betrothal; 4. the state of being in gear; 5a. hostile encounter between military forces» [Merriam Webster Dictionary]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «*engagement*» как помолвки. «He ought never to have allowed the engagement» [C: 28].

Лексема «*marriage*» («брак») относится к наиболее частотным в ЛСГ свойственного родства в англоязычном произведении и употребляется 72 раза. Согласно словарю Merriam Webster Dictionary, данная лексема определяется как «1a. the state of being united as spouses in a consensual and contractual relationship recognized by law; 1b. the mutual relation of married persons; 1c. the institution whereby individuals are joined in a marriage; 2. an act of marrying or the rite by which the married status is effected; 3. an intimate or close union» [Merriam Webster Dictionary]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы *marriage* как состояния, когда супруги соединены в добровольных и договорных отношениях, признанных законом. «But what shall I do about this marriage of Val's, Soames?» [C: 277].

Было выявлено 3 случая употребления лексемы «*father-in-law*» («тесть», «свекор») в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». В словаре Merriam Webster Dictionary присутствуют следующие дефиниции: «1. the father of one's spouse; 2. archaic: stepfather» [Merriam Webster Dictionary]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «*father-in-law*» как отца супруга или супруги. «That little affair of your father-in-law and your Aunt Irene, Val—it's old as the hills» [CB: 47].

Анализ произведения Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» показал 1 случай употребления лексемы «*mother-in-law*» («теща», «свекровь»). Мы находим следующие определения данного слова в словаре Merriam Webster Dictionary:

«1. the mother of one's spouse; 2. archaic: stepmother» [Merriam Webster Dictionary]. В настоящей работе мы придерживаемся определения лексемы «mother-in-law» как матери супруга или супруги. «“Your mother-in-law’s in bed,” he began, hoping at once to enlist her sympathy» [С: 257].

Другой менее частотной лексемой является слово «*son-in-law*» («зять»). Нами обнаружено 2 случая употребления данной лексемы в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Мы придерживаемся определения этого слова, данного в словаре Merriam Webster Dictionary: «The husband of one's daughter or son» [Merriam Webster Dictionary]. «When his son-in-law Dartie had that financial crisis, due to speculation in Oil Shares, James made himself ill worrying over it» [С: 87].

Лексема «*daughter-in-law*» («сноха») также относится к менее частотным в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Нами находим 6 случаев употребления данной лексемы. В словаре Merriam Webster Dictionary эта лексема определяется следующим образом: «The wife of one's son or daughter» [Merriam Webster Dictionary]. «The meeting with his new daughter-in-law took place in the dining-room» [ВП: 289].

Лексема «*brother-in-law*» («шурин») встречается в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» 7 раз. Мы определяем данное слово согласно дефинициям словаря Merriam Webster Dictionary: «1. the brother of one's spouse; 2a. the husband of one's sibling; 2b. the husband of one's spouse's sibling» [Merriam Webster Dictionary]. «A second shareholder, with a round, dogged face, whom Soames recognized as the late superintendent’s brother-in-law, got up» [С: 175].

Было выявлено 2 случая употребления лексемы «*sister-in-law*» («золовка») в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Мы придерживаемся определения этого слова, данного в словаре Merriam Webster Dictionary: «1. the sister of one's spouse; 2a. the wife of one's sibling; 2b. the wife of one's spouse's sibling» [Merriam Webster Dictionary]. «The craving to drive down to Richmond, irresistible that summer, moved the mother of the little Darties to write the following note to her sister-in-law» [С: 220].

Нами обнаружено 10 случаев употребления лексемы «*stepmother*» («мачеха») в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Мы придерживаемся определения этого слова, данного в словаре Merriam Webster Dictionary: «The wife of one's parent when distinct from one's natural or legal mother» [Merriam Webster Dictionary]. «He left Bournemouth without having given himself away, but in a month's time came back, and this time he spoke, not to the girl, but to her stepmother» [С: 127].

Мы находим 1 случай употребления лексемы «*stepdaughter*» («падчерица») в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Следующее определение слова «*stepdaughter*» даётся в словаре Merriam Webster Dictionary: «A daughter of one's wife or husband by a former partner» [Merriam Webster Dictionary]. «The strange ripening beauty of her stepdaughter stood in the way of this desirable consummation» [С: 127].

Количество словоупотреблений лексем, образующих ЛСГ свойственного родства в англоязычном произведении, представлено в табл. 4.

Таблица 4

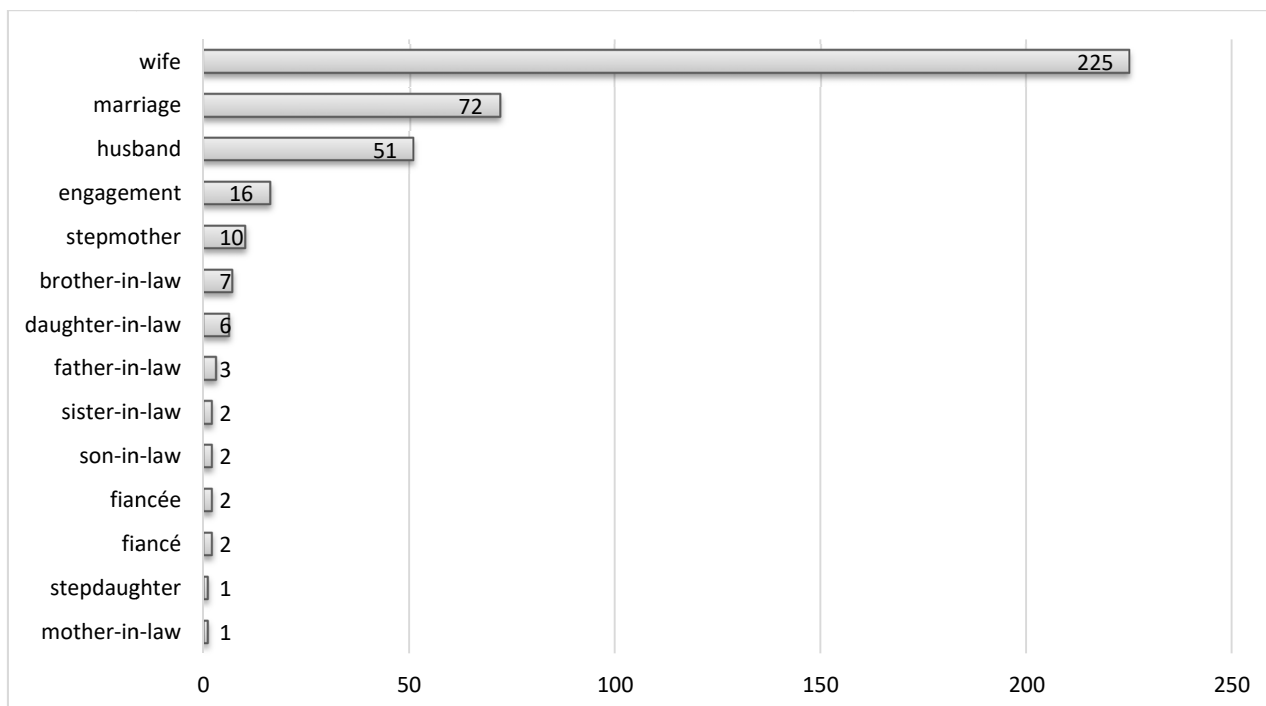
Количество словоупотреблений лексем ЛСГ свойственного родства

husband	51
wife	225
fiancé	2
fiancée	2
engagement	16
marriage	72
father-in-law	3
mother-in-law	1
son-in-law	2
daughter-in-law	6
brother-in-law	7
sister-in-law	2
Stepmother	10
Stepdaughter	1
husband	51
wife	225
fiancé	2
fiancée	2

Проанализировав лексемы ЛСГ свойственного родства по частотности их употребления в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах», мы получили следующие данные: наиболее частотными лексемами являются лексемы «wife» (225 употреблений), «marriage» (72 употребления) и «husband» (51 употребление).

Диаграмма 4

Соотношение количества употребления лексем ЛСГ свойственного родства

Выводы по второй главе

Вербализация отношений в семье в русском и английском языках на примере произведений Л.Н. Толстого «Война и мир» и Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» осуществляется при помощи лексических единиц, объединённых в ЛСП «семья», которое включает в себя ЛСГ кровного родства и ЛСГ свойственного родства.

ЛСГ кровного родства включает в себя лексемы «бабушка», «батюшка», «брат», «братец», «внук», «внучка», «двоюродная сестра», «двоюродный брат», «дед», «дедушка», «дочка», «дочь», «дяденька», «дядька», «дядюшка», «дядя», «кузина», «мама», «мамаша», «маменька», «матушка», «мать», «мачеха»,

«отец», «папа», «папаша», «папенька», «пасынок», «племянник», «племянница», «племянничек», «родители», «семья», «сестра», «сестрица», «сын», «сын-нок», «тетенька», «тетка», «тетушка», «тетя» в русском языке и лексемы «aunt», «brother», «cousin», «dad», «daddy», «daughter», «family», «father», «grandchild», «granddad», «granddaughter», «grandfather», «grandmother», «grandson», «great-aunt», «great-granddaughter», «great-grandfather», «great-great-grandfather», «great-uncle», «mother», «nephew», «niece», «papa», «parent», «sister», «son», «stepdaughter», «stepmother», «uncle» в английском языке.

Анализ показал, что наиболее частотными лексемами ЛСГ кровного родства в русском языке являются лексемы «отец» (303), «сын» (297), «мать» (235), «дочь» (153), «брат» (126), «дядюшка» (95), «сестра» (84). В английском языке наиболее частотные лексемы – «father» (488), «mother» (384), «aunt» (256), «family» (221), «son» (188), «uncle» (145). Данные анализа говорят о большой роли, которую родители играют в жизни человека. Лексемы «отец» / «father» и «мать» / «mother» находятся в основе человеческих отношений и языкового сознания говорящего. Любовь и забота родителей о детях представляют собой универсальный, общекультурный феномен. Лексемы «отец» / «father» и «мать» / «mother» являются элементами как русской, так и британской культуры, они выступают в качестве традиционных элементов культуры каждого народа. В русской культуре издавна сын считался наследником и продолжателем рода, о чём говорят результаты исследования. Лексема «сын» (297 случаев употребления) и занимает второе место по частотности в ЛСГ кровного родства в русскоязычном произведении. В произведении «Сага о Форсайтах» лидирующую позицию занимают такие лексемы, как «aunt», «family», «uncle», что свидетельствует о том, что для англичан очень важны клановые отношения между родственниками, объединённые линией родства для сохранения капитала внутри ядерной семьи. Между поколениями существует авторитарное общение, при котором зрелость представителей мужского пола наступает после достижения определённой материальной независимости и приобретения умения извлекать выгоду из унаследованного капитала, чем и объясняется частотность использо-

вания лексемы «son» (188 случаев употребления), по сравнению с русским языком – «сын» (297 случаев употребления).

ЛСГ свойственного родства включает в себя лексемы «брак», «жена», «женитьба», «жених», «замужество», «зять», «муж», «муженёк», «невеста», «невестка», «помолвка», «развод», «свёкор», «тесть», «тёща», «шурин» в русском языке и лексемы «brother-in-law», «daughter-in-law», «engagement», «father-in-law», «fiancé», «fiancée», «husband», «marriage», «mother-in-law», «sister-in-law», «son-in-law», «wife» в английском языке.

В ЛСГ свойственного родства наиболее частотной лексемой в русском и английском языках является лексема «жена» (174 случая употребления) и «wife» (225 случаев употребления), «муж» (160) и «husband» (51), «брак» (35) и «marriage» (72).

Частотность данных лексем свидетельствует о том, что они являются одними из основных элементов национального самосознания русской и британской культур, что обусловлено той значительной ролью, которую они играют в быту носителей языка, а также их соотношением с базовыми человеческими ценностями. В обоих языках лидирующую позицию занимают лексемы «жена» / «wife», что ещё раз подтверждает роль женщины в семье как хранительницы очага и продолжательницы человеческого рода.

Глава 3. КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКИ, ВЕРБАЛИЗУЮЩЕЙ ПОНЯТИЕ «СЕМЬЯ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Роман Д. Голсуорси описывает жизнь семьи Форсайтов примерно с середины XIX века. В романе Л.Н. Толстого рассказывается о событиях, связанных с Отечественной войной 1812 года. «Собственник», как и вся трилогия «Саги о Форсайтах», описывает жизнь лишь одной знатной британской семьи. В романе же «Война и мир» речь идёт о вышеупомянутой войне, а также её влиянии на жизнь дворянских семей на примере судьбы нескольких из них. Таким образом, мы считаем, что сопоставление языковых средств, которые авторы используют для изображения семьи как единицы общества в исследуемых произведениях, представляет интерес для анализа роли семьи в британской и русской культурах.

Семейные отношения играют центральную роль в обоих романах, но на сегодняшний день существует не так много научных работ, посвящённых анализу образа семьи в указанных произведениях. Так, в одной из немногочисленных подобных работ, диссертации Е.А. Евдокимовой [Евдокимова 2002], подчёркивается, что отрицательные или положительные взгляды Л.Н. Толстого на христианство раскрываются при описании семейных отношений. Что касается работ, посвящённых рассмотрению описанию семьи в произведении Д. Голсуорси, современные филологи подчёркивают доминирование ценности материальных благ над ценностью семейных отношений [Шильникова 2016].

3.1. Динамика развития родственных отношений в произведении Л.Н. Толстого «Война и мир»

3.1.1. Лексико-семантическая группа кровного родства

В первом томе романа «Война и мир» оценочность по отношению к отцу является преимущественно положительной. Лексемы «отец», «папа», «папень-

ка», «батюшка», «папаша» встречаются в первом томе 128 раз, причём 38 случаев употребления носят положительную оценочность, 22 случая – отрицательную, и 68 случаев – нейтральную оценочность.

Мы можем наблюдать любовь и уважение младшего поколения к старшему в сценах семейной жизни. Так, Андрей смотрит на своего отца, князя Болконского, «почтительными глазами», слушает его «с видимой радостью» и, несмотря на суровый характер родителя, испытывает к нему тёплые чувства, ведь «слабости отца не мешают ему уважать и любить его». Слова «почтительный», «радость», «любить», «уважать» в этих примерах обладают положительной оценочностью, под их влиянием в данном контексте слово «отец» реализует положительную оценочность.

Княжна Марья уважает мнение своего отца и не смеет ему перечить: «Разве возможно судить об отце?» [ВМ1: 179], «Всё, сделанное её отцом, возбуждало в ней благоговение, которое не подлежало обсуждению» [ВМ1: 169]. Она считает своим призванием быть рядом с ним, жертвовать собой ради его счастья. С лингвистической точки зрения интерес представляет лексический повтор, использованный в описании сцены отказа Марьи на предложение о замужестве, подчёркивая любовь Марьи к отцу: «...Никогда не покидать вас, никогда не разделять своей жизни с вашею» [ВМ1: 380].

В этой связи нельзя не упомянуть употребление метафоры «заливаться смехом» [ВМ1: 115] при описании смеха Наташи Ростовской над танцем отца во время её именин. Несмотря на то что это мёртвая метафора, она ярко показывает, насколько счастлива Наташа в своей семье.

Другим примером уважения к отцу является отношение Пьера к старому графу Безухову. Хотя Пьер мало знал своего отца и не был близок с ним, он испытывает глубокое уважение к отцу, поэтому, глядя на «величественную фигуру» [ВМ1: 133] своего больного отца, в мыслях он сравнивает его с царём зверей: «...Седую гривой волос, напоминавших льва» [Там же]. В данном случае приведённые эпитет и сравнение способствуют реализации положительного оценочного значения слова «отец».

Тем не менее в первом томе романа встречается и отрицательная оценочность по отношению к отцу. Старый князь Болконский очень строг и груб по отношению к своей дочери. Это замечают другие люди, которые отмечают, что княжна Марья «очень несчастлива с отцом» [ВМ1: 9]. Когда князь Василий приезжает со своим сыном Анатолом к ней свататься, отец воспринимает желание дочери выйти замуж как предательство, оскорбляет её. Более того, княжна Марья испытывает постоянный страх перед своим отцом: «Одна мысль о взгляде её отца приводила её в ужас» [ВМ1: 357]. В данном контексте под влиянием слов «несчастлива» и «ужас», обладающих отрицательной оценочностью, слово «отец» реализует пейоративную оценочность. В другом примере автор использует гиперболу, чтобы показать силу отрицательного чувства, вызываемого в Марье отцом: «...Она ничего не видела, не слышала, только чувствовала близко подле себя сухое лицо строгого отца» [ВМ1: 149].

Ещё один пример пейоративной оценки – отношение к отцу детей князя Василия. Они не любят своего отца и порой обращаются к нему с насмешкой и неуважением: «“При чём я числюсь, папа?” – обратился Анатолий со смехом к отцу» [ВМ1: 369]. Да и сам Василий называет своих сыновей «дураками» и выражает отношение к детям метафорой: «Мои дети – обуза моего существования» [ВМ1: 9]. Слова «дурак» и «обуза», обладающие отрицательной коннотацией, приводят к реализации пейоративной оценочной коннотации лексемы «дети».

Выше упоминалось об уважительном отношении Пьера к своему отцу, давшему ему хорошее воспитание и образование, однако отец и сын были так далеки друг от друга, что даже у смертного ложа отца Пьер не знает, как себя вести и как назвать графа: назвать его отцом Пьеру было «совестно».

Во втором томе романа мы можем наблюдать крепкие и любящие отношения между старшим и младшим поколением. Так, в сцене, где Николай Ростов приходит просить у отца большую сумму, проигранную в карты, он испытывает сильное чувство вины перед родителями, которые и без того испытывают денежные затруднения. Тем не менее Николай разговаривает с отцом грубо,

будто бы ничего не произошло. Противоречивые чувства персонажа автор передаёт с помощью антитезы: «Ему хотелось бы целовать руки своего отца, на коленях просить его прощения, а он небрежным и даже грубым тоном говорил, что это со всяким случается» [ВМ1: 557]. Граф Ростов соглашается одолжить сыну деньги и с пониманием принимает его просьбу, что показано в тексте при помощи лексического повтора: «...С кем не бывало! да, с кем не бывало...» [Там же]. Положительный ответ отца удивляет и трогает сына до глубины души: он со слезами просит отца простить его.

Лексемы «отец», «папа», «папенька», «батюшка», «папаша» во втором томе романа наделяется и положительной, и отрицательной оценочностью. В описании графа Ростова они чаще обладают положительной оценочностью (34 словоупотреблений), в описании князя Болконского они чаще обладают отрицательной оценочностью (21 словоупотребление). В большинстве случаев (85 случаев) данные лексемы отличаются нейтральной оценочностью.

В третьем томе романа «Война и мир» мы также наблюдаем неоднозначные отношения между старшим и младшим поколением. Лексемы «отец», «папа», «папенька», «батюшка», «папаша» употребляются 69 раз. В 26 словоупотреблениях они отличаются положительной оценочностью; в 6 случаях они отличаются отрицательной оценочностью, и в 37 случаях – нейтральной.

Автор показывает отрицательное отношение детей к отцу на примере семьи Болконских. Л.Н. Толстой использует гиперболу «вечный страх отца» [ВМ2: 136], показывая напряженные отношения между Марьей и старым князем Болконским: отец очень груб с Марьей, и она с детства боится его. Когда же старый князь Болконский «приближает» к себе француженку-компаньонку дочери, чтобы ещё сильнее унижить Марью, это вызывает недовольство даже Андрея, который «в первый раз в жизни осуждал своего отца» [ВМ2: 35].

Старый князь Болконский в начале третьего тома всё так же показывает своё отрицательное отношение к дочери. Автор передаёт это при помощи слов, обладающих отрицательной оценочностью: «нарочно мучает и раздражает его», «баловством и глупыми речами портит маленького князя», «бестолковый ха-

рактер дочери» [Там же] и пр. Однако, когда князя ударил паралич, он меняется. Различие в прежнем поведении князя и том, как он обращается с дочерью после удара, автор показывает при помощи антитезы: «...Прежнее строгое и решительное выражение его лица заменилось выражением робости и покорности» [ВМ2: 134].

Всё меняется, когда ухудшается здоровье князя, что указывает на приближающуюся его кончину. Марья ухаживает за больным отцом, уделяя ему всё своё время, что автор показывает при помощи гиперболы: «Она день и ночь... следила за ним» [Там же]. Тем не менее княжна понимает, что отец может не поправиться, что заставляет её задуматься о жизни без него. Автор пишет, что Марья мечтает о «свободной жизни» [ВМ2: 135], сравнивая жизнь Марьи под давлением отца с заточением. Однако на смертном одре отец просит у неё прощения, впервые благодаря её за все годы, которые она ему посвятила. Старый князь Болконский, обычно грубо обращавшийся с дочерью, называет её добрыми словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «душенька», «дружок». Слова князя вызывают у Марьи чувство стыда за свои прежние мысли, и её переполняет чувство любви к отцу, которое автор передаёт при помощи эпитета «страстная любовь» [ВМ2: 139].

Марья тяжело переживает смерть отца. Теперь, когда его не стало, она с отвращением вспоминает свои мысли перед его смертью, когда она желала жить без него, и автор передаёт чувства героини при помощи метафоры: «...Душевная мерзость... которая выказалась во время болезни её отца» [ВМ2: 146]. Слово «мерзость», обладающее отрицательной коннотацией в данном контексте, выражает отрицательную оценку мыслей дочери, желавшей оставить больного отца.

Необходимо отметить, что положительное отношение к отцу проявляется и в словах Наташи Ростовской, часто обращавшейся к графу ласковыми словами «папа» или «папенька», называвшей его «прелестью». Так, людей, которые требовали от её отца вернуть долги, Наташа «причисляла к врагам» [ВМ2: 73].

В четвёртом томе романа «Война и мир» мы наблюдаем положительную оценку роли отца и матери. Автор использует лексемы «отец», «папа», «папенька», «батюшка», «папаша» 69 раз. В 26 словоупотреблениях они имеют положительную оценку, в 6 случаях они отличаются отрицательной оценочностью, и в 37 случаях – нейтральной. Так, княжна Марья и Николай с любовью и чувством скорби вспоминают покойных отцов. Они дорожат памятью отцов и переживают о том, какой отпечаток оставят на их памяти действия детей: «...Такое сватовство было бы оскорбительно и ей, и памяти её отца» [ВМ2: 423] и «Николай в отказе от наследства видел выражение укора священной для него памяти отца» [ВМ2: 646].

Отношение к матери в первом томе романа также является положительным. Лексемы «мать», «мама», «маменька», «матушка», «мамаша» встречаются в первом томе романа 62 раза. 27 словоупотреблений носят положительную оценочность, 35 словоупотреблений отличаются нейтральной оценочностью. Словоупотребления, отличающиеся отрицательной оценочностью, отсутствуют.

При этом очень показательны сцены между Наташей Ростовой и её матерью. Между матерью и дочерью наблюдается крепкая связь, что показано в сцене именин. Наташа во всём доверяет матери, постоянно шутит с ней, что автор показывает при помощи слов, обладающих положительной оценочностью («засмеялась», «звонко расхохоталась», «любоваться семейной сценой»), а также такого стилистического приёма, как оксюморон, во фразе «слезы смеха».

У Бориса Друбецкого также очень тёплые отношения с матерью. В разговоре с Пьером он с неодобрением высказывается о его отце, потому что тот богат, противопоставляя ему себя и свою мать. Борис ставит мать выше остальных родственников графа Безухова, которые находятся рядом с ним лишь в надежде получить наследство: «...Ни я, ни мать никогда ничего не будем просить и не примем от него» [ВМ1: 92].

Во втором томе романа лексемы «мать», «мама», «маменька», «матушка», «мамаша» отличаются преимущественно положительной оценочностью (63 словоупотреблений). Количество словоупотреблений с отрицательным ком-

понентом значения составляет 6, а количество словоупотреблений с нейтральной коннотацией – 79.

Во втором томе романа мы наблюдаем дружеские отношения между Наташей и её матерью. Наташа проявляет в общении с мамой ласку и шутливость, что автор описывает при помощи антитезы: «В обращении своём с матерью Наташа выказывала внешнюю грубость манеры, но так была чутка и ловка» [ВМ1: 726]. Наташа делится с матерью всеми секретами и часто просит у неё совета. Общение между ними автор называет «одним из любимейших наслаждений матери и дочери» [Там же]. Слово «наслаждение», отличающееся положительной коннотацией, передаёт положительную оценочность лексемы «мать» в данном контексте.

В третьем томе романа автор использует лексемы «мать», «мама», «маменька», «матушка», «мамаша» 54 раза. В 19 словоупотреблениях данная лексема имеет положительную оценочность, в 5 случаях она отличается отрицательной оценкой, в 30 случаях – нейтральной.

Доверительные отношения связывают Наташу с мамой. Даже когда между ними возникает ссора, они вскоре мирятся, и Наташа просит прощения. Так, когда Наташа узнаёт, что мать не разрешает отдать подводы под раненых, она злится на мать, что в тексте выражено при помощи метафоры «с изуродованным злобой лицом» [ВМ2: 313]. Увидев дочь, пристыженная графиня соглашается отдать подводы, и Наташа просит прощения. Автор использует метафору, показывая, как ещё неопытное младшее поколение может чему-то научить старшее: «Яйца курицу учат» [Там же].

Роль матери в тексте четвертого тома романа «Война и мир» оценивается также положительно. Автор использует лексемы «мать», «мама», «маменька», «матушка», «мамаша» 71 раза. В 30 словоупотреблениях они имеют положительную оценочность, в 41 случае – нейтральную. В данном томе романа не наблюдается употребление лексем со значением «мать» с отрицательной оценочностью.

Когда графиня Ростова переживает страшное горе – смерть младшего сына Пети, – Наташа пытается утешить мать, удержать её «от безумного отчаяния» [ВМ2: 578]. Автор использует такой стилистический приём, как оксюморон («нежно боролась с ней» [Там же]), для того чтобы подчеркнуть любовь Наташи к матери, эпитеты («упорная, терпеливая» [Там же]) при описании любви Наташи к матери и метафору («любовь... со всех сторон обнимала графиню» [Там же]).

Другим примером является забота Николая о матери. После смерти отца ему переходят по наследству долги графа. Но Николай старается не показывать своё бедственное положение перед матерью. В городе поведение Николая называют «самопожертвованием».

Родители, в свою очередь, относятся к детям с большой любовью, переживают за их жизнь на войне. Лексемы «сын», «сынок» встречаются в первом томе романа 127 раз. 27 словоупотреблений носят положительную оценку, 10 словоупотреблений – отрицательную, и 90 словоупотреблений – нейтральную. «Надо было видеть состояние, в котором находились матери... тех, которые уходили» [ВМ1: 160], – пишет автор. Герои романа Николай Ростов и Андрей Болконский также уходят на поле сражения. Вся семья Николая ждёт от него письма. В письме сообщается, что он был ранен. Антитеза «рыдающим и вместе смеющимся» [ВМ1: 380] показывает чувства графа Ростова к вестям о сыне: ему жаль ранения сына, но он счастлив, что тот идёт на поправку. Семья боится сказать о письме графине, чтобы её излишне не расстроить, но затем всё же решается. Нельзя не упомянуть другую сцену, в которой находит выражение чувство любви и заботы к детям, а именно: символическое исчезновение солнечных лучей, что замечает графиня Ростова, когда дети уходят из комнаты.

Толстой использует гиперболу, показывая любовь матери к Николаю: графиня Ростова «не спускает глаз» с его портрета, «не выпускает из рук» его письмо, перечитывает его «сотни раз». Матери не верится, что её сын, который совсем недавно был ещё маленьким, вырос и стал мужчиной. Автор использует

эпитеты, передавая чувства героини: она называет сына «мужественным воином», «сильным, храбрым мужчиной, образцом сыновей и людей» [ВМ1: 387].

Добрые отношения между членами семейства Ростовых отражаются и в их обращении друг к другу: здесь наблюдается частое употребление уменьшительно-ласкательного суффикса с именами нарицательными и собственными, например: «графинюшка», «папенька», «Николушка» и т. д.

Старый князь Болконский, с виду холодно обращавшийся с детьми, показывает свои чувства, прощаясь с Андреем, который уходит на войну. Толстой использует метафору «что-то дрогнуло» [ВМ1: 186], описывая чувства князя.

В семье дети не всегда обращают внимание на любовь, которую дают им родители, но вдали от дома, на войне, они вспоминают тепло семейного очага и скучают по дому, что ярко выражается в описании сцены, где Николай лежит раненым после битвы. Создавая образы дома и семьи, возникшие в памяти Ростова, Толстой употребляет слова «тепло», «светло», «забота», «любовь».

Другим примером материнской любви является забота Анны Михайловны о своём сыне Борисе. Мать использует все свои связи, чтобы определить сына в офицеры. Она любит «до обожания» своего единственного сына и пользуется любой возможностью, чтобы способствовать продвижению Бориса по службе. Анна Михайловна не скупится на красивые слова и даже слёзы, прося князя Василия помочь её сыну. Убедительность героини автор показывает при помощи антитезы: «...Стараясь улыбаться, тогда как в её глазах были слезы» [ВМ1: 25].

Отрицательная оценочность по отношению к сыну проявляется в отношении Анатоля Курагина. Автор использует фразеологизм «блудный сын», обладающий отрицательной оценочностью, описывая данного персонажа. Его отец князь Василий с пренебрежением говорит о нём, упоминая финансовые затраты на его содержание: «...Этот Анатолий мне стоит сорок тысяч в год» [ВМ1: 9], – и надеется поправить своё положение, женив его на богатой невесте.

Поступки молодых людей накладывают отпечаток на репутацию их родителей в обществе. Старый князь Болконский говорит Андрею, что ему будет за

него стыдно, если тот поведёт себя «не как сын Николая Болконского» [ВМ1: 186]. Другим примером является использование автором антитезы в описании Долохова: «Это совершенные разбойники, особенно Долохов... Он сын Марьи Ивановны Долоховой, такой почтенной дамы» [ВМ1: 62].

Во втором томе романа также наблюдается частое использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (например: «папенька», «Николушка», «душенька» и др.) в семье Ростовых в общении друг с другом.

Анализ ЛСГ кровного родства во втором томе изучаемого произведения показал, что в романе проявляется положительное отношение родителей к младшему поколению, что выражается при помощи слов с положительной оценкой «единственный», «лучший», «ненаглядный», «нежный», которые Л.Н. Толстой сочетает со словом «сын». Лексемы «сын», «сынок» встречаются в тексте 90 раз, при этом 25 словоупотреблений обладают положительной оценочностью, 9 словоупотреблений – отрицательной оценочностью и в 56 случаях – нейтральной оценочностью.

В третьем томе романа в семье возникает новая напасть: младший сын Петя выражает желание пойти на фронт. Несмотря на то что сын ещё мал, родители не могут его переубедить и в страхе, что «ежели его не пустят, то он убежит» [ВМ2: 89], граф устраивает сына в полк. Графиня сильно беспокоится теперь, когда оба её сына ушли на фронт. Автор сравнивает графиню с птицей, а её сыновей – с птенцами, покинувшими гнездо: «Они ушли из-под её крыла...» [ВМ2: 296] и «...Утешенье видеть хотя одного сына у себя под крылышком» [Там же]. Петя, после ухода на фронт чувствующий себя настоящим мужчиной, не принимает её любви и считает, что мужчины не должны показывать свои чувства, «инстинктивно боясь того, чтобы с матерью не разнежничаться, не обабиться» [ВМ2: 299]. В данном примере автор использует разговорные слова, обладающие отрицательной коннотацией для выражения наивных мыслей мальчика. Таким образом, в третьем томе романа «Война и мир» лексемы «сын», «сынок» употребляются в тексте третьего тома романа 42 раза.

В 20 словоупотреблениях они имеют положительную оценочность, в 2 случаях они отличаются отрицательной оценочностью и в 20 случаях – нейтральной.

Важной темой в третьем томе романа является война, которая переходит на территорию России. Французы наступают, и жителям приходится покидать свои дома. Матери в первую очередь думают о том, как это скажется на их детях. Так, графиня Ростова поначалу отказывается отдавать подводы под раненых, чтобы не оставить детей совершенно обездоленными. Автор использует метафору, передавая слова героини: «...Ты довёл до того, что за дом ничего не дают, а теперь и всё наше – детское состояние погубить хочешь» [ВМ2: 310]. Лексема «погубить» обладает ярко выраженной отрицательной коннотацией, что усиливает смысл слов, сказанных мужу графиней.

В четвёртом томе романа родители также относятся к детям с большой любовью. Лексемы «сын», «сынок» употребляются в тексте четвёртого тома романа 40 раз. В 11 словоупотреблениях они имеют положительную оценочность, в 2 случаях они отличаются отрицательной оценочностью и в 26 случаях – нейтральной.

Прежде всего необходимо отметить трагическую смерть Пети Ростова и то, как она повлияла на его мать. Метафоры «бессильная борьба с действительностью» и «спасалась от действительности в мире безумия» [ВМ2: 578] ярко показывают, что графиня не могла поверить, что «цветущий жизнью её любимый мальчик» погиб. Даже окончательно осознав смерть Пети, графиня уже не была прежней. Описывая состояние графини, Толстой использует расширенную метафору, сравнивая состояние матери со смертью или болезнью: «душевная рана матери не могла залечиться», «рана, которая наполовину убила графиню», «смерть Пети оторвала половину её жизни», «она вышла из своей комнаты полумёртвой и не принимающею участия в жизни» [Там же].

Необходимо отметить, что автор заканчивает свой роман-эпопею эпилогом, в котором он описывает семьи уже младшего поколения героев через 7 лет после окончания Отечественной войны 1812 г. Эпилог представляет собой идеалистическое представление о семье, в котором Толстой показывает, как, по его

мнению, выглядит счастливая семья. Так, в изображённых семьях мы наблюдаем положительное отношение родителей к детям: все герои любят своих детей и уделяют большое внимание их воспитанию. Автор показывает тёплые отношения в описываемых семьях при помощи слов и выражений, отличающихся положительной коннотацией, таких как «сын, которого она страстно желала», «умилённо смотревшей на... сына», «как мил!» и др. 5 примеров положительной оценочности лексем «сын», «сынок» из 12 (42 %), а также 3 примера положительной оценочности лексем «дочь», «дочка» из 6 (50 %) были употреблены в отношении детей молодых героев в эпилоге романа.

В первом томе романа мы наблюдаем как положительную, так и отрицательную оценочность по отношению к дочери. Лексемы «дочь», «дочка» встречаются в произведении 56 раз. 13 словоупотреблений носят положительную оценочность, 8 словоупотреблений – отрицательную, а 36 словоупотреблений – нейтральную.

Старый князь Болконский дочь Марью «любит больше себя», но, тем не менее, очень строг и груб с ней. Когда князь Василий хочет устроить брак между своим сыном и княжной Марьей, старый князь Болконский грубо общается с дочерью. Излагая мысли старого князя Болконского, автор использует эпитеты «неуклюжа», «дурна» и метафору «бежит, кверху чешется и хвостом винтит» [ВМ1: 373], обладающие отрицательной коннотацией.

В семье Ростовых мы также видим различное отношение к дочерям. Младшая дочь Наташа – любимица родителей. При её описании автор применяет такую метафору, как «порох» [ВМ1: 71], и эпитет «славные» [Там же], говоря о детях семьи. Старшую же дочь Веру графиня называет «нелюбимой» и «лишней». Данные лексемы, обладающие пейоративной оценочностью, передают отрицательное отношение к дочери Вере.

Другим примером отрицательного отношения к дочери является отношение князя Василия к своей дочери Элен. Хотя в обществе он всегда нежен с дочерью, называет её «другом» и ласково «Лелей», на самом деле он не испытывает чувства любви к своим детям, поскольку использует «небрежный тон при-

вычной нежности» [ВМ1: 348] лишь в подражании другим родителям. Более того, мать Элен также не любит свою дочь, что автор показывает при помощи метафоры «мучила зависть к счастью своей дочери» [ВМ2: 286].

В то же время оценочная коннотация лексем «дочь», «дочка» во втором томе романа также неоднозначна: данные лексемы обладают положительной коннотацией в 9 словоупотреблениях, отрицательной коннотацией – в 10 случаях и нейтральной коннотацией – в 32 случаях. Отрицательное отношение к дочери чаще наблюдается в сценах описания взаимоотношений княжны Марьи с отцом и выражается с помощью таких словосочетаний, как «закричал он в гневе» (на дочь) [ВМ1: 866], «недовольство к дочери» [ВМ1: 864], «раздражительность... направленная против дочери» [ВМ1: 863] и др. Старый князь Болконский вымещает своё неодобрение помолвки сына на дочери. В примере «вся сила его гнева обрушилась на неё» [ВМ2: 868] автор при помощи метафоры показывает отрицательное отношение старого князя к своей дочери. Другим примером является гипербола «она была причиной всего» [ВМ2: 868].

Лексемы «дочь», «дочка» употребляются в тексте третьего тома произведения 31 раз. В 9 словоупотреблениях оно имеет положительную оценку, в 5 случаях оно отличается отрицательной оценкой и в 17 случаях – нейтральной. Таким образом, в третьем томе романа мы также наблюдаем преимущественно реализацию мелиоративной оценочности лексем «дочь», «дочка». Положительное отношение к дочери отражается, например, в заботе родителей о Наташе во время её болезни. Семья отдаёт все силы и не жалеет никаких денег, чтобы их дочь поправилась: «Надо было думать только о том, чтобы помочь ей» [ВМ2: 64].

Однако не во всех семьях существуют подобные близкие отношения между родителями и детьми. В семье Курагиных нет любви в отношениях между родителями и детьми. Так, в сцене разговора Элен с матерью мы наблюдаем реализацию пейоративной оценочности лексем «мать» и «дочь», что проявляется в использовании автором слов и выражений с отрицательной коннотацией:

«постоянно мучилась завистью к своей дочери», «кротко и насмешливо улыбнулась», «не говорите глупостей» [ВМ2: 285].

Лексемы «дочь», «дочка» употребляются в тексте четвёртого тома романа «Война и мир» 15 раз. В 6 словоупотреблениях они имеют положительную оценочность, в 1 случае они отличаются отрицательной оценочностью и в 6 случаях – нейтральной.

Лексемы «дед», «дедушка» встречаются во всем произведении «Война и мир» всего 8 раз, лексема «бабушка» – 2 раза. Все эти словоупотребления отличаются нейтральной оценочностью.

Результаты анализа изменения оценочности лексем «отец», «папа», «папенька», «папаша», «батюшка», «мать», «мама», «маменька», «матушка», «мамаша», «сын», «сынок», «дочь», «дочка», «дед», «дедушка» и «бабушка» представлены в диаграммах 1–6.

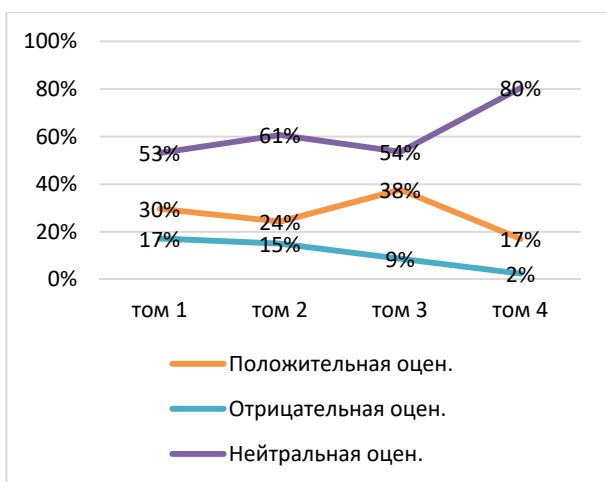

Диаграмма 5 – Динамика изменения оценочности лексем «отец», «папа», «папенька», «папаша», «батюшка»

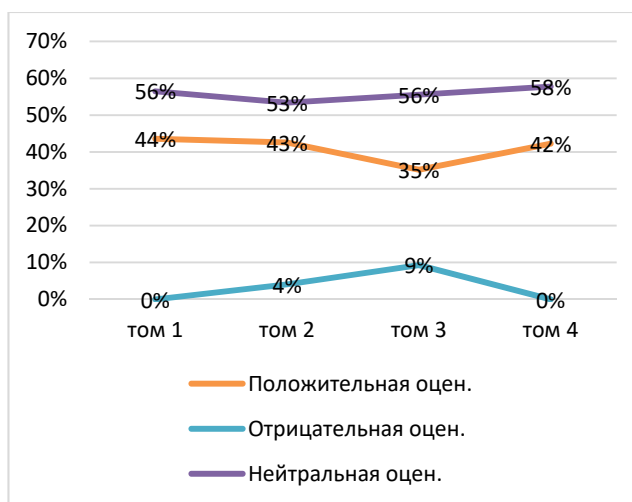

Диаграмма 6 – Динамика изменения оценочности лексем «мать», «мама», «маменька», «матушка», «мамаша»

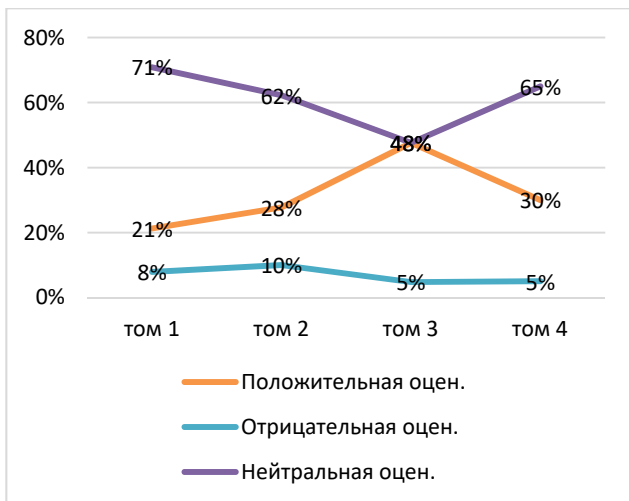

Диаграмма 7 – Динамика изменения оценочности лексем «сын», «сынок»

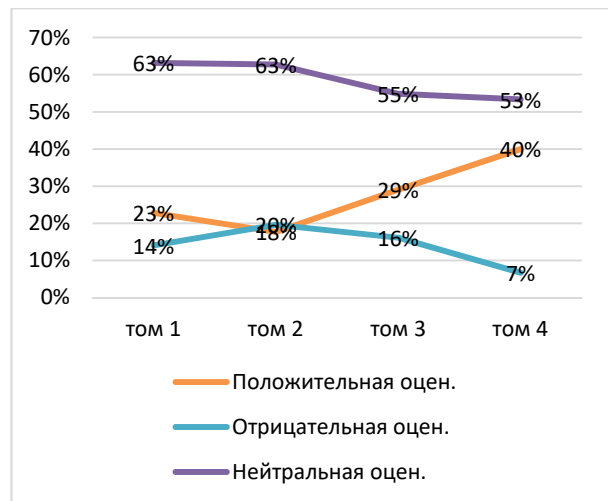

Диаграмма 8 – Динамика изменения оценочности лексем «дочь», «дочка»

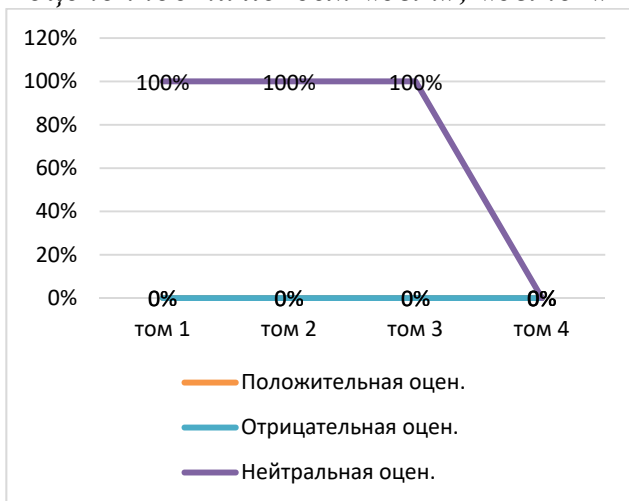

Диаграмма 9 – Динамика изменения оценочности лексем «дед», «дедушка»

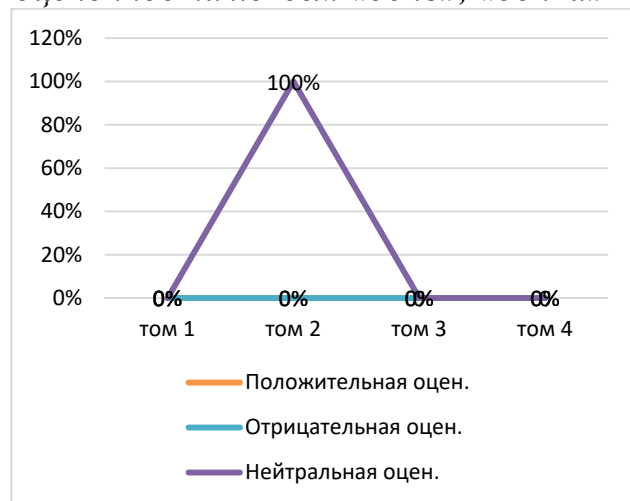

Диаграмма 10 – Динамика изменения оценочности лексемы «бабушка»

Как показано в диаграммах, в четвёртом томе романа «Война и мир» по сравнению с первым томом реализация положительной оценочности лексем «отец», «папа», «папенька», «папаша», «батюшка» снижается на 13 %, «мать», «мама», «маменька», «матушка», «мамаша» – на 2 %, в то же время реализация положительной оценочности лексем «сын», «сынок» увеличивается на 9 %, лексем «дочь», «дочка» – на 17 %.

Автор использует лексемы «брат», «братец» в первом томе романа 28 раз. В 10 словоупотреблениях они имеют положительную оценочность, в 4 случаях оно отличаются отрицательной оценочностью и в 14 случаях – нейтральной. Лексемы «сестра», «сестрица» употребляется в исследуемом тексте 24 раза.

В 12 словоупотреблениях они имеют положительную оценочность, в 1 случае они отличаются отрицательной оценочностью и в 11 случаях – нейтральной.

В романе мы наблюдаем преимущественно положительные отношения между братьями и сёстрами. Пример тому – Николай, Наташа и Петя Ростовы, которые ещё довольно юны в первом томе романа. Они вместе играют, шалют, шутят друг над другом. Автор показывает, как детям весело, при помощи такого стилистического средства, как оксюморон («трясся от беззвучного смеха» [ВМ1: 66]). Наташа переживает за Николая, когда тот уходит на службу, но гордится его военными подвигами. Узнав, что Николай ранен, но произведён в офицеры, Наташа одновременно рада за брата и грустна в связи с его ранением, и автор показывает это при помощи другого оксюморона («улыбнулась сквозь слезы» [ВМ1: 382]).

Однако не у всех членов семьи Ростовых такие доверительные отношения. Старшая сестра – Вера – надменно относится к младшим братьям и сестре, что выражено при помощи слов и словосочетаний, обладающих отрицательной оценочностью: «презрительно улыбнулась», «глупости», «мне совестно за вас» [ВМ1: 76] и др. Другие дети, в свою очередь, также холодно общаются с Верой, что как нельзя лучше описывается метафорой «у тебя сердца нет», словами и выражениями с отрицательной оценочностью: «наговорила всем неприятностей», «пристаёт», «ты никогда никого не любила» [ВМ1: 78]. Отрицательное словарное значение слов в указанных примерах способствует реализации отрицательной оценочности лексем «брат» и «сестра» в контекстах, в которых они употреблены.

Другой пример положительных отношений между братом и сестрой – это Андрей и Марья Болконские. Марья любит своего брата и также переживает за него, когда он уходит на войну. Автор использует слова с положительной оценочностью, описывая отношение княжны к Андрею, например, в следующем эпитете: «...Любовный, тёплый и кроткий взгляд... остановился на лице князя Андрея» [ВМ1: 165]. Отношение же Андрея к сестре очень красноречиво передаётся следующим оксюмороном: «Лицо его в одно и то же время было

нежно... и насмешливо» [ВМ1: 181]. С одной стороны, он посмеивается над религиозностью сестры, но с другой – ценит и любит её, и Л.Н. Толстой показывает это при помощи слов, обладающих положительной оценочностью. Так, когда Андрей видит, что обидел Марью, он «раскаивается» и берёт данный ею образ с собой на войну, «чтобы (Марье) сделать удовольствие».

Во втором томе романа автор использует лексемы «брат», «братец» 53 раза. В 25 словоупотреблениях они имеют положительную оценочность, в 3 случаях они отличаются отрицательной оценочностью и в 25 случаях – нейтральной. Лексемы «сестра», «сестрица» употребляются в исследуемом тексте 42 раза. В 12 словоупотреблениях они имеют положительную оценку, в 6 случаях они отличаются отрицательной оценкой и в 24 случаях – нейтральной.

Во втором томе романа «Война и мир» мы также наблюдаем положительную оценочность по отношению к братьям и сёстрам. Так, в семье Ростовых дети растут, но между ними сохраняются дружеские отношения. Петя восхищается возмужавшим Николаем, который стал настоящим солдатом. Автор использует слова, наделённые положительной оценочностью, чтобы показать мелиоративную оценочность слова «брат» в данном контексте: «испытывая... восторг», «воинственный старший брат» [ВМ1: 485]. Наташа и Николай всё так же дружны. Говоря о своём брате, Наташа употребляет слова, обладающие положительной оценочностью: «Я ужасно рада, что ты мой брат» [ВМ1: 486]. Метафора «жарких лучей любви Наташи» [Там же] также говорит о её положительном отношении к брату. Николай, в свою очередь, также положительно отзываясь о сестре, называя её словами «прелесть» [ВМ1: 824], «необыкновенное и обворожительно-нежное» [ВМ1: 850], обладающими положительной коннотацией.

Между Марьей и Андреем также сохраняются положительные отношения. В начале тома семья получает известие о возможной кончине Андрея. Но княжна Марья не верила в смерть брата. Автор использует гиперболу «каждую минуту ждала известия о его возвращении» [ВМ1: 522], чтобы показать любовь сестры. Андрей также рад встрече с сестрой. Автор выражает тёплое

нежное отношение брата к своей сестре словами, обладающими положительной оценочностью: «обнял», «Маша, милая!». Андрей и Марья вместе заботятся о его маленьком сыне. Толстой называет это «миром, в котором они втроем были отделены от всего света» [ВМ1: 609].

Во третьем томе романа автор использует лексемы «брат», «братец» 16 раз. В 12 словоупотреблениях они имеют положительную оценочность, в 1 случае они отличаются отрицательной оценочностью и в 3 случаях – нейтральной. Лексемы «сестра», «сестрица» употребляются в исследуемом тексте 15 раз. В 5 словоупотреблениях они имеют положительную оценку, в 1 случае они отличаются отрицательной оценкой и в 9 случаях – нейтральной.

В тексте третьего тома также наблюдается положительная оценочность по отношению к сестре. Князь Андрей заступается жалеет Марью, которой приходится выносить тяжёлый характер отца, и заступается за неё в споре со старым князем. Автор использует метафору, чтобы показать отношение Андрея к сестре: «Она, жалкое невинное существо, остается на съедение выжившему из ума старику» [ВМ2: 37]. Княжна Марья также переживает за брата, который снова ушёл на войну. После смерти отца оставшись главной в поместье, она даёт указания «именем брата», и то, что она представляла интересы брата, её воодушевляло: «...Сознание того, что она – представительница отца и брата, придало ей силы» [ВМ2: 151].

Наташа также положительно относится к брату Пете. После разорванной помолвки Наташа впадает в уныние, радость ей приносит только Петя. Толстой использует метафору «легко», описывая их отношения, а также слова, обладающие положительной оценочностью по своему словарному значению: «с ним она любила бывать», «смеялась».

Как и в других томах романа, в четвёртом томе мы наблюдаем положительную оценочность по отношению к брату. Княжна Марья переживает о раненом брате, называя его «брат – единственный близкий человек» [ВМ2: 423]. В данном примере слово «близкий», обладающее положительной оценочностью по своему словарному значению, передаёт положительную оценку роли

брата, которая усиливается при помощи слова «единственный». Когда же раненый Андрей лежит при смерти, княжна Марья, увидев брата, понимает, что он не поправится. Она вспоминает их детство и ласково называет его Андрюша. Автор использует слова «чуткий, нежный», «нежное, кроткое, умиленное» (лицо), обладающие положительной оценочностью, описывая брата в данный момент.

В четвёртом томе романа автор использует лексемы «брат», «братец» 30 раз. В 12 словоупотреблениях они имеют положительную оценочность, в 1 случае они отличаются отрицательной оценочностью и в 17 случаях – нейтральной. Лексемы «сестра», «сестрица» употребляются в исследуемом тексте 30 раз. В 12 словоупотреблениях они имеют положительную оценку, в 1 случае они отличаются отрицательной оценкой и в 17 случаях – нейтральной.

Мы также наблюдаем положительную оценку роли сестры на примере взаимоотношений Пети и Наташи. Мелиоративная оценочность лексемы «сестра» показана при помощи слов, обладающих положительной коннотацией: «влюблённая братская нежность» [BM2: 299], «восхищался ею» [BM2: 301]. Наташа, которая очень дружна с Петей, также тяжело переживает его смерть. Автор показывает горечь героини при помощи многочисленных метафор («что-то страшно больно ударило её в сердце», «что-то отрывается в ней и что она умирает» [BM2: 576]) и сравнения («как электрический ток пробежал по всему существу Наташи») [Там же].

Обратимся к описанию отношений между дальними родственниками. В семье Ростовых проживает троюродная сестра Николая Соня, которая влюблена в него. Ещё одна влюблённая пара – Наташа и Борис, которые также являются дальними родственниками. Для молодых людей близкое родство кажется не помехой, поскольку они знают примеры брака даже между двоюродными братом и сестрой. Однако их родители считают эти романы лишь ребячеством и неодобрительно смотрят на них: «Беда – двоюродные братцы и сестрицы» [BM2: 669]. В то же время Соня и Наташа – лучшие подруги. Автор показывает близость девочек, употребляя слова и выражения, обладающие положительной

коннотацией: «обнимая друга», «понимала всю важность горя» [ВМ1: 110]. Наташа ласково называет подругу «голубчик милый», «душенька».

Во втором томе романа мы также можем наблюдать описание отношений между дальними родственниками на примере отношений между троюродными сёстрами Соней и Наташей. Они являются лучшими подругами, и, чтобы доказать свою любовь к кузине, Наташа даже немного обожгла руку: «Я руку сожгу за неё» [ВМ1: 485], – что показывает положительное отношение к троюродной сестре в изучаемом произведении. Соня влюблена в брата Наташи Николая, но не хочет «связывать» его словом и «заставлять» жениться. Николай также влюблён в Соню, он называет её словами и фразами, обладающими положительной коннотацией («прелесть», «какой же дурак станет отказываться от своего счастья» [ВМ1: 486], «Отчего же ему было не любить её» [ВМ1: 487]). Тем не менее жениться на ней Николай ещё не готов: «Надо оставаться свободным» [Там же], – говорит он.

Обратимся к описанию отношений между дальними родственниками Николаем и Соней в четвёртом томе романа. Соня всё так же любит Николая, помогает ему в хозяйстве и ухаживает за его матерью. Однако Николай уже не чувствует прежней влюблённости в Соню. В описании Сони выражения, обладающие положительной оценочностью («восхищался её терпением и преданностью», «в неоплатном долгу благодарности» [ВМ2: 647]), сочетаются с выражениями, обладающими отрицательной оценочностью («старался отдаляться от неё», «упрекал её» [Там же]). Автор показывает отношение Николая и в следующем оксюморе: «... Чем больше он ценит, тем меньше любит её» [Там же].

Результаты анализа изменения оценочности лексем «брат», «братец», «сестра», «сестрица», «двоюродный брат», «двоюродная сестра», «кузина» представлены в диаграммах 11–13.

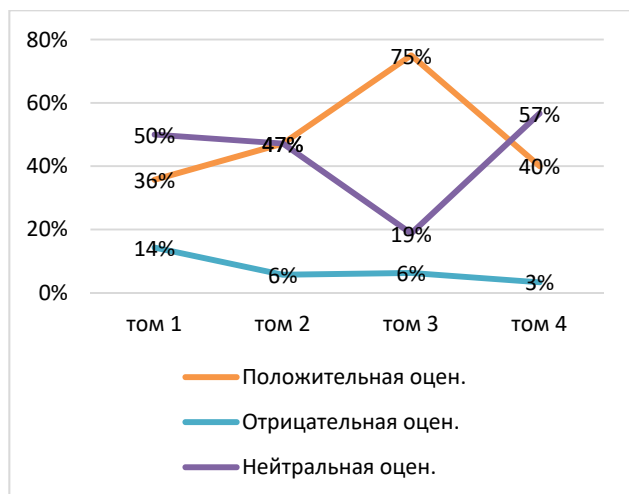

Диаграмма 11 – Динамика изменения оценочности лексем «брат», «братец»

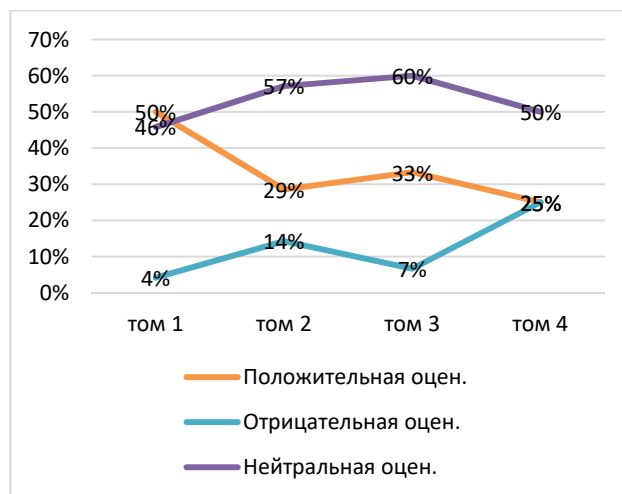

Диаграмма 12 – Динамика изменения оценочности лексем «сестра», «сестрица»

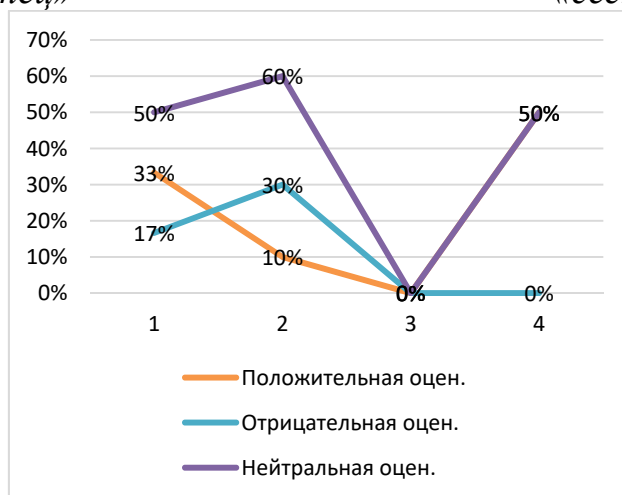

Диаграмма 13 – Динамика изменения оценочности лексем «двоюродный брат», «двоюродная сестра», «кузина»

Как показано в диаграммах, в четвёртом томе романа «Война и мир» по сравнению с первым томом реализация положительной оценочности лексем «брат», «братец» увеличивается на 4 %, лексем «сестра», «сестрица» – уменьшается на 25 %, лексем «двоюродный брат», «двоюродная сестра», «кузина» – увеличивается на 17 %, и количество словоупотреблений данного слова с положительной и нейтральной оценочностью становится равным (по 50 %).

В романе Л.Н. Толстого прослеживается преимущественно положительная оценочность лексем «дядя», «дядюшка», «дяденька», «дядька». В тексте произведения присутствуют 19 примеров положительной оценочности данных лексем и 101 пример нейтральной оценочности. Дядя выступает в роли покров-

вителя, который может помочь материально или в продвижении по службе, что мы наблюдаем на примере Анны Михайловны. Так, она ласково называет умирающего графа Безухова «дядюшкой», жалеет его и говорит, что испытывает к нему «истинную любовь и преданность» [ВМ1: 85], надеясь, что он оставит часть наследства её сыну Борису.

Описывая отношение к дяде во втором томе романа, необходимо отметить, что в этом томе встречается наибольшее количество примеров употребления данных лексем, в основном в части романа, где Николай и Наташа отправляются в гости к дядюшке, который является очень приятным в общении и весёлым человеком: в губернии его называют «благороднейшим и бескорыстнейшим чудачком» [ВМ1: 820]. Автор передаёт положительную оценочность к дяде при помощи многочисленных слов и выражений, обладающих мелиоративной оценочностью: «Что за прелесть этот дядюшка» [ВМ1: 824], «Наташа была в восторге от пения дядюшки» [Там же], «Она заплакала, прощаясь с дяденькой» [ВМ1: 930] и др.

В четвёртом томе романа мы также наблюдаем близкие отношения между дядями, тётями и племянниками, что в произведении показано на примере семей Безуховых и Ростовых, которые очень дружны и часто гостят друг у друга. Так, автор пишет, что сын Андрея Николенька «обожал» дядю Пьера, который был «предметом его восхищения и страстной любви» [ВМ2: 672]. После смерти Андрея Николая вырастила её тётя Марья, которую он также «любил» и «ласкался» к ней.

Лексемы «тётка», «тётя», «тётушка», «тётенька» встречается в произведении 39 раз. 2 случая употребления данных лексем отличаются положительной оценочностью, 1 случай – отрицательной оценочностью и 36 случаев – нейтральной оценочностью. Большинство этих примеров относятся к тётушке Анны Павловны, однако несмотря на то, что она часто упоминает её в разговоре, тётушка является для Анны Павловны лишь способом повернуть светскую беседу в нужное русло: автор пишет, что на самом деле она была «никому не интересной и не нужной тётушкой».

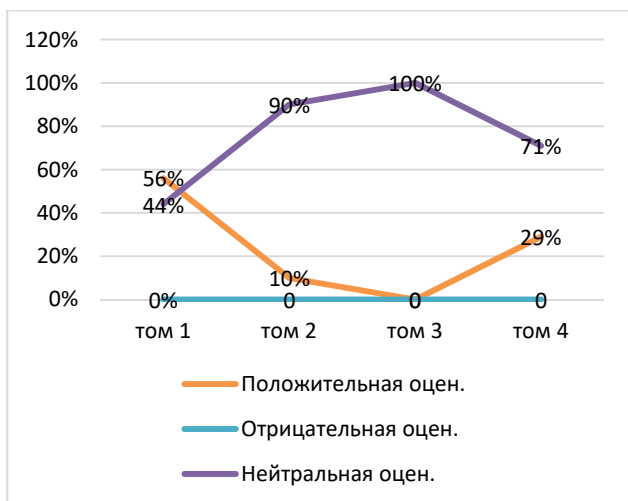

Диаграмма 14 – Динамика изменения оценочности лексем «дядя», «дяденька», «дядюшка», «дядька»

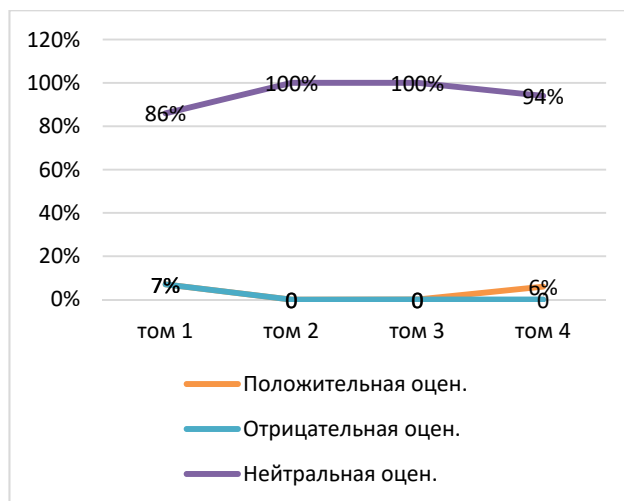

Диаграмма 15 – Динамика изменения оценочности лексем «тетка», «тетя», «тетушка», «тетенька»

3.1.2. Лексико-семантическая группа свойственного родства

В первом томе романа мы можем наблюдать как положительную, так и отрицательную оценочность по отношению к мужу. С одной стороны, мы наблюдаем счастливые супружеские пары, среди которых граф и графиня Ростовы. Так, в сцене именин графини Толстой показывает супругов гостеприимными и щедрыми хозяевами, которые очень нежно общаются друг с другом. Графиня ласково называет мужа «мой друг», а в сцене обеда автор употребляет метафору «кидала значительные взгляды на мужа» [ВМ1: 103], чтобы показать, что даже после многих лет брака графиня любит своего мужа.

В первом томе произведения «Война и мир» лексемы «муж» и «муженёк» употребляются 32 раза. В 10 примерах употребления данных лексем реализуется положительный компонент значения, в 11 примерах – отрицательный компонент значения, в 11 случаях употребления оценочный компонент значения отсутствует. Лексема «жена» употребляется в первом томе романа 44 раза, из них 15 словоупотреблений отличаются положительной оценочностью, 8 словоупотреблений – отрицательной оценочностью, 21 словоупотребление – нейтральной оценочностью. Наконец, лексемы «брак», «женитьба», «замужество» употребляются в первом томе романа 8 раз, из них 3 словоупотребления

отличаются положительной оценочностью, 1 словоупотребление – нейтральной оценочностью и 4 словоупотребления – нейтральной оценочностью.

В романе мы наблюдаем положительное представление о браке у княжны Марьи. Когда князь Василий приезжает к ней с предложением выйти замуж за его сына Анатоля, княжна, едва познакомившись с предполагаемым женихом, наивно представляет его себе в качестве будущего мужа. При описании её мыслей автор использует эпитеты «чужой», «красивый», «добрый», а также метафору: «...Лицо человека, который, может быть, будет её мужем, поглощало все её внимание» [ВМ1: 369].

Тем не менее уже состоявшиеся супруги Андрей и Лиза не испытывают друг к другу тех нежных чувств, которые связывали их до брака. Лиза несколько раз спрашивает мужа: «За что ты ко мне так переменялся?» [ВМ1: 46] Автор применяет сравнение, передавая нынешнее отношение Андрея к жене: «Ты обращаешься со мной, как с больною или с ребёнком» [Там же]. В тексте мы также обнаруживаем метафору «с холодной учтивостью» [ВМ1: 44], которая указывает на угасшие чувства героя. В речи обоих супругов присутствует гипербола, когда они формируют представление обо всех представителях противоположного пола, судя друг по другу: «Вот как все мужчины эгоисты; все, все эгоисты!» [Там же] Ещё пример: «Эгоизм, тщеславие, тупоумие, ничтожество во всём – вот женщины, когда они показываются так, как они есть» [ВМ1: 48].

В романе мы наблюдаем отношение к браку как способу поставить на правильный путь непослушного сына, исправить его поведение. Так, в примере: «Вы никогда не думали о том, чтобы женить вашего блудного сына Анатоля» [ВМ1: 9], – автор использует для описания сына князя Василия фразеологизм «блудный сын», сравнивая его с библейским персонажем. В другой сцене автор пишет, что Анатоля хотели женить «для исправления».

В произведении также выражается отношение к браку как возможности поправить материальное состояние семьи. К примеру, князь Василий говорит: «Вот Пьер богат, я должен заманить его жениться на дочери» [ВМ1: 327]. В данном отрывке Толстой использует слово «заманить», которое обладает от-

рицательной коннотацией (ср.: «заманить в ловушку»), контексте сравнивая Пьера со зверем, который попадает в «капкан» людей, которые «охотятся» за его состоянием. Брак, таким образом, воспринимается не как союз двух любящих людей, а как способ обогащения.

Отрицательная оценка брака также воспринимается в представлении героев, которые разочарованы в своём супружестве: это Андрей и Пьер. Автор использует такой стилистический приём, как лексический повтор, чтобы подчеркнуть пейоративную оценочность лексемы «брак»: «Не женись, душа моя, не женись» [ВМ1: 48]. Более того, автор показывает отрицательное отношение к браку, сочетая данное слово с такими словами, обладающими пейоративной коннотацией, как «несчастье», «ужасный», «ошибаться» и др.

Во втором томе исследуемого произведения также наблюдается забота родителей о благополучии своих детей, об их будущей семейной жизни и выборе правильного супруга. При выборе подходящей кандидатуры родители уделяют большое внимание материальному положению потенциального супруга. Старшее поколение полагает, что выгодный с материальной точки зрения брак обеспечит благополучие ребёнка. Богатые молодые люди притягивают множество поклонников, пытающихся привлечь их внимание. В описании ухаживаний Бориса Друбецкого за обеспеченными наследницами Жюли и Марьей Толстой применяет метафору «атаковать», относящуюся к военной метафоре, поскольку Борис, как и его мать Анна Михайловна, подготовил стратегию сближения с обеспеченными семьями для достижения материального благополучия: «Он теперь в нерешительности, кого ему атаковать: вас или mademoiselle Жюли Карагин» [ВМ1: 875].

Тем не менее не всегда совпадает выбор будущего супруга, сделанный родителями и детьми: большинство представителей младшего поколения мечтает об искренней любви. Следовательно, в семьях возникают разногласия между старшим поколением и молодёжью, по причине того что дети желают заключить невыгодный с материальной точки зрения брак. К примеру, графиня Ростова не одобряет сближение её дочери Наташи с Борисом. Толстой приме-

няет лексический повтор в описании речи графини, называющей множество причин, по которым их брак не может состояться: «Оттого, что он молод, оттого, что он беден, оттого, что он родня» [ВМ1: 726]. Данный стилистический приём показывает, что графиня Ростова настроена категорически против их возможного союза.

Ростовы не одобряют и желание Николая жениться на бесприданнице Соне, вследствие чего возникает ссора между Николаем и матерью. В сцене их разговора для выражения недовольства матери Николая его выбором автор применяет следующие метафоры: «холодно сообщить», «заплакала слезами досады» [ВМ1: 852]. В свою очередь, Николай чувствует себя оскорблённым отношением родителей к его выбору спутницы жизни; его чувства по этому поводу очень хорошо переданы метафорой «взорванный словом» [ВМ1: 854].

Другим примером отрицательной оценки брака является отношение старого князя Болконского к помолвке своего сына Андрея и Наташи Ростовой. Автор выражает реакцию отца при помощи антитезы: «Отец с наружным спокойствием, но внутренней злобой принял сообщение сына» [ВМ1: 765]. Старый князь Болконский не считает Наташу подходящей партией для Андрея. Более того, он знает о финансовых затруднениях Ростовых, что выражается в следующем примере, в котором автор использует сарказм: «Родство хорошее!.. Умные люди, а? Богатые, а?» [ВМ1: 781]

Тем не менее в произведении показывается, что многие союзы, заключённые ради материальной выгоды, не приносят супругам счастья. Ярким примером является брак Пьера Безухова и Элен. Поначалу Пьер, одурманенный красотой Элен, считает, что влюблён в неё. Толстой описывает красоту супруги Пьера при помощи эпитета «величавая» [ВМ1: 337]. Однако позже Пьер испытывает разочарование в своём браке, что мы наблюдаем в оксюмороне «неискренняя любовь» [ВМ1: 515]. Более того, Пьер подозревает Элен в измене, называя её «развратной женщиной» [ВМ1: 513]. В сцене ссоры супругов автор использует сравнение: он сопоставляет Пьера с «зайцем, окружённым собаками» [ВМ1: 515]. Элен же испытывает к Пьеру чувство презрения, и автор пока-

зывает это при помощи сарказма: «Вот храбрец отыскался!» [Там же] В речи обоих супругов присутствует метафора «нести крест» [ВМ1: 586; ВМ1: 708], которую они используют, говоря о своём браке. Супруги сравнивают брак с тяжёлой ношей, которую им приходится выносить.

Нужно отметить, что в исследуемой части произведения лексемы «брак», «женитьба», «замужество» употребляются 35 раз. 4 случая их употребления отличаются положительной оценочностью, 16 случаев – отрицательной оценочностью, и 15 случаев – нейтральной оценочностью. Выражая пейоративную оценочность по отношению к браку, Толстой сочетает лексему «брак» со следующими выражениями: «Что-то неестественное и страшное есть в этом предстоящем браке» [ВМ1: 838]; «недоверчиво смотреть на сватовство» [ВМ1: 790]; «тяжело было начать говорить об этом браке» [ВМ1: 891] и др.

Наш анализ показал, что оценочность лексем «муж», «муженёк» во втором томе романа «Война и мир» также является отрицательной. Во втором томе романа мы обнаруживаем 4 примера положительной оценочности и 12 примеров отрицательной оценочности данных лексем из 29. Передавая отрицательную оценочность исследуемых лексем, автор использует их в сочетании с выражениями «чудак муж» [ВМ1: 710], «покинутая» (мужем) [ВМ1: 589]; «она решилась, не жалуясь, переносить своё несчастье» [ВМ1: 586]; «страшное выражение бешенства и силы» (на лице мужа) [ВМ1: 948] и др.

Оценочность по отношению к жене во втором томе романа также в основном отрицательная (10 примеров мелиоративной оценочности и 19 примеров пейоративной оценочности). Лексема «жена» используется в сочетании со словами и выражениями: «неверная» [ВМ1: 859]; «оскорбление, нанесённое ему женой» [ВМ1: 710]; «Где вы – там разврат, зло» [ВМ1: 948] (Пьер жене) и др.

В третьем томе романа лексемы «брак», «женитьба», «замужество» употребляются 16 раз, из них 6 случаев употребления отличаются мелиоративной оценочностью, 4 случая – пейоративной оценочностью. Отрицательная оценочность лексем «муж», «муженёк» (7 словоупотреблений) в третьем томе романа «Война и мир» преобладает над положительной оценочностью (2 словоупо-

требления). Наконец, лексема «жена» употребляется в третьем томе 11 раз, 6 случаев её употребления отмечены положительной оценочностью, 4 случая – отрицательной.

Отрицательное отношение к мужу мы наблюдаем, когда разногласия в вопросе, отдавать ли подводы под раненых, приводят к спору среди супругов Ростовых. Готовность графа пожертвовать благосостоянием детей ради солдат вызывает гнев графини, что автор показывает при помощи слов и выражений, отличающихся отрицательной оценочностью, например: «всплеснула руками и сердито обратилась к мужу» [BM2: 84], «присутствие... мужа раздражало графиню» [BM2: 299], «приняла свой покорно-плачевный вид» [BM2: 310] и др.

Другим примером отрицательной оценочности лексем «муж» и «брак» является желание Элен расторгнуть брак с Пьером и выйти замуж за другого человека. Она пытается вызвать у окружающих жалость к себе и представить развод в выигрышном для себя свете, что автор показывает при помощи многочисленных метафор. Так, Элен хочет, чтобы её «освободили» от брака с Пьером. В данном примере она сравнивает супружество с заключением, а себя – с пленницей. Более того, она говорит, что была «принесена в жертву» [BM2: 280].

Для Толстого желание Элен развестись является грехом, поскольку брак, заключённый в церкви, не может быть расторгнут. Автор использует оксюморон «выйти замуж от живого мужа» [BM2: 282], чтобы показать противоречивость данного процесса и невозможность женщины снова выйти замуж, пока жив первый муж. Ситуация становится более абсурдной, когда у Элен появляются два поклонника и она не может решить, за кого из них ей нужно выйти замуж: «Она хотела бы быть женою всех троих в одно и то же время» [BM2: 285]. Элен же ведёт себя уверенно и выставляет своё положение в наилучшем для себя свете. Автор использует антитезу, показывая то, насколько умело Элен смогла изменить отношения общества к тому, что она оставляет мужа: «По Петербургу мгновенно распространился слух не о том, что Элен хочет развестись с своим мужем... но прямо распространился слух о том,

что несчастная, интересная Элен находится в недоуменье о том, за кого из двух ей выйти замуж» [ВМ2: 284].

Тем не менее в третьем томе романа мы наблюдаем и положительное представление о браке. Николай Ростов знакомится с княжной Марьей и задумывается о женитьбе на ней. Данный брак имеет множество преимуществ. Княжна богата, и её союз с Николаем исправил бы финансовое положение Ростовых. Автор описывает возможный брак при помощи слов, обладающих положительной коннотацией, таких как «хорошая партия» [ВМ2: 301], «возможность поправления дел» [Там же], «счастье графини» [ВМ2: 162]. Более того, Марья приятна Николаю: «ему становилось весело», «приятная для него, кроткая княжна», «не мог желать жены лучше».

Таким образом, в исследуемом тексте лексема «брак» рассматривается как отрицательное, что выражено лексическими и стилистическими средствами, наделёнными соответствующей оценочностью.

В четвёртом томе романа мы находим преимущественно положительное отношение к браку. Лексемы «брак», «женитьба», «замужество» употребляются 11 раз, и количество примеров положительной оценочности данных лексем (5) преобладает над количеством отрицательной (1).

В эпилоге мы видим две счастливые супружеские пары: Николай и Марья, Пьер и Наташа. Большинство примеров положительной оценочности лексем «жена» и «муж» в тексте четвёртого тома было употреблено в отношении данных героев (15 из 19 примеров положительной оценочности лексемы «жена» и 39 из 47 примеров положительной оценочности лексемы «муж», т. е. 79 % и 83 % соответственно).

Жена в исследуемом тексте представляется как опора семьи и умелая хозяйка, задача которой состоит не только в том, чтобы воспитывать детей, но и выполнять желания мужа. Жены в романе хорошо справляются с данной обязанностью, чем заслуживают любовь и восхищение своих мужей: «Не могло быть сомнения не только в одобрении, но в восхищении Николая перед своей женой» [ВМ2: 686]. Слова «восхищение» и «одобрение» обладают ярко выра-

женной положительной оценочностью, что приводит к мелиоративной оценке лексемы «жена» в данном контексте.

Героини романа также с большим уважением относятся к своим мужьям. Так, выйдя замуж, Наташа оставляет все свои прежние увлечения, поскольку единственным смыслом её жизни становится поддержание семьи: «...Все силы душевные её были устремлены на то, чтобы служить этому мужу и семье» [ВМ2: 667]. Автор противопоставляет Наташу первой жене Пьера Элен. Элен заботилась лишь о своей внешней красоте, что привлекло Пьера. Однако его влюблённость быстро прошла и сменилась чувством отвращения к жене. Толстой использует анафору, говоря о том, что Наташа же, наоборот, после замужества «не заботилась ни о своих манерах, ни о деликатности речей, ни о том, чтобы показываться мужу в самых выгодных позах» [ВМ2: 665]. Автор также использует метафору «опустилась» [ВМ2: 667], которая обладает отрицательной коннотацией, однако в данном контексте приобретает положительную оценку, поскольку автор сочетает её с другой метафорой, которая показывает, что для Пьера гораздо важнее внутренний мир жены: «Отдалась вся – то есть всей душой, не оставив ни одного уголка не открытым для него» [ВМ2: 665].

Автор отмечает, что целью любого брака должно быть не получение удовольствия, а семья. Толстой сравнивает супружество с обедом. Человек, который пытается съесть два обеда, не сможет переварить, пишет Толстой. То же самое можно сказать и о браке: «Если цель брака есть семья, то тот, кто захочет иметь много жён и мужей, может быть, получит много удовольствия, но ни в каком случае не будет иметь семьи» [ВМ2: 667].

Результаты анализа изменения оценочности лексем «брак», «женитьба», «замужество», «муж», «муженёк», «жена» представлены в диаграммах 16–18.

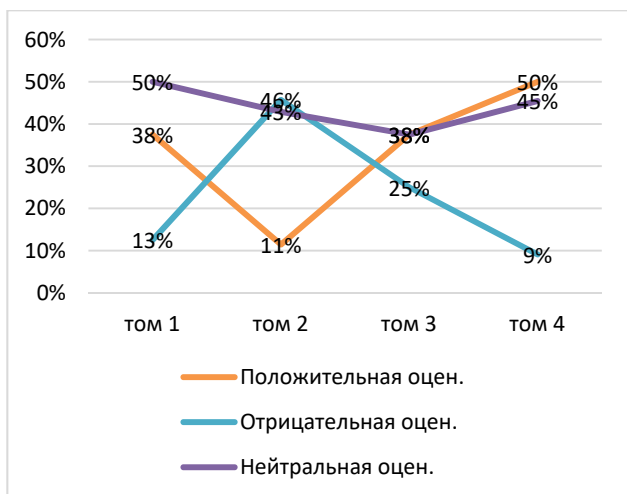

Диаграмма 16 – Динамика изменения оценочности лексем «брак», «женитьба», «замужество»

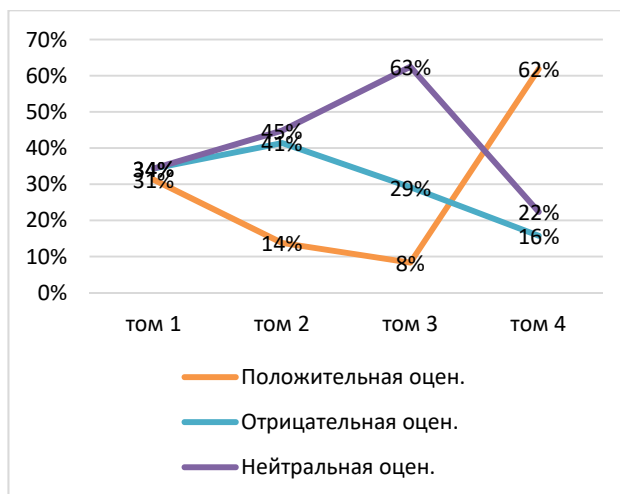

Диаграмма 17 – Динамика изменения оценочности лексем «муж», «муженёк»

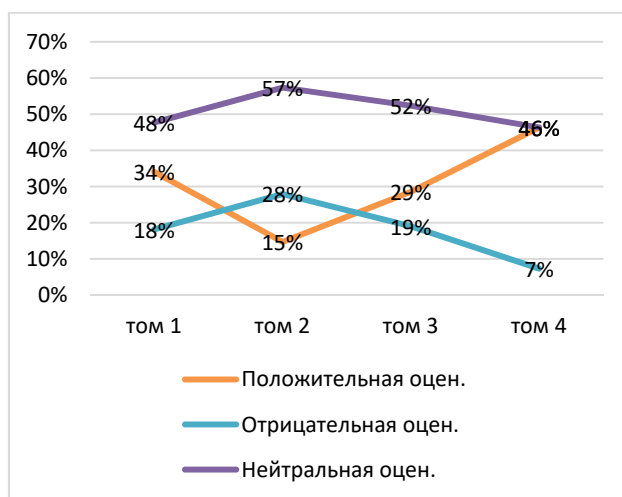

Диаграмма 18 – Динамика изменения оценочности лексемы «жена»

Как показано в диаграммах, в четвёртом томе романа «Война и мир» по сравнению с первым томом реализация положительной оценочности лексем «брак», «женитьба», «замужество» увеличивается на 12 %, лексем «муж», «муженёк» – на 31 %, лексемы «жена» – на 12 %. Большинство примеров положительной оценочности исследуемых лексем были употреблены в отношении данных молодых героев, с чем связан рост положительной оценочности данных лексем.

3.2. Динамика развития родственных отношений в произведении

Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах»

3.2.1. Лексико-семантическая группа кровного родства

Семейные узы, по мнению автора, – это «племенной инстинкт», который даже в викторианскую эпоху был «главной силой». Данные слова выражают точку зрения Голсуорси о том, что семья всегда играла большую роль в британском обществе.

Описываемая в романе большая семья Форсайтов является одной из самых влиятельных семей Лондона. В начале произведения Форсайты стремятся быть единой силой, что показано автором при помощи различных стилистических средств, таких как метафора «tribal instinct» [С: 5]. Голсуорси сочетает этот стилистический приём со словосочетаниями «sense of home» [Там же], «sense of property» [С: 6], персонификацией «in the bravery of light gloves, buff waistcoats, feathers and frocks» [С: 7], метафорой «put a burnish on their armour» [Там же]. При помощи этих стилистических средств Голсуорси подчёркивает, что чувство сплочённости данной семьи отражается в дорогих нарядах и аксессуарах Форсайтов. Стоит упомянуть метафоры «the very hall-mark and guarantee of the family fortunes» [С: 9] (описание братьев Форсайтов) и «had a stake in the family soul» [С: 153] (обо всех членах семьи), которые выражают положительную оценочность по отношению к семье, как единому целому.

Лексемы «father», «dad», «daddy» встречаются в первой книги трилогии («Собственник» – «The Man of Property») 81 раз. 14 словоупотреблений носят положительную оценку, 7 словоупотреблений – отрицательную и 60 словоупотреблений – нейтральную.

Старшее поколение изображается в произведении надёжным и значительным. К примеру, Голсуорси описывает старого Джолиона как «the head of the family» [С: 9], «the figurehead of his family» [С: 43]. Эти метафоры в сочетании с эпитетом «with his white head» [Там же] и сравнением «dome-like forehead» [Там же] дополняют образ старого Джолиона как почтенного человека.

Будучи большой семьёй, Форсайты стараются сохранять семейные традиции. Обратимся к следующему примеру: «Family dinners of the Forsytes observe certain traditions. There are, for instance, no hors d'oeuvre. The reason for this is unknown» [C: 52]. В данном отрывке присутствует символический смысл: семья любой ценой остаётся верна своим традициям, даже если не знает об их происхождении.

Другая особенность данной семьи – её упорство («tenacity»). Данное существительное и его производные «tenacious» и «tenaciously» встречаются в романе «Собственник» 16 раз, и каждый раз они сочетаются со словами «семья», «Форсайты» или при упоминании наиболее типичных представителей семьи, таких как Сомс или старый Джолион.

Необходимо отметить отличительную черту данной семьи – их чувство собственности («sense of property»). Так, автор использует метафору «Forsytes... have shells» [C: 103], а также гиперболу «they are never seen, or if seen would not be recognized, without habitats, composed of circumstance, property, acquaintances, and wives» [Там же]. На всё в упомянутом выше примере члены семьи Форсайтов смотрят как на собственность. Символично, что лексема «собственность» присутствует в названии романа и встречается 79 раз в тексте первого произведения саги.

Автор описывает страсть Форсайтов обсуждать слухи о других членах семейства при помощи таких ярких метафор, как «the mist of family gossip» [C: 9], «family secrets were bartered» [C: 57], «family tongues buzzing in his ears» [C: 59] и др.

В семье Форсайтов не принято открыто показывать свои чувства. Однако, несмотря на то что персонажи не говорят о своём отношении напрямую, мы можем сделать вывод об их чувствах из слов автора. Так, мы наблюдаем положительное отношение молодого Джолиона к отцу, поскольку сын ласково обращается к отцу – «Dad», – он испытывает жалость к отцу и переживает, как старый Джолион будет жить один, что показано при помощи эпитетов «worn and old» [C: 40], метафор «the old face looked worn and hollow» [C: 45] и «the

ghost of a smile hovered over his (young Jolyon's) face» [С: 189] (при взгляде на отца).

Говоря об отношении младшего поколения к старшему во второй книге саги – «В петле», – нужно отметить, что младшие Форсайты относятся к родителям с любовью. К примеру, Сомс и Уинифред пытаются утаить от отца все плохие новости, что Голсуорси показывает, используя олицетворение: «father's nerves would never stand the disclosure» [ВП: 18].

Однако в исследуемом тексте встречаются и стилистические средства, показывающие отрицательное отношение к отцу. Так, Вэл Дарти испытывает стыд по отношению к отцу, что автор передает в следующем предложении, где мы наблюдаем гиперболу: «To be ashamed of his own father is perhaps the bitterest experience a young man can go through» [ВП: 24].

Анализ ЛСГ свойственного родства во второй книге трилогии «Сага о Форсайтах» («В петле» – «In Chancery») говорит о смешанной оценочности лексем «father», «dad», «daddy». Данные лексемы употребляются в романе «В петле» 209 раз. 21 словоупотребление носит положительную оценочность, что выражено при помощи слов и выражений, обладающих положительной коннотацией, к примеру: «affection for his father... had increased» [ВП: 267], «dear father» [ВП: 298], «he was... fond of his father» [ВП: 74]. 22 употребления исследуемых лексем обладают отрицательной оценочностью при их сочетании со словами, обладающими отрицательной коннотацией, например: «an amateur of a father» [ВП: 257], «bounder» [ВП: 22], «ashamed of his own father» [ВП: 24].

Нужно упомянуть и чувства чуткости и внимательности, испытываемые Сомсом, наблюдающим за кончиной отца: «...A passionate vehemence of anger against Nature, cruel, inexorable Nature, kneeling on the chest of that wisp of a body, slowly pressing out the breath, pressing out the life of the being who was dearest to him in the world» [ВП: 316]. Употреблённый в данном примере эпитет «passionate» усиливает отрицательную оценочность лексемы «anger», использованной в анализируемом контексте для описания негативных чувств Сомса к Природе, забирающей его отца. Данные чувства также выражаются эпитетами «cruel»,

«inexorable», употреблёнными о той же Природе, в словарном значении которых присутствует отрицательная коннотация. Яркая метафора «Nature, kneeling on the chest of that wisp of a body, slowly pressing out the breath, pressing out the life» способствует реализации в данном контексте отрицательной оценочности слова «Nature», которое используется в анализируемом примере для описания природных сил, забирающих пожилого отца Сомса из жизни, таким образом выражая его любовь к своему отцу.

Отрицательное отношение к отцу в исследуемом тексте наблюдается лишь в семье Уинфрид Дарти, дочери Джеймса Форсайта. Подобное отношение было вызвано неподобающим поведением её мужа Монтегью, полностью материально зависимо от жены и её отца. Поведение Дарти было позором для его детей. Так, после того как друг его взрослого сына Вэла назвал Монтегью «a bounder», Вэл размышляет: «It was his father! He could have sunk into the crimson carpet» [ВП: 22]. Голсуорси пишет, что это «the bitterest experience a young man can go through». Отрицательная оценочность слова «bounder», яркая метафора «could have sunk into the crimson carpet» и эпитет «the bitterest» способствуют реализации отрицательного компонента значения лексемы «father» в анализируемом контексте.

Стоит также упомянуть употребление автором слов, усиливающих пейоративное коннотативное значение слов, описывающих явления, оказывающие негативное влияние на здоровье и качество жизни родителей, что ведёт к реализации мелиоративной оценочности лексем «father», «dad», «daddy» в анализируемом произведении. Реализация пейоративной оценочной коннотации исследуемых лексем также происходит вследствие использования эпитетов и метафор с соответствующей оценочностью и наблюдается лишь в случае, когда повествование идёт об отце, который действительно заслуживает отрицательного отношения. Также следует отметить, что этот отец – Монтегью Дарти, который относится к семье Форсайтов лишь по браку.

Главной темой третьего произведения «Саги о Форсайтах» («Сдаётся внаём» – «To Let») является противостояние двух ветвей Форсайтов – семей двою-

родных братьев Сомса и Джолиона. Причиной является тот факт, что бывшая жена Сомса Ирэн вышла замуж за Джолиона. Ситуация осложняется тем, что дочь Сомса Флер и сын Джолиона Джон влюбляются друг в друга.

В романе «Сдаётся внаём» мы наблюдаем как положительное, так и отрицательная оценка роли отца. Количество словоупотреблений лексем «father», «dad», «daddy» составило 272, из них в 15 случаях они носят положительную оценку, в 12 случаях – отрицательную и в 245 случаях – нейтральную.

Пейоративная оценка чаще всего проявляется, когда герои выражают своё негативное отношение в первую очередь к отцу избранника своего ребёнка – Сомсу – со стороны Джолина и Ирэн и Джолиону – со стороны Сомса (9 из 12 примеров отрицательной оценочности лексем «father», «dad», «daddy» в исследуемом произведении, т. е. 75 % всех словоупотреблений). Так, Сомс размышляет следующим образом о своей бывшей жене: «She–she had these devotions–for Bosinney–for that boy’s father–for this boy!» [СВ: 15] В данном примере автор использует лексический повтор, чтобы показать обиду Сомса на то, что Ирэн любила всех, кроме него, что, естественно, вызывает у него ненависть к отцу её ребёнка – Джолиону.

Однако мы видим отрицательное отношение и самих молодых людей к отцам. Родители Флер и Джона не одобряют их союз, но держат их в неведении о давней ссоре между кузенами. Флер и Джон пытаются выяснить причину вражды их родителей и не понимают, почему те не хотят, чтобы они были вместе, что ведёт к разногласиям между старшим и младшим поколением. Так, в следующем контексте – «bewildered, almost outraged by his father’s words» [СВ: 113] –яркие эпитеты «bewildered» и «outraged» усиливают отрицательное отношение Джона к своему отцу и непонимание его слов о том, что молодёжь «топчет» всё, что осталось от старшего поколения.

Тем не менее в большей части произведения мы наблюдаем положительную оценку по отношению к отцу. К примеру, многие персонажи подмечают, что Джон очень любит своего отца: «He evidently loved their father» [СВ: 49], «affectionate as a son of his father» [СВ: 71]. Он также ласково называет его

«Dad». Когда пожилой отец Джона умирает, он с горечью переживает эту утрату. «How could—how could Dad be dead, when only an hour ago...» [СВ: 181] – в данном примере автор использует лексический повтор, чтобы подчеркнуть, что Джон вначале не может поверить в смерть любимого отца.

Флер также связывают тёплые отношения с отцом. Так, она ласково называет Сомса «dearest» и «ducky». Другим примером положительного отношения Флер к отцу является сцена, где Сомс в гневе пинает трубу, узнав, что Флер всё ещё встречается с Джоном. Однако грубое поведения отца не пугает дочь: «The hapless movement touched her, who had no fear of her father—none» [СВ: 147]. Слово «touch» используется здесь в значении, обладающем положительной коннотацией, а лексема «hapless» вызывает жалость к поступку Сомса. Лексический повтор «had no fear of her father—none» показывает, что отношения Флер со своим отцом основывались только на положительных чувствах друг к другу.

Слово «mother» употребляется в первом романе «Саги о Форсайтах» 40 раз. 7 словоупотреблений носят положительную оценку, 2 словоупотребления – отрицательную, 31 словоупотребление – 3 нейтральную. Таким образом, отношение к матери в исследуемом тексте также является положительным. Так, Форсайты стараются не показывать свои чувства по отношению к членам семьи. Тем не менее, когда Ирэн уходит от Сомса и он приходит в дом родителей, его мать Эмили пытается утешить сына, что автор показывает при помощи метафоры: «Her tall, full figure lost its majesty and became very human» [С: 333]. В данном примере автор показывает, что, узнав о несчастье сына, Эмили стала более «человечной», сбросила маску «величественности».

Во втором романе саги – «В петле» – лексема «mother» употребляется 115 раз. При этом 7 словоупотреблений отличаются положительной коннотацией, 1 словоупотребление – отрицательной, а 107 словоупотреблений – нейтральной оценкой. Отношение детей к матерям в произведении мы можем наблюдать по описанию отношения детей к Уинфрид Дарти (урождённой Форсайт). По мнению Вэла, она лучше преодолевает трудности по сравнению

с мужчинами («put up with things so much better than men» [ВП: 314]). Данное словосочетание обозначает положительную характеристику Уинфрид, что способствует реализации положительной оценочности лексемы «mother». Более того, дети Уинфрид стараются поддерживать мать: «All right, mother, we'll back you up» [ВП: 74]. В приведённом примере положительная оценочность слова «mother» возникает под влиянием положительной коннотации фразового глагола «back up».

В третьей книге «Саги о Форсайтах» мы также наблюдаем преимущественно положительную оценочность лексемы «mother», что в основном проявляется в описании взаимоотношений Джона и его матери Ирэн. Слово «mother» встречается в тексте 229 раз, из них 36 словоупотреблений отличаются положительной оценочностью, 4 словоупотребления – отрицательной оценочностью и 189 словоупотреблений – нейтральной оценочностью.

Положительная оценка передаётся при сочетании лексемы «mother» со словами, наделёнными положительной коннотацией, например: «adored his mother» [СВ: 27], «worshipped his mother» [СВ: 29], «loved his mother» [СВ: 117] и др. Ради матери Джон даже был готов пожертвовать личным счастьем. Даже спустя многие годы после развода Ирэн ненавидит своего бывшего мужа Сомса, который является отцом Флер, возлюбленной Джона. Узнав историю Ирэн и Сомса, Джон начинает задумываться о том, чтобы оставить Флер, но решающим моментом становится сцена, которую он наблюдает между Ирэн и Сомсом. Сомс протягивает Ирэн руку, но та отказывается её пожать. Увидев выражение лица матери, Джон принимает окончательное решение. Автор использует метафору, чтобы подчеркнуть, что Джон видит брак с Флер как предательство по отношению к своей матери: «To marry Fleur would be to hit his mother in the face» [СВ: 211].

Необходимо также отметить, что младшее поколение испытывает большое уважение к дедам и прадедам. Лексемы «grandfather», «granddad», «great-grandfather», «great-great-grandfather» встречаются во всем тексте произведения «Сага о Форсайтах» 79 раз, 9 примеров их использования отличаются положи-

тельной оценочностью, 70 примеров – нейтральной оценочностью. Так, Джолион Форсайт с большой гордостью рассказывает своим детям об истории их семьи. Рассказывая об их прапрадеде, который был фермером, Джолион говорит следующее: «We may suppose him thick and sturdy, standing for England as it was before the Industrial Era began» [ВП: 127]. Метафора «thick» и эпитет «sturdy», отличающиеся мелиоративной оценочностью, способствуют реализации положительного оценочного компонента значения лексемы «great-great-grandad».

Джолион описывает прадеда детей следующей фразой: «...Better known as Superior Dosset Forsyte built houses representing the England of Napoleon's wars» [Там же]. В данном примере лексическая единица «great-grandfather» реализует положительный оценочный компонент значения под влиянием слова «superior», отличающейся положительной оценочностью по её словарному значению. Своего отца Джолион называет «tea merchant and chairman of companies, one of the soundest Englishmen who ever lived» [Там же], «He was just and tenacious, tender and young at heart» [Там же]. В словарном значении эпитетов «the soundest», «just», «tenacious», «tender» и «young» присутствует положительная коннотация, что способствует реализации мелиоративного оценочного значения лексемы «grandfather» в анализируемом контексте.

Мы наблюдаем тёплые чувства к старшему поколению со стороны внуков семьи Форсайтов в описании их мыслей о своих дедах. Так, Вэл во время визита к своим прародителям ощущает одиночество деда и бабушки: «The loneliness of his grandparents, now that all their four children were flown, reached the boy's spirit» [ВП: 80]. В анализируемом примере отрицательно оценочная лексема «loneliness» входит в метафору «loneliness reached the boy's spirit», показывающую, что мальчик переживал из-за одиночества его родных. Данный стилистический приём способствует реализации мелиоративной оценки лексемы «grandparents». Вэлу также жаль старого и худого дедушку: «Poor old chap, he's as thin as a rail!» [Там же] Мелиоративная оценочность значения лексемы «grandparents» в приведённом примере реализуется при помощи эпитетов «poor» и «old». Фразеологизм «as thin as a rail» по своему словарному значению

отличается отрицательной оценочностью, но в анализируемом контексте он обозначает то неприятное состояние, которому подвержен дедушка Вэла. Данная фразеологическая единица выражает сочувствие персонажа к дедушке и ведёт к реализации мелиоративного оценочного значения слова «granddad». Подобные чувства по отношению к дедушке старому Джолиону выражают и Джун, и Холли. Нужно отметить и положительную оценочность лексемы «grandmother», несмотря на то что данное слово встречается реже, чем «grandfather» (3 примера положительной оценочности, 10 примеров нейтральной оценочности данной лексемы). Так, Вэл любит свою бабушку Эмили («he was fond of his grandmother» [ВП: 82]) и называет её ласково «Granny».

Семья Форсайтов является патриархальной, вследствие чего автор преднамеренно не уделяет большого внимания характеристике мужей со стороны их жён. Выражение отношения молодого поколения к родителям также ограничивается описанием отношения младшего поколения к отцам и дедам. Тем не менее женщины семьи Форсайтов также выступают в романе как достаточно сильные личности.

Исследование отношения младшего поколения к старшему в семьях Форсайтов позволило нам установить, что дети испытывают положительные чувства к своим родителям, что показано в реализации окказионально отрицательного оценочного значения лексем «great-great-grandfather», «great-grandfather», «grandfather», «grandad» в контекстах их употребления в исследуемом произведении. Этому способствует использование автором слов, обладающих положительной коннотацией, присутствующей в их словарном значении, а также эпитетов и метафор, наделённых положительной коннотацией.

В романе «Сдаётся внаём» мы также наблюдаем положительную оценочность лексемы «grandfather». Хотя дедушек героев уже нет в живых, потомки вспоминают их с уважением и благодарностью. Так, своим благополучным материальным положением Вэл и Холли обязаны наследству, которое им осталось от дедов: «...Placed above the ultimate blows of Providence by the forethought of a grandfather» [СВ: 44]. Джун также называет своего деда щедрым человеком:

«My grandfather... was very generous» [CB: 98]. В данных примерах слова «to save», «forethought», «generous» передают мелиоративную оценку лексемы «grandfather».

Автор отмечает, что старшее поколение семьи относится к младшему поколению с заботой. Мы наблюдаем положительную оценку молодого поколения в использовании автором таких стилистических средств, как сравнение «the family she had watched like a mother» [C: 120], метафора «the spirit of the old woman... had called, saw only her (Aunt Ann's) own flesh and blood» [Там же], при взгляде старшего поколения на семью.

Тем не менее старшее поколение смотрит на своих детей как на собственность, что мы наблюдаем в чрезмерном использовании притяжательных местоимений. К примеру, для тётушки Энн «it was her world, this family» [C: 19], всё происходящее в семье «was her property, her delight, her life» [Там же]; старый Джолион называет Форсайтов «my people» [C: 234]. Кроме того, даже Босинни, который всего лишь является женихом внучки старого Джолиона, Форсайты называют «belonging to the family» [C: 83].

В целом отношение старшего поколения к младшему является положительным. Лексема «son» употребляется в первой книге произведения «Сага о Форсайтах» 82 раза. 24 словоупотребления носят положительную оценочность, 10 словоупотреблений – отрицательную и 48 словоупотреблений – нейтральную. Так, одной из основных сюжетных линий произведения является воссоединение старого Джолиона с сыном. Когда его сын оставил жену, отец под влиянием своей семьи и общественного мнения оборвал все связи с сыном. Старый Джолион вырастил внучку Джун и относится к ней с большой любовью. Передавая чувства старого Джолиона к Джун, автор использует эпитет «indomitable» [C: 347] и слова с положительной коннотацией: «admired», «biassed», «pleasure» и др.

Однако, когда Джун заключает помолвку, старый Джолион понимает, что скоро останется один. Тогда он решает найти своего сына. Голсуорси подчёркивает любовь к сыну при помощи слов, обладающих мелиоративной оценкой,

таких как «loved», «proud», эпитета «overmastering» в следующем примере: «overmastering desire to have his own son at his side» [С: 354].

Действия, описанные во втором романе «Саги о Форсайтах», имеют место через 12 лет после действий, описанных в первом романе. Одной из главных тем в романе является бракоразводный процесс Сомса и Ирэн. Сомс решает добиться развода после столь долгого срока, поскольку он хочет завести ребёнка. Голсуорси показывает силу желания персонажа завести сына при помощи анафоры: «A son—something to look forward to, something to make the rest of life worth while, something to leave himself to» [ВП: 119]. Необходимо отметить, что и другие герои романа смотрят на своих детей с любовью. Так, Голсуорси показывает любовь родителей Сомса к сыну, используя лексический повтор: «Soames had always been their pet, with his tendency to give them pictures, and his almost weekly visits which they missed so much, and his need for their sympathy evoked by the wreck of his first marriage» [ВП: 298].

Лексема «son» употребляется в тексте второй книги произведения «Сага о Форсайтах» 70 раз. В 24 словоупотреблениях оно обладает мелиоративной оценочностью, что мы наблюдаем в таких выражениях, как «longing for a son» [ВП: 255], «duty to his son» [ВП: 217], «to save his son's feelings» [ВП: 48]. Слово «son» отличается пейоративной оценочностью в одном словоупотреблении и нейтральной – в 45 словоупотреблениях.

Слово «son» употребляется в третьей книге произведения «Сага о Форсайтах» 36 раз. При этом 5 словоупотреблений носят положительную оценочность, 3 словоупотребления – отрицательную оценочность и 28 словоупотреблений – нейтральную. Таким образом, в третьей книге саги мы также наблюдаем со стороны родителей большую любовь к детям. Так, автор использует гиперболу, чтобы подчеркнуть любовь Ирэн к сыну: «She never moved from his room, never relaxed her noiseless vigilance» [СВ: 91]. В данном примере мы видим, что во время болезни Джона, мать всё своё время уделяла уходу за ним. Отношение к дочери в исследуемом произведении также положительное.

В романе «Собственник» количество словоупотреблений лексемы «daughter», отмеченное мелиоративной оценочностью, превалирует над количеством употреблений, отмеченным пейоративной оценочностью, что говорит о положительной оценочности по отношению к дочери в первой книге трилогии. Слово «daughter» употребляется в тексте первой книги произведения «Сага о Форсайтах» 12 раз. 2 словоупотребления носят положительную оценку, 10 словоупотреблений – нейтральную. Случаев употребления лексемы «daughter» с отрицательной оценкой в анализируемом тексте не было выявлено.

Тем не менее во второй книге трилогии отношение к дочерям не всегда является положительным. Только сын является для Форсайтов желанным ребёнком и наследником, что мы наблюдаем в реализации оценочности лексемы daughter. В 6 случаях данное слово обладает отрицательной оценочностью. Так, услышав о рождении дочери, Сомс сожалеет, что так волновался о принятии решения во время тяжёлых родов второй жены: «To have taken that risk—to have been through this agony... for a daughter!» [ВП: 308] В 3 случаях лексема отличается положительной оценкой, в 26 случаях оно носит нейтральную оценочность.

Слово «daughter» встречается в тексте третьего романа «Саги о Форсайтах» 55 раз. В 13 случаях его употребления оно имеет положительную оценочность, в 10 случаях – отрицательную коннотацию, в 32 случаях – нейтральную. В речи Сомса также присутствуют многочисленные стилистические средства, подчёркивающие его любовь к дочери: эпитеты «adored» [СВ: 61], «beloved» [СВ: 201], метафора «the flower of his life» [СВ: 68], гипербола «you're my only comfort» [Там же] и др. Флер, будучи истинной представительницей рода Форсайтов, пытается извлечь из этого выгоду и порой манипулирует отцом, что подмечает и сам Сомс: «Knowing her power too over her father!» [СВ: 5] В общении с отцом и мыслях о нем Флер часто использует обращения и местоимение you, пытаясь уговорить его: «But it's really in YOUR hands, Father» [СВ: 201], «What am I to do, if you won't, Father?» [СВ: 202], «You can do it, Father, I know you can» [СВ: 203] и т. п.

Флер пытается добиться согласия отца на её брак с Джоном и даже просит его поговорить с Ирэн. Сомс соглашается на просьбу дочери, но все их усилия безрезультатны: Джон принимает решение отказаться от брака с Флер. Причиной тому является плохое обращение Сомса с матерью Джона во время их первого брака и неприязнь Ирэн по отношению к Сомсу. Флер винит отца в том, что она не может быть с Джоном: «You—you betrayed me, Father!» [CB: 208] В приведённом примере слово «father» под влиянием лексемы «betray», обладающей пейоративной оценочностью по своему словарному значению, также приобретает отрицательную коннотацию. Лексический повтор, использованный в приведённом контексте, свидетельствует о том, насколько сильные отрицательные эмоции испытывала Флер к своему отцу.

В конце произведения Флер выходит замуж за своего давнего ухажёра Майкла Монта, но даже во время своей свадьбы не прощает отца. Она называет словом «Daddy», которое по своему словарному значению обладает положительной коннотацией, но в данном контексте принимает отрицательную окраску: «Daddy! She hadn't called him that for years» [CB: 221]. Выйдя замуж, Флер покидает родительский дом, что автор подчёркивает при помощи метафоры «past and gone» [Там же]. Обида дочери и грусть от того, что она его покидает, переполняют Сомса, и Голсуорси также выражает это при помощи метафоры: «A flood of something welled up in Soames, and—he didn't know—he couldn't see!» [CB: 222].

Необходимо также отметить, что слова «son» и «daughter» также приобретают в исследуемом тексте отрицательную оценочность, когда персонажи выражают негативное отношение не к своему сыну или дочери, а его или её избраннику или избраннице в связи с неприязнью к их родителям: «Son of that fellow—It's—it's—perverse!» [CB: 147], «the daughter of your enemy» [CB: 103] и т. п. Это 2 примера отрицательной оценочности слова «son» из 3 (67 %) и 8 примеров отрицательной оценочности слова «daughter» из 10 (80 %).

Результаты анализа изменения оценочности лексем «father», «dad», «daddy», «mother», «son», «daughter», «grandfather», «granddad», «great-grandfather», «great-great-grandfather» представлены в диаграммах 19–24.

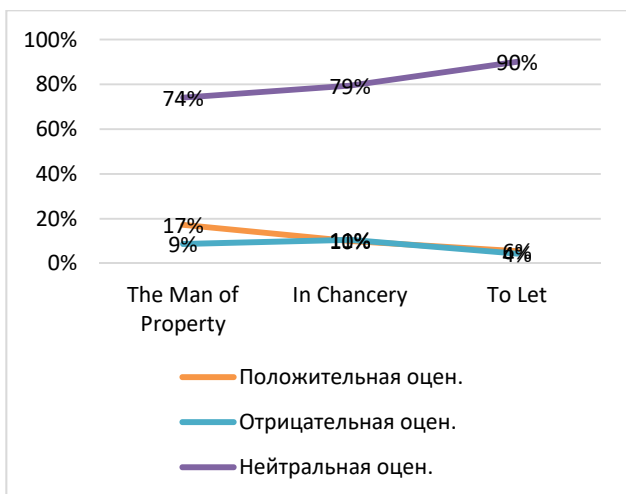

Диаграмма 19 – Динамика изменения оценочности лексем «father», «dad», «daddy»

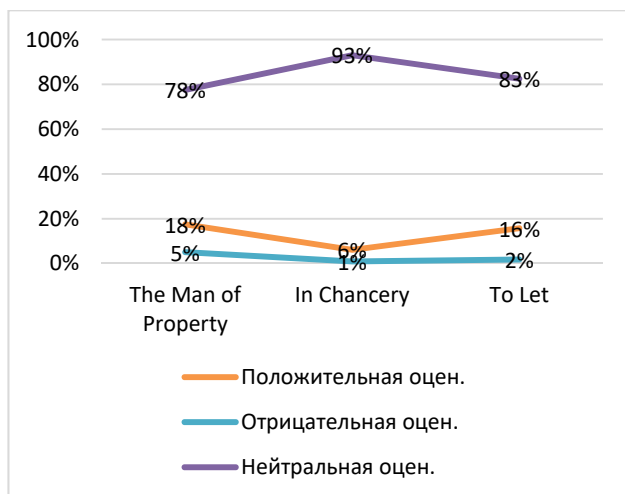

Диаграмма 20 – Динамика изменения оценочности лексемы «mother»

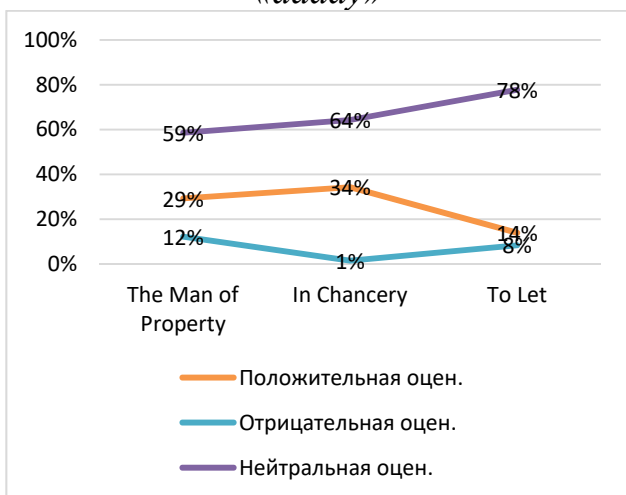

Диаграмма 21 – Динамика изменения оценочности лексемы «son»

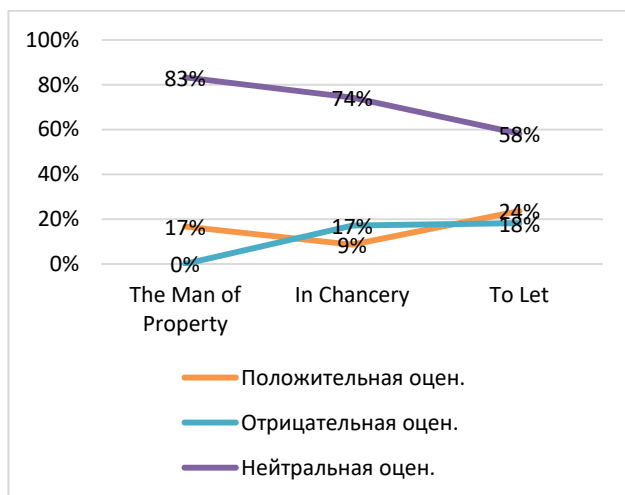

Диаграмма 22 – Динамика изменения оценочности лексемы «daughter»

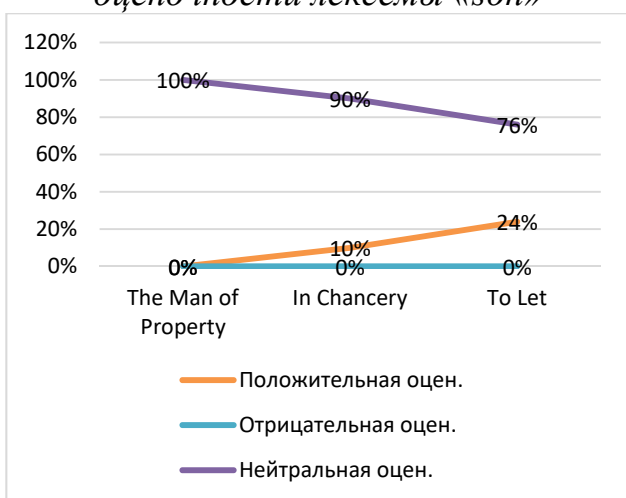

Диаграмма 23 – Динамика изменения оценочности лексем «grandfather», «granddad», «great-grandfather», «great-great-grandfather»

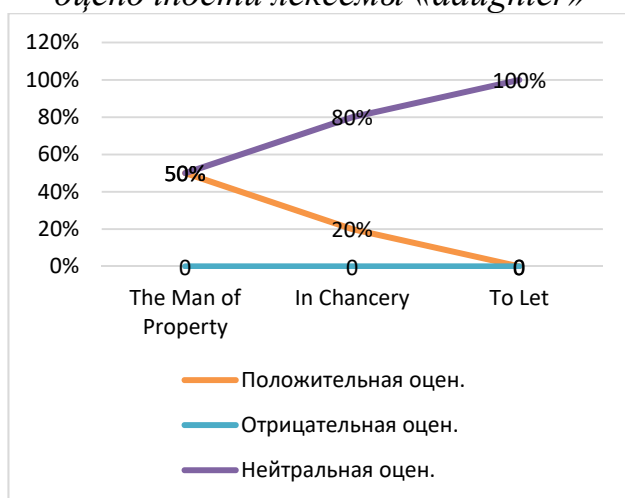

Диаграмма 24 – Динамика изменения оценочности лексемы «grandmother»

Как показано в диаграммах, в третьей книге «Саги о Форсайтах» по сравнению с первой книгой реализация положительной оценочности лексем «father», «dad», «daddy» уменьшается на 11 %, лексемы «mother» – уменьшается на 2 %, лексемы «son» – уменьшается на 15 %, лексемы «daughter» – увеличивается на 7 %.

Лексема «brother» употребляется в первой книге «Саги о Форсайтах» 22 раза. В 4 словоупотреблениях она имеет положительную оценочность, в 8 случаях она отличается отрицательной оценочностью и в 10 случаях – нейтральной. Слово «sister» употребляется в исследуемом тексте 18 раз. 1 словоупотребление имеет положительную оценочность, 17 случаев – нейтральную.

Исследуемое произведение повествует о большой семье Форсайтов: старшее поколение насчитывает десять братьев и сестёр. Автор описывает четырёх из братьев при помощи оксюморона: «Each of these four brothers was very different from the other, yet they, too, were alike» [С: 9]. Семья очень сплочена, но, несмотря на это, среди братьев присутствуют разногласия. Голсуорси называет это при помощи словосочетания, обладающего пейоративной оценочностью «secret hostility» [С: 191]. Автор отмечает, что эта неприязнь появляется у братьев в детстве («the roots of which—little nursery rivalries» [Там же]), но порой с течением времени она перерастает в настоящую враждебность, что Д. Голсуорси передает с помощью следующей метафоры: «support a plant capable of producing in season the bitterest fruits» [Там же]. Кроме того, персонажи испытывают зависть к материальному положению братьев: «secret and natural doubt that the others might be richer than themselves» [Там же]. Лексические единицы, выбранные автором для описания отношения между братьями, обладают отрицательной коннотацией и помогают передать чувство вражды между братьями и пейоративную оценочность по отношению друг к другу («hostility», «rivalries», «bitter», «unfriendly», «doubt»).

Наиболее ярким представляется конфликт между Джеймсом и старым Джолионом. Джеймс восхищается старшим братом, и автор показывает это при помощи слов, обладающих мелиоративной оценочностью: «his eldest brother's

force of character» [C: 286], «undoubted reliance upon his elder brother's good faith and judgment» [C: 349]. Однако после того, как жених внучки Джолиона заводит роман с женой его сына, Джеймс винит в этом брата и его сына: «His brother Jolyon, to whom he had always looked up and on whose opinion he had relied, was not quite what he had expected» [C: 283]. Джолион, в свою очередь, не выносит материалистического взгляда на мир, которым обладают Джеймс и его сын Сомс. Он забирает завещание, долгие годы хранившееся в юридической фирме Джеймса, и изменяет его, оставляя большую долю наследства сыну, который считался «чёрной овцой» в семье. Он называет это «победой» над Джеймсом. Автор использует фразеологизм, обладающий отрицательной коннотацией: «they should not poke their noses into his affairs any more» [C: 300], и показывает отрицательное отношение старого Джолиона к брату.

В исследуемом произведении уделяется меньше внимания описанию сестёр семьи Форсайтов. Три сестры живут в доме их брата Тимоти. Тётушка Энн является старшей в семье, и остальные братья и сестры относятся к ней с уважением. Они называют её «wonderful», что показывает положительное отношение к сестре. Кончина тётушки Энн становится трагедией для её братьев и сестёр. Автор использует метафору «overwhelmed by the shock» [C: 113], описывая состояние её сестёр. Братья тоже переживают эту утрату. Джолиону она напоминает о смерти матери, Джеймс не может сдержать слез. Больше всего семью поражает, что кто-то из Форсайтов умирает: «That a Forsyte should have let go her grasp on life» [Там же]. Братья и сестры тётушки Энн понимают, что за её смертью последует смерть кого-то из них. Голсуорси сравнивает семью с деревом, которое начинает распадаться после смерти тётушки Энн: «It was her final triumph that she had died while the tree was yet whole» [C: 120].

В вербализации лексемы «brother» во второй книге произведения «Сага о Форсайтах» автор использует данное слово 27 раз. В 5 словоупотреблениях оно имеет положительную оценку, в 6 случаях оно отличается отрицательной оценочностью и в 16 случаях – нейтральной. Слово «sister» употребляется в ис-

следуемом тексте 32 раза. 1 словоупотребление имеет отрицательную оценочность, 6 словоупотреблений – положительную, 25 случаев – нейтральную.

В романе «В петле» со смертью старого Джолиона взаимоотношения между братьями и сёстрами старшего поколения Форсайтов отходят на второй план. Однако в воспоминаниях Джеймса о брате присутствует положительная оценочность: он пытается представить, что бы сделал в его ситуации старший брат, на которого он ровнялся: «The utter impossibility of knowing what his elder brother, once so looked up to, would have said, so worried James» [ВП: 287].

Отношение к родному брату мы можем наблюдать на примере отношения внуки старого Джолиона Холли к своему брату Джолли. Джолли, привыкший во всём контролировать сестру, не одобряет увлечение Холли их троюродным братом Вэлом. Автор показывает отношение к брату при помощи слов и словосочетаний, отличающихся отрицательной оценочностью: «malicious pleasure in the slight drop of her brother's face» [ВП: 127]; «fighting with her brother» [ВП: 175]; «young enemy, her brute of a brother» [ВП: 189] и др.

Что касается отношения к сестре, во второй книге оно является преимущественно положительным, братья стараются оберегать своих сестёр и помогать им. Так, Джолли пытается огородить сестру от неприятного ему ухажёра: «I'm in charge of my sister» [ВП: 187]. Сомс помогает сестре Уинфрид в бракоразводном процессе. Положительная оценочность по отношению к сестре наблюдается и в следующем примере: «Soames, whose good sense applauded his sister's acumen» [ВП: 26].

В сюжете третьего романа «Саги о Форсайтах» отношения между братьями и сёстрами также играют второстепенную роль. В данной части трилогии слово «brother» употребляется 24 раза. В 3 словоупотреблениях оно имеет положительную оценочность и в 21 случае – нейтральную. Слово «sister» употребляется в исследуемом тексте 15 раз. 2 словоупотребления имеют положительную оценочность, в 13 случаях – нейтральную.

Представителей старшего поколения Форсайтов, за исключением Тимоти, уже нет в живых. Отношение к лексемам «brother» и «sister» мы можем наблю-

дать на примере Джун, Холли и их младшего брата Джона, при этом старшая сестра Джун намного старше младшего брата Джона. Джун считает, что Джон должен знать правду о прошлом его матери. Автор показывает решительность героини при помощи метафоры: «...Either his feeling might be nipped in the bud, or, flowering in spite of the past, come to fruition» [СВ: 96]. Холли также положительно относится к брату. Джон, которого она видела лишь раз в детстве, производит на неё положительное впечатление, и Голсуорси показывает это при помощи слов и фраз, обладающих положительной оценочностью: «Jon must be nice» [СВ: 47], «a very interesting “little” brother» [Там же], «his tentative politeness charmed» [СВ: 48], «he was amiable» [СВ: 49] и др.

Нами было обнаружено лишь 7 случаев употребления лексемы «cousin» в первой книге «Саги о Форсайтах» Д. Голсуорси, из них одно словоупотребление отмечено положительной оценочностью. Однако во второй книге трилогии слово «cousin» употребляется уже 48 раз. 10 словоупотреблений имеют отрицательную оценочность, 3 словоупотребления – положительную, а 35 – нейтральную.

На передний план во второй книге «Саги о Форсайтах» выходят отношения между двумя ветвями семьи – сыновьями старого Джолиона и Джеймса, между которыми также разыгрывается конфликт, соответственно, слово «cousin» в данном произведении в основном реализует отрицательную оценочность. Джолион и Сомс влюблены в одну женщину – жену Сомса Ирэн, которая уже давно с ним не живёт. Более того, Джолион живёт в доме, который Сомс изначально строил для Ирэн. Следующая фраза передает отношение Сомса к кузену: «Soames had... never forgiven his uncle for having bought it, or his cousin for living in it» [ВП: 197]. В данном примере фраза «had never forgiven» передает отрицательную оценочность к лексеме «cousin». Более того, Сомс называет Джолиона «a thief, stealing his cousin's wife» [ВП: 263], что также показывает отрицательную оценочность по отношению к его двоюродному брату.

Конфликт между ветвями семьи переходит и на отношения троюродных братьев, а именно, сына Джолиона Джолли и племянника Сомса Вэла: «Antipathy—coming... from some half-consciousness of that old feud persisting still

between their branches of the clan» [ВП: 123]. Более того, как уже упоминалось, Джолли не одобряет романтические отношения между его сестрой и Вэлом. Описывая отношения между этими представителями молодого поколения Форсайтов, автор использует множество слов и выражений, обладающих отрицательной коннотацией, в результате чего слово *cousin* также реализует подобное же коннотативное значение: «hostility», «eyeing each other askance», «fight»; обращения друг к другу: «liar», «screwed», «squirt», «fool» и др.

Положительная оценочность лексемы «*cousin*» наблюдается лишь в отношениях Холли и Вэла. Так, Вэл ласково называет её «*shy sweet cousin*» [ВП: 175].

Слово «*cousin*» употребляется в тексте третьей книги «Саги о Форсайтах» 37 раз. 3 словоупотребления имеют отрицательную оценку, 34 словоупотребления – нейтральную оценку. Таким образом, оценочность лексемы «*cousin*» в исследуемом тексте является отрицательной. Вражда между двоюродными братьями Джолионом и Сомсом продолжается, несмотря на то что прошло двадцать лет с момента развода Сомса. В произведении наблюдается употребление кузенами многочисленных слов, обладающих отрицательной оценочностью, в отношении друг к другу. В речи Сомса присутствуют следующие примеры: «He once insulted me» [СВ: 19]; «they hate me, as people always hate those whom they have injured» [СВ: 150]; «quick-blooded sentiment hatred» [СВ: 183] и др. Сомс редко называет Джолиона по имени, пренебрежительно именуя его «*that chap*» или «*the fellow*». Узнав о смерти Джолиона, Сомс не испытывает большого сожаления, называя раннюю смерть двоюродного брата выражением с отрицательной коннотацией «*poetic justice*» [Там же], которое определяется как «an outcome in which vice is punished and virtue rewarded usually in a manner peculiarly or ironically appropriate» [Merriam Webster Dictionary], что также показывает, что Сомс отрицательно оценивал поведение кузена и считал, что тот получил по заслугам. Джолион отрицательно оценивает поведение Сомса, когда тот состоял в браке с нынешней женой Джолиона Ирэн, что автор также показывает при помощи слов, обладающих пейоративной оценочностью: «*the man who pos-*

essed Jon's mother against her will» [CB: 101]; the view he holds of life... to me it is a view that has always been abhorrent» [CB: 171]; «attempted to force us apart» [Там же]; «the camp which held your mother prisoner» [CB: 172] и др. Однако Джолион не испытывает ненависти к Сомсу и даже жалеет его: «It's not his fault—so was he born!» [Там же].

Отрицательная оценочность также наблюдается в отношениях Сомса и его кузины (двоюродной племянницы) Джун. Много лет назад именно в жениха Джун влюбилась жена Сомса. Так, увидев Джун впервые за 20 лет, Сомс думает: «The worst had happened» [CB: 10]. Он называет её «crazy-looking creature» [CB: 12]. Ещё один пример пейоративной оценочности: «She brought Bosinney into his life to wreck it, he had never hit it off with June—and never would!» [Там же]. В данном примере автор использует слова и выражения, обладающие отрицательной коннотацией: «wreck», «never hit it off». Джун также выражает своё отрицательное отношение к Сомсу. Она говорит его дочери: «I don't like your father» [CB: 98]. Джун – владелица галереи и предпочитает неизвестных обществу художников – «lame ducks», как она их называет. В то же время Сомс – коллекционер и старается покупать только те картины, которые станут более ценными в будущем. Джун не нравится подобное отношение к искусству, и она говорит Сомсу: «I don't treat Art as if it were grocery» [CB: 10], – намекая, что он как раз относится к искусству таким образом. Джун называет Сомса «You Forsyte!» [CB: 12], считая подобный материалистический взгляд на мир характерным для семьи Форсайтов, что также передаёт её отрицательное отношение к кузену.

Несмотря на то что Джун не нравится Сомс, она вначале положительно относится к его дочери. Она соперничает Джону и Флер, любви которых мешают обстоятельства. Так, Джун ласково называет влюблённых «little lame ducks» [CB:], таким образом причисляя их к группе «её неудачников»: так Джун называла неуспешных художников, за которыми она присматривала. Автор использует и другие выражения, передающие положительное отношение Джун к Флер и Джону: «I quite sympathise. It's horrid not to have one's own way» [CB: 98]; «two—charming callow yellow little ducks» [CB: 100]; «a great pity»

[Там же]; «two young things» [СВ: 101]; «she and Jon would make a lovely couple» [СВ: 101]. Однако когда Флер притворяется перед Джун, что не любит Джона, Джун испытывает неприязнь к кузине. Голсуорси показывает её отрицательное отношение к Флер при помощи слов, обладающих пейоративной оценочностью: Джун называет кузину «cold-blooded little baggage» и «little piece of fashion» [СВ: 139]. В данный момент и Флер отрицательно оценивает Джун, что автор передаёт при помощи слов в речи Флер, обладающих пейоративной оценочностью: «despising June», «elderly idealist» [СВ: 140]. Однако в конце романа, когда Джон покидает Флер, женщины забывают об обиде и становятся «подругами по несчастью»: в некотором роде они обе остались одиноки по вине Ирэн. Флер снова становится «lame duck» для Джун. Джун утешает кузину и советует ей не сдаваться: «Make the best of things» [СВ: 220]. В сцене их примирения мы находим многочисленные слова и выражения, обладающие положительной оценочностью: «“It’s all right—all right,” June murmured»; «June stroked the short hair»; «mother-sense»; «my dear» [Там же].

Что касается положительного отношения троюродных братьев и сестёр друг к другу, следует привести романтические отношения между троюродными братом и сестрой Джоном и Флер, вокруг которых в данном произведении и разворачиваются действия. Автор использует идиомы, обладающие положительной оценочностью, передавая влюблённость молодых людей: «he had already been over the hills and far away (with Fleur)» [СВ: 51]; «the heart she had set on Jon» [СВ: 83] и др. Однако молодые люди скорее воспринимают друг друга как романтических партнёров, нежели родственников, чем объясняется то, что они не используют слово «cousin» в отношении друг друга.

Другой пример положительных отношений между кузенами – это брак троюродных брата и сестры Вэла и Холли. Несмотря на то что Холли решила не заводить детей, поскольку они были родственниками, их брак оказался счастливым. Вэл восхищается своей женой, что выражается в исследуемом тексте при помощи слов и выражений, обладающих мелиоративной оценочностью:

«Holly was always right»; «Val particularly admired the life of her own she carried on»; «She was, in fact,—clever; yet made no fuss about it» [CB: 39] и др.

Результаты анализа изменения оценочности лексем «brother», «sister», «cousin» представлены в диаграммах 25–27.

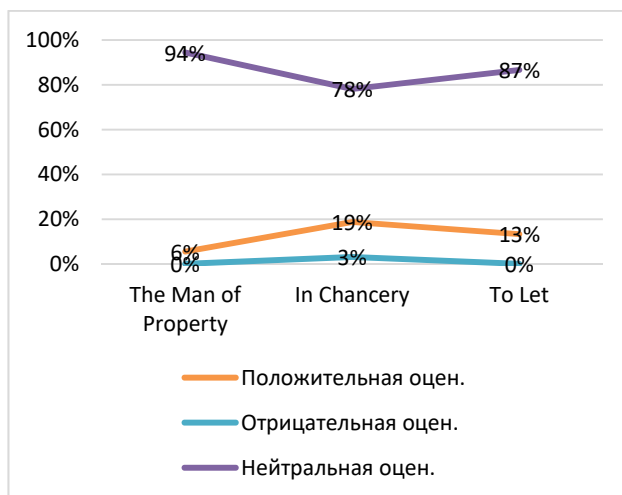
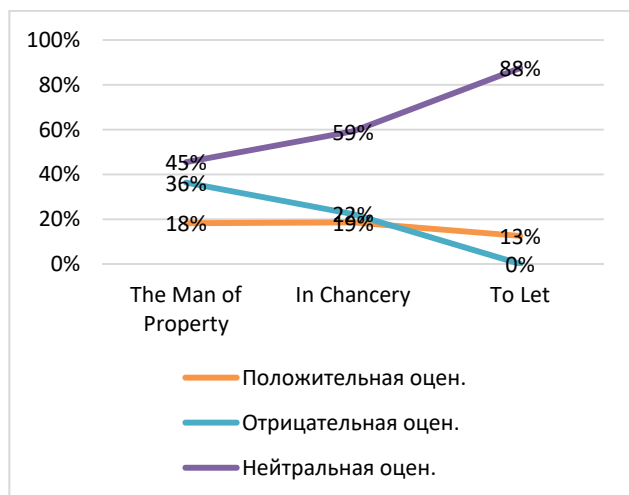

Диаграмма 25 – Динамика изменения оценочности лексемы «brother»

Диаграмма 26 – Динамика изменения оценочности лексемы «sister»

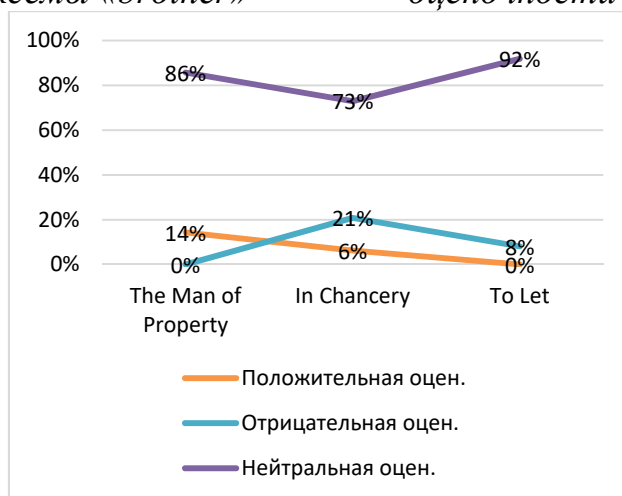

Диаграмма 27 – Динамика изменения оценочности лексемы «cousin»

Как показано в диаграммах, в третьей книге «Саги о Форсайтах» по сравнению с первой книгой реализация положительной оценочности лексемы «brother» уменьшается на 5 %, лексемы «cousin» – уменьшается на 14 % и практически отсутствует в третьей книге. При этом реализация положительной оценочности лексемы «sister» увеличивается на 7 %.

В первой книге произведения Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» мы наблюдаем положительное отношение к лексеме «aunt», что подтверждается

анализом вербализации данной лексической единицы. Слово «aunt» встречается в романе «Собственник» 112 раз, при этом 4 случая использования данной лексемы отличаются положительной оценочностью. Примеров употребления с отрицательной оценочностью не было выявлено.

Необходимо также отметить эпитеты в выражениях «inflexible back, and the dignity of her calm face» [С: 7] и метафору «backwater of the family energy» [С: 113], описывающие другую представительницу старшего поколения – тётку Хестер, а также эпитеты «straight-backed», «strong», описывающие тётку Энн. Даже «в своём последнем сне» «дух» тётки Энн призывал семью показать «tenacious unity» [С: 118] и «that law of property underlying the growth of their tree, by which it had thriven and spread, trunk and branches, the sap flowing through all, the full growth» [Там же]. В вышеуказанном контексте используется эпитет «tenacious» и развёрнутая метафора, которая сравнивает Форсайтов с большим деревом. При описании тётки Джули автор также употребляет слова, отличающиеся мелиоративной оценочностью по своему лексическому значению, например: «well-known kindheartedness» [С: 201].

Оценочность лексемы «uncle» также является положительной в исследуемом произведении. Данное слово употребляется в тексте 52 раза, из них 2 примера отличаются положительной оценочностью, 50 примеров – нейтральной оценочностью. Персонажи испытывают большое уважение к своим многочисленным дядям. Так, Сомс отмечает большую силу воли старого Джолиона, который с лёгкостью мог убедить соперника в споре: «Soames, looking at his uncle, felt the power of will that was in that old man» [С: 177].

Что касается отношения к лексеме «aunt» во второй книге трилогии «Сага о Форсайтах», данная лексема употребляется в тексте 110 раз, 2 примера отличаются отрицательной оценочностью и 108 примеров – нейтральной оценочностью. Во втором романе саги в живых остались лишь тётка Джули и тётка Хестер. Несмотря на то что они ещё проводят вечера вместе, мы видим, что семья начинает распадаться. Так, они почти не общаются с сыном и внуками старого Джолиона. Общество пожилых тётушек не представляет интереса для мо-

лодых людей: они называют их «dismally mid-Victorian» [ВП: 8]. Более того, тётушки строго судят своих племянников, не одобряя развод Сомса и его женитьбу на небогатой девушке, что делает атмосферу «неудобной» («nothing could prevent Aunt Juley from making them all uncomfortable» [ВП: 273]).

Описывая отношение к лексеме «uncle» во второй книге произведения «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси, необходимо отметить, что оно является неоднозначным. С одной стороны, мы наблюдаем положительное отношение Ирэн к старому Джолиону, который является дядей её мужа. В последние годы его жизни они становятся дружны, Ирэн ласково называет его «darling», «dear», «sweet», переживает за его здоровье. С другой стороны, в тексте произведения присутствуют примеры отрицательной оценочности вышеуказанной лексемы, которая объясняется враждой двух ветвей семьи Форсайтов. Приведём несколько примеров пейоративной оценочности лексемы «uncle»: «never forgiven his uncle» [ВП: 197]; «it must be awful for her, married to Uncle Soames» [ВП: 302]; «an uncle was but an uncle» [ВП: 8].

Количество словоупотреблений лексем «uncle» и «aunt» в третьей книге «Саги о Форсайтах» снижается, что объясняется тем, что из старшего поколения Форсайтов остался в живых лишь Тимоти, который уже очень стар. Семья, которую спланивало старшее поколение дядей и тётушек, распалась, и её члены даже враждуют между собой. Тимоти навещает лишь Сомс. Посетив в очередной раз дядю, он находит старые фотографии старшего поколения Форсайтов, что заставляет его задуматься о том, как он скучает по ним: «His old aunts had never failed him» [СВ: 162]. Несмотря на то что он признаёт, что всё вокруг Тимоти абсолютно устарело, Сомс с уважением относится к старшему поколению, поскольку они воплотили в себе истинные качества Форсайтов, которыми он так гордится: «his old aunts... at least had manners» [СВ: 36]. Так, Сомс называет дом Тимоти «standard of gentle life» [Там же] и хочет сохранить его после смерти дяди. Сомс также не одобряет, когда другие насмеваются над преклонным возрастом Тимоти: «It offended him that she should think “Timothy” delicious—a

kind of insult to his breed» [CB: 17]. Сомс жалеет престарелого дядю, который в своём возрасте стал похож на ребёнка: «Poor old chap» [CB: 37].

Результаты анализа изменения оценочности лексем «uncle» и «aunt» представлены в диаграммах 28–29.

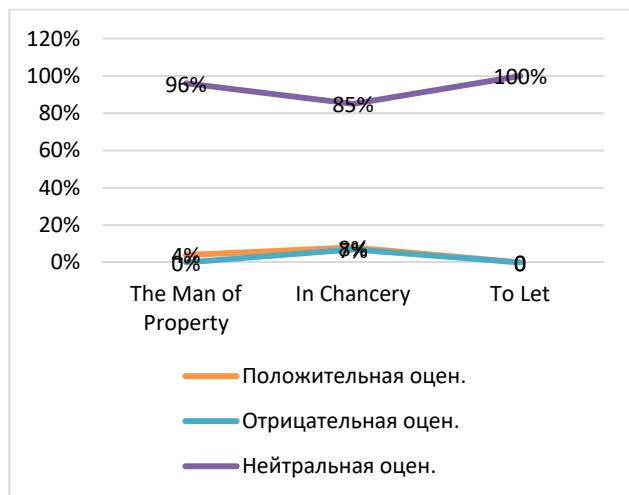

Диаграмма 28 – Динамика изменения оценочности лексемы «uncle»

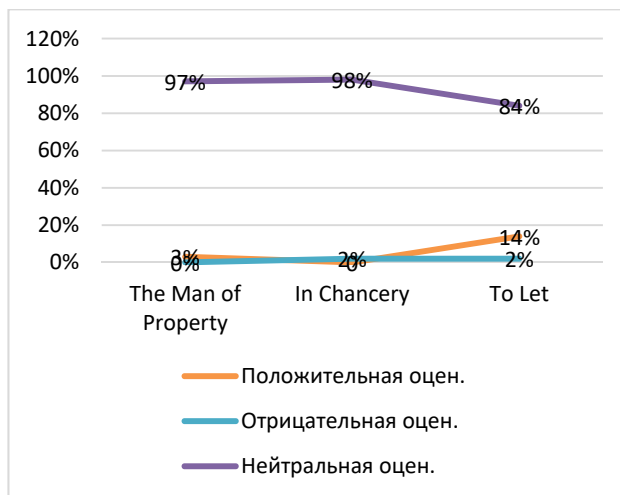

Диаграмма 29 – Динамика изменения оценочности лексемы «aunt»

3.2.2. Лексико-семантическая группа свойственного родства

Поскольку главной ценностью в жизни Форсайтов является собственность, в браке они также рассматривают главным образом материальное положение будущего супруга, особенно жениха, поскольку в патриархальном викторианском обществе семью должен был содержать мужчина. Форсайты не одобряют помолвку внучки старого Джолиона Джун и небогатого архитектора Филипа Боссинни. Форсайты отзываються о Боссинни следующей метафорой: «strange and unsafe thing» [C: 7]. Дедушка Джун старый Джолион также не одобряет их помолвку, что автор показывает при помощи слов, обладающих отрицательной оценочностью, таких как «bad business», «no good ever came of it», «June would have trouble with the fellow» [C: 28] и др.

В первой книге «Саги о Форсайтах» лексема «marriage» употребляется 22 раза, при этом количество случаев её употребления с отрицательной оценочностью (9) превалирует над количеством случаев употребления с положитель-

ной оценочностью (5). Мы наблюдаем отрицательную оценочность и у лексем «husband» и «wife». 7 из 25 примеров употребления лексемы «husband» и 28 из 101 примеров употребления лексемы «wife» отмечены отрицательной оценочностью, в то время как положительной оценочностью отмечены только 5 словоупотреблений лексемы «husband» и 12 словоупотреблений лексемы «wife».

В романе «Собственник» Брак Сомса и Ирэн описывается с отрицательной точки зрения. Ирэн не любит Сомса и сожалеет о своём решении выйти за него замуж, которое усиливается, когда она влюбляется в Боссинни, жениха кузины Сомса. В следующих словосочетаниях лексема «marriage» реализует отрицательное коннотативное значение под влиянием слов с соответствующей оценочностью: «regretted her marriage» [C: 57], «if their marriage were not a success» [C: 125], «unhappy marriage» [C: 236], «the painful experience of being married» [C: 279] и др.

С другой стороны, мы наблюдаем отрицательную оценку жены, оставившей мужа. Так, окружающие часто подмечают, что жена Сомса много времени проводит с Боссинни, как, например, в следующей фразе: «And so your wife is a great friend of that Mr. Bosinney's?» [C: 304] В данном примере автор использует эвфемизм, называя Ирэн и Боссинни «друзьями», в то время как всем понятно, что героев связывает более сильное чувство. Необходимо также отметить, что поведение Ирэн является унижительным для Сомса также потому, что среди Форсайтов существует представление о жене как о собственности мужа. Так, в тексте произведения жены приравниваются к такому имуществу, как дом или деньги: «...His grip on property—it doesn't matter whether it be wives, houses, money, or reputation» [C: 234].

В романе «В петле» уделяется также большое внимание описанию несчастливых браков.

Сомс испытывает сильное желание завести ребёнка. Однако это невозможно, поскольку его жена Ирэн оставила его много лет назад, а он не попытался добиться развода. Для Сомса существуют лишь два варианта разрешения его положения: уговорить Ирэн вернуться или развестись с ней, что невозмож-

но без доказательств её измены. Однако Ирэн никогда не любила Сомса, что автор показывает с помощью метафоры: «She... had given him, for three long years, all he had wanted—except, indeed, her heart» [ВП: 32]. Сомс устраивает слежку за Ирэн, но это не приносит результата, поскольку Ирэн живёт одна и не состоит ни с кем в близких отношениях. Автор описывает, казалось бы, неразрешимую ситуацию Сомса, используя многочисленные метафоры: «nightmare of this divorce» [ВП: 84]; «we go on only half alive» [ВП: 137]; «in irons» [ВП: 237]. Метафора «in chancery», использованная в названии романа, также является описанием его положения.

Брак Уинфрид, сестры Сомса, также переживает трудности. Уинфрид вынуждена выплачивать долги мужа Монтегью и выносить его измены. Описывая их долгую супружескую жизнь, автор прибегает к использованию метафоры «had borne the brunt of him» [ВП: 14]. Когда же Монтегью оставляет Уинфрид, по совету брата она начинает бракоразводный процесс. Однако Монтегью неожиданно возвращается. Несмотря на обиду, Уинфрид принимает его и даже в какой-то степени рада его возвращению. Автор объясняет чувства Уинфрид тем, что Форсайты относятся к супругам как к собственности, что мы наблюдаем на примере метафоры, использованной автором в описании сцены ухода Монти из дома: «Though he was ‘the limit’ he was yet her property» [ВП: 18].

Судя по исследуемому произведению, мы можем сделать вывод, что для Форсайтов мнение жены о своём муже не играло большой роли. Читатель обнаруживает лишь негативное мнение Уинфрид о муже. Тем не менее Уинфрид «скорбит» («felt bereaved» [ВП: 30]) в связи с потерей мужа, который оставил её, и у неё «одинокое больное сердце» («her sore and lonely heart»). Лексема «bereave», наделённая отрицательной коннотацией по словарному значению, а также эпитеты «sore» и «lonely» [ВП: 183], оценивая поступок Монтегью в негативном свете, при этом подчёркивают, что Уинфрид нуждается в нём.

Подобное отношение мы также наблюдаем у других Форсайтов. Так, для Сомса естественно требовать возвращения Ирэн, т. к. она до сих пор приходит-

ся ему женой, что в его понимании означает, что она принадлежит ему. Голсуорси подчёркивает уверенность Сомса в «обладании» Ирэн, используя сравнение «she was like an empty house only waiting to be retaken into use and possession by him who legally owned her» [ВП: 119].

Сомс утверждает: «Irene's my wife, my legal wife» [Там же]. В данном примере выражается форсайтское отношение к супруге как к собственности. Слово «wife», не обладающее оценочной коннотацией по своему словарному значению, приобретает в приведённом примере положительную оценку, чему способствуют лексемы «my» и «legal», поскольку данные слова имеют большое значение для Сомса. В другом примере – «it was a sin against common sense and the decent secrecy of Forsytes to waste the wife he had» [ВП: 131] – следует отметить сочетание слова «wife» с лексемой «waste», которая обычно используется, когда говорят о деньгах или о времени. В следующем примере мы также наблюдаем реализацию окказионально оценочного значения лексемы «wife» под влиянием метафоры «a sin against common sense and the decent secrecy of Forsytes». Такое отношение к супруге мы замечаем и в сцене, где Сомс подумывает о своём браке с Аннет: «...For what else had he married her but to have a lawful heir?» [ВП: 304] Однако в данном контексте выражается пейоративная оценочность по отношению к жене. Отрицательное отношение к жене выражается лингвистически при помощи реализации пейоративной оценочности выражения «*married her*», где используется инверсия, которая подчёркивает цель женитьбы Сомса – рождение его законного наследника.

Таким образом, отношение к лексеме «брак» в произведении является пейоративным. В 5 случаях из 15 лексема «marriage» обладает отрицательной оценочностью, что мы наблюдаем в таких примерах, как «disastrous marriage» [ВП: 217]; «I found out my mistake... the very first week of our marriage» [ВП: 139]; «wreck of his first marriage» [ВП: 298]. Наличие в исследуемом тексте частого использования слова «divorce» (59 словоупотреблений), а также отрицательная коннотация её употребления (14 словоупотреблений) в словосочетании с лексемами «beastly», «ridiculous», «wretched» указывает на пейоративное

отношение к лексеме «divorce». Оценочность лексемы «wife» является преимущественно отрицательной (4 примера её употребления из 63). Нами также было выявлено меньшее количество случаев употребления лексемы «wife», отмеченных положительной оценочностью (3). Несмотря на это, в тексте данного произведения не обнаруживается большого количества примеров, в которых слово «husband» реализуют явную мелиоративную и пейоративную оценочность. Преобладающей оценочностью, реализованной данной лексемами в анализируемой книге, оказалась нейтральная.

Для Форсайтов брак и семья являются важной частью их престижного положения в обществе. Это отражается и во взглядах молодого Вэла на развод своих родителей. Вэл называет его «beastly divorce» [ВП: 175], прежде всего переживая, чтобы о нём не узнали его друзья. В связи с этим мать Вэла Уинфрид также желает, чтобы дата судебного заседания по её разводу была в начале летних каникул Вэла, чтобы однокурсники Вэла могли забыть об этом к началу семестра. Отрицательная оценочность, которая имеется в словарном значении лексемы «divorce», в анализируемом примере усиливается пейоративно оценочным эпитетом «beastly».

В третьей книге «Саги о Форсайтах» мы наблюдаем как примеры счастливого брака, так и несчастного. Прежде всего необходимо отметить, что оценочность лексемы «husband» в исследуемом тексте преимущественно нейтральная (9 словоупотреблений). 2 случая её употребления отмечены отрицательной оценочностью, и случаев положительной оценочности данной лексемы выявлено не было. Это объясняется тем, что отношение к мужу мы в основном видим во взаимоотношениях Сомса и Аннет. Аннет не любит своего мужа и заключила данный брак лишь из-за его материального состояния. Тем не менее она не испытывает к нему той ненависти, которая есть к нему у его первой жены Ирэн. Более того, в третьем романе саги она оказывается в той же ситуации, что и Ирэн в первом: она заводит роман на стороне. Сомс опасается, что повторится та же ситуация, что и во время его первого брака, а именно, Аннет потребует развод: «Suppose she wanted her liberty to marry this fellow!» [СВ: 37] Более того, он получает анонимное письмо, автор которого знает об измене Аннет. Однако Аннет не собирается

оставлять такого богатого мужа, как Сомс, но и не собирается прерывать свою интрижку. Она говорит: «You do not want me, you have as much of me as you want; and you wish the rest of me to be dead. I admit nothing, but I am not going to be dead, Soames, at my age; so you had better be quiet, I tell you. I myself will make no scandal; none» [СВ: 134]. В приведённом примере автор при помощи метафоры «be dead» называет ситуацию, в которой оказалась Аннет. Сомс не любит её и хочет, чтобы она также ни к кому не испытывала чувств. Но Аннет ещё молода и отказывается «хоронить» себя. Тем не менее она обещает быть осторожна, чтобы о её романе не узнали в обществе.

Совсем по-другому выглядит брак Ирэн и Джолиона, которые поженились по любви. Ирэн любит своего мужа, что мы наблюдаем в сцене, где она узнает о его кончине. «She looked round wildly, and said: “Oh! Jon—he’s dead—he’s dead! <...> Why—why wasn’t I with him?» [СВ: 181] Лексический повтор, использованный в приведённом примере, подчёркивает горечь Ирэн.

Джолион, в свою очередь, также любил свою жену. Он называет её ласково «my love». Так, когда Ирэн уезжает с сыном в Испанию на два месяца, Джолион не хочет с ней расставаться. Он описывает свои чувства как «the grief of losing his wife» [СВ: 88]. Слово «grief» имеет значение «intense sorrow, especially caused by someone's death» [Merriam Webster Dictionary], т. е. грусть от расставания с женой для Джолиона сравнима с болью, которую можно испытать во время смерти близкого человека. Таким образом, положительная оценочность слова «wife» в данном контексте усиливается благодаря его сочетанию с лексемой «grief». Анализ оценочности лексемы «wife» в третьей книге трилогии «Сага о Форсайтах» показал 7 примеров положительной оценочности данной лексемы и 1 пример её отрицательной оценочности из 54.

Мы наблюдаем отрицательную оценочность лексемы «marriage» в произведении на примере первого и второго брака Сомса. Так, автор описывает второй брак Сомса при помощи метафоры «cool affair» [СВ: 5]. О первом же его браке с Ирэн многие персонажи также отзываются отрицательно: «that his marriage with Irene had gone all wrong» [СВ: 162]; «had the great and lasting misfor-

tune to make an unhappy marriage» [CB: 169]; «in marrying Fleur’s father without love I did a dreadful thing» [CB:] и т. п. Причиной подобных несчастных браков автор называет неопытность молодых девушек, которые выходят замуж: «In a vast number of marriages—and your mother’s was one—girls are not and CANNOT be certain whether they love the man they marry or not» [CB: 199].

Более того, мы наблюдаем отрицательную оценку лексемы «marriage», когда речь идёт о возможном союзе Джона и Флер, против которого выступали их родители. Так, Джолион говорит: «The idea that you should marry his daughter is a nightmare to her» [CB: 172]. В приведённом контексте отрицательная оценочность лексемы «marriage» усиливается при помощи употребления слова «nightmare», обладающего ярко выраженной отрицательной коннотацией. Другой пример – подобная оценка их отношений со стороны отца Флер, Сомса. Он называет данный брак словом «unnatural», которое также обладает отрицательной коннотацией по своему словарному значению.

В третьей книге трилогии «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси нами было обнаружено 35 примеров употребления лексемы «marriage». 2 случая употребления данной лексемы отмечены положительной, 14 случаев употребления данной лексемы отмечены отрицательной оценочностью.

Результаты анализа изменения оценочности лексем «marriage», «husband», «wife» представлены в диаграммах 30–32.

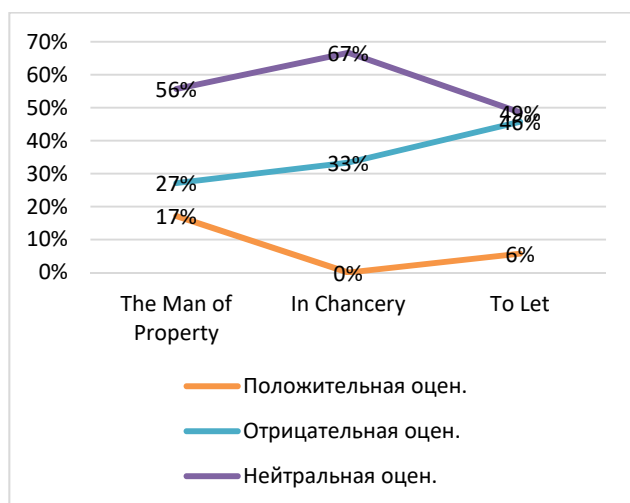

Диаграмма 30 – Динамика изменения оценочности лексемы «marriage»

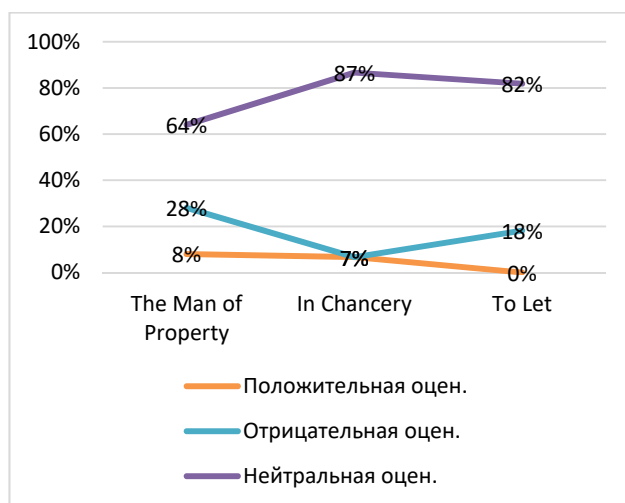

Диаграмма 31 – Динамика изменения оценочности лексемы «husband»

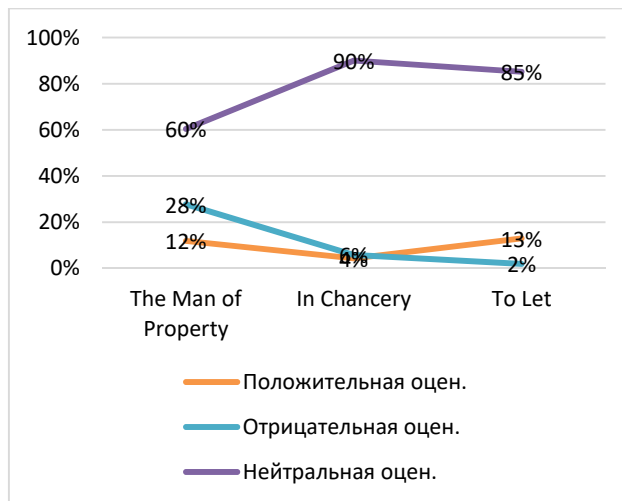

Диаграмма 32 – Динамика изменения оценочности лексемы «wife»

Как показано в диаграммах, в третьей книге «Саги о Форсайтах» по сравнению с первой книгой реализация положительной оценочности лексемы «marriage» уменьшается на 11 %, реализация положительной оценочности лексемы «husband» уменьшается на 8 % и практически отсутствует в третьей книги, реализация положительной оценочности лексемы «wife» увеличивается на 1 %.

Выводы по третьей главе

В ходе анализа оценочного компонента коннотативного значения лексем, вербализующих ЛСП «семья», нами было выявлено, что в произведениях Л.Н. Толстого «Война и мир» и Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» просматривается динамика развития родственных отношений, а также прослеживается изменение оценочного компонента исследуемых нами лексем.

В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» мы наблюдаем, что положительная оценочность лексем «отец», «папа», «папенька», «батюшка», «папаша» превалирует над отрицательной. Из 378 случаев употребления лексем положительную оценочность носят 105 случаев употребления, 50 случаев употребления – отрицательную, нейтральной оценочностью отмечены 233 примера. Что касается романа Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах», нами выявлено 562 случая употребления лексем «father», «dad», «daddy», из которых 471 словоупотребление носит нейтральную оценочность, 50 – положительную оценочность

и 41 – отрицательную. В трилогии просматривается изменение положительной оценочности в отрицательную, вызванное непониманием между поколениями и, в свою очередь, отрицательным отношением к родителям.

Лексемы «мать», «мама», «матушка», «маменька» в произведении Л.Н. Толстого «Война и мир» и лексема «mother» в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» являются частотными в обоих произведениях (335 в русскоязычном произведении и 384 в англоязычном произведении). На протяжении развития событий в обоих произведениях прослеживается исключительно положительное отношение к матери.

Лексемы «сын», «сынок» и лексема «son» также являются одними из частотных. 299 случаев употребления в русскоязычном произведении, из них 84 примеров положительной оценочности и 23 примера отрицательной оценочности. В англоязычном произведении 188 случаев употребления лексемы «son», из них 53 примера положительной оценочности и 14 примеров отрицательной оценочности. В данных произведениях прослеживается преобладание положительной оценочности исследуемых лексем, т. к. сын издавна считался наследником, в обязанности которого с детства входила охрана и защита родного дома, семьи. Сын – это будущий глава семьи, государственный человек, добытчик и хранитель благополучия.

В исследуемых произведениях просматривается более сдержанное отношение к дочери. В произведении «Война и мир» из 154 случаев употребления 37 словоупотреблений носят положительную оценочность, 24 словоупотребления – отрицательную. В произведении «Сага о Форсайтах» из 102 случаев употребления лексемы «daughter» 18 случаев положительной оценочности и 16 – отрицательной.

Преобладание положительной оценочности лексем «брат», «братец», «brother», «сестра», «сестрица», «sister», «дядя», «дядюшка», «дяденька», «дядька», «uncle», «тётка», «тётя», «тётушка», «тётенька», «aunt», «двоюродный брат», «двоюродная сестра», «кузина» наблюдается в обоих произведени-

ях, кроме лексемы «cousin», которая наделена отрицательной оценочностью в англоязычном произведении.

Несмотря на низкую частотность употребления лексем «grandmother», «grandfather», «granddad», «great-grandfather», «great-great-grandfather», нами выявлено положительное отношение к старшему поколению в англоязычном произведении, что касается русскоязычного произведения, то лексемы «бабушка», «дед», «дедушка» наделены нейтральной оценочностью.

Результаты анализа лексемы «marriage» показывают динамику развития отрицательной оценочности в англоязычном произведении (7 случаев употребления положительной оценочности, 28 случаев употребления отрицательной оценочности из 72 случаев употребления данной лексемы). В русскоязычном произведении лексемы «брак», «женитьба», «замужество» почти в равной степени наделены как положительной, так и отрицательной оценочностью (из 70 случаев словоупотребления 18 случаев положительной оценочности и 22 отрицательной).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе была предпринята попытка системного изучения средств вербализации социокультурного понятия «семья» в романах «Война и мир» Л.Н. Толстого и «Сага о Форсайтах» Джона Голсуорси и проведён анализ реализации оценочного компонента языковых единиц, использованных для вербализации данного понятия.

В результате нашего анализа лексемы, вербализующие ЛСП «семья» в произведениях «Война и мир» Л.Н. Толстого и «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси, были объединены в лексико-семантические группы: ЛСГ кровного родства и ЛСГ свойственного родства.

В ходе анализа были выявлены наиболее частотные лексемы, к которым в русскоязычном произведении относятся «отец», «сын», «мать», «дочь», «брат», «дядюшка», «сестра», «жена», «муж», «брак», «женидьба». Менее частотными являются лексемы «мама», «семья», «маменька», «папенька», «племянник», «папа», «родители», «дядя», «батюшка», «тётушка», «тётка», «кузина», «племянница», «папаша», «матушка», «мамаша», «дед», «мачеха», «внук», «дяденька», «двоюродный брат», «сынок», «двоюродная сестра», «бабушка», «дядька», «тётенька», «дочка», «братец», «сестрица», «дедушка», «внучка», «тётя», «племянничек», «пасынок», «жених», «невеста», «женидьба», «невестка», «шурин», «зять», «помолвка», «тесть», «тёща», «свёкор», «замужество», «муженёк», «развод». В англоязычном произведении наиболее частотными лексемами являются «father», «mother», «aunt», «family», «son», «uncle», «wife», «marriage», «husband». К числу менее частотных относятся лексемы «daughter», «cousin», «grandfather», «brother», «dad», «sister», «grandchild», «nephew», «parent», «grandmother», «stepmother», «granddaughter», «grandson», «niece», «daddy», «great-uncle», «granddad», «great-grandfather», «great-great-grandfather», «papa», «stepdaughter», «great-granddaughter», «great-aunt», «engagement», «brother-in-law», «daughter-in-law», «father-in-law», «fiancé», «fiancée», «son-in-law», «sister-in-law», «mother-in-law».

Лексемы, вербализующие ЛСП «семья» в данных произведениях, реализуют мелиоративную или пейоративную оценочность посредством стилистических приёмов и использования лексики с соответствующим оценочным компонентом значения. Наиболее частотными в русскоязычном произведении являются следующие стилистические приёмы: метафора, эпитет, оксюморон, антитеза, гипербола. В англоязычном произведении нами выявлены такие стилистические приёмы, как метафора, лексический повтор, эпитет, сравнение, олицетворение. Следует также отметить слова, усиливающие как положительную, так и отрицательную оценочность исследуемых нами лексем. В русскоязычном произведении нами выявлены такие прилагательные, как «почтительный», «единственный», «лучший», «ненаглядный», «нежный», «несчастлива», «ужасный», «неверная»; существительные «радость», «наслаждение», «забота», «любовь», «ужас», «дурак», «обуза». «мерзость», «несчастье»; глаголы «любить», «уважать», «засмеяться», «любоваться», «погубить», «заманить», «ошибаться» и др. В англоязычном произведении отмечены такие прилагательные, как «admired», «loved», «proud», «wonderful», «bitter», «unfriendly», «bad», «unhappy», «painful»; существительные «longing», «affection», «pleasure», «hostility», «rivalry», «doubt», «trouble», «boulder»; глаголы «to save», «to back up», «to applaud», «to adore», «to regret», «to fight» и др.

В ходе исследования нами был рассмотрен процесс изменения оценочного компонента исследуемых нами лексем в русском и английском языках. В произведении «Война и мир» выявлено снижение положительной оценочности таких лексем, как «отец», «папа», «папенька», «папаша», «батюшка», «мать», «мама», «маменька», «матушка», «мамаша», «дядя», «дядюшка», «дяденька», «дядька». В англоязычном произведении прослеживается снижение положительной оценочности следующих лексем: «father», «dad», «daddy», «mother», «son», «uncle», «brother», «sister», «marriage». Отрицательную оценочность приобретают лексемы «отец», «папа», «папенька», «папаша», «батюшка».

В произведении «Война и мир» данные изменения происходят под влиянием экстралингвистических факторов, т. к. в это время в обществе протекают

большие изменения, происходят судьбоносные для страны события, которые оказывают влияние на то, как в обществе оцениваются те или иные вещи, события, явления и т. д.

Анализ лексем в трилогии «Сага о Форсайтах» демонстрирует снижение ценности брачных уз. Происходит постепенное снижение положительной оценочности лексемы «marriage», которая вызвана изменением отношения людей к браку с целью сохранения капитала и большей заинтересованностью материальной стороной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов, В.П. Структурно-семантическое описание глаголов передачи в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.П. Абрамов. – М. 1980. – 20 с.
2. Айрапетян, А.Г. Термины родства family и kinship как предмет диахронического исследования / А.Г. Айрапетян, Л.Ж. Айрапетян // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание». – 2019. – № 3 (47). – С. 6–9.
3. Ани Рахмат. Концепт семья в русской паремике: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ани Рахмат – Санкт-Петербург, 2013. – 231 с.
4. Антонов, М.Л. Социология семьи / М.Л. Антонов, В.П. Медков. – М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления ("Братья Карич"), 1996. – 304 с.
5. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
6. Арнольд, Л.В. Стилистика современного английского языка / Л.В. Арнольд – Д.: Просвещение, 1981. – 296 с.
7. Арсентьева, Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. – 130 с.
8. Арсентьева, Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков) / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – 172 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
10. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – М.: Гос. учеб. – пед. изд-во мин-ва просвещения РСФСР, 1957. – 295 с.

11. Аюпова, Р.А. Фразеология и фразеография английского и русского языков: монография / Р.А. Аюпова – Казань: изд-во К(П)ФУ, 2013. – 269 с.
12. Багаутдинова, Г.Г. Братья/brothers и сестры/sisters как компоненты лексико-семантического поля «Семья» (на материале английского и русского языков) / Г.Г. Багаутдинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – №. 6-1. – С. 18–20.
13. Баландина, Е.С. Динамика образа семьи в языковом сознании носителей разных культур: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Е.С. Баландина – Челябинск, 2013. – 234 с.
14. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли – М.: Изд. иностр. лит., 1955. – 416 с.
15. Банкевич, В.В. К вопросу о соотношении лексико-семантических и тематических групп / В.В. Банкевич // Семантика слова и предложения: межвуз. сб. науч. тр. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та. – 1985. – С. 30–35.
16. Башарина, А.К. Понятие "семантическое поле" / А.К. Башарина // Вестник СВФУ. – 2007. – № 1. – С. 93–96.
17. Белик, Е.В. Лингвокультурологические и гендерные особенности лексики и фразеологии современного английского языка: На материале лингвокультурологического поля «мужчина и женщина (в обществе и семье)»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.В. Белик – Москва, 2003. – 255 с.
18. Бельчиков, Ю.А. О культурном коннотативном компоненте лексики / Ю.А. Бельчиков // Язык: система и функционирование. – М., 1988. – С. 30–35.
19. Биктагирова, З.А. Концепт «Семья» в паремиологии английского, турецкого и татарского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. / З.А. Биктагирова. – Казань, 2007. – 228 с.
20. Близнюк, О.В. Сопоставительный семантический анализ терминов родства в различных лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О.В. Близнюк. – Тверь, 2006. – 163 с.
21. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Л.: Эдиториал УРСС, 1983. – 208 с.

22. Боровикова, Н.А. Полевые структуры в системе языка / Н.А. Боровикова. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 197 с.
23. Буйленко, И.В. Лексико-семантические объединения слов / И.В. Буйленко И.В. // Грани познания. – 2012. – № 5. – С. 89–92.
24. Бурова, С.Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии / С.Н. Бурова. – Минск: Право и экономика, 2010. – 444 с.
25. Быстрова, Л.В. К вопросу о принципах и методах выделения лексико-семантических групп слов / Л.В. Быстрова, Н.Д. Капатрук, В.В. Левицкий // Филол. науки. – 1980. – № 6. – С. 75–78.
26. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 224 с.
27. Васильев, Л.М. Значение в его отношении к системе языка / Л.М. Васильев. – Уфа: Башк. гос. ун-т, 1985. – 62 с.
28. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. – М.: Высш. шк., 1990. – 175 с.
29. Васильев, Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – Т. 5. – С. 105–113.
30. Вахитова, Т.Ф. Лингвокультурологический подход к изучению лакун лексико-семантической группы «термины родства» в сопоставительном аспекте / Т.Ф. Вахитова // МНКО. – 2018. – № 5 (72). – С. 537–539.
31. Вильданова, Э.М. Языковое воплощение положительной оценки паремиологического фонда английского и татарского языков концептов «Семья, родственные отношения» / Э.М. Вильданова, Д.Ф. Каюмова Д.И. Хрипкова // Вестник КазГУКИ. – 2015. – № 4-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-voploschenie-polozhitelnoy-otsenki-paremiologicheskogo-fonda-angliyskogo-i-tatarskogo-yazykov-kontseptov-semya-rodstvennyye> (дата обращения: 10.05.2019).
32. Воробьева, М.Е. Вербализация концепта family в романе Джейн Остин «Доводы рассудка» / М.Е. Воробьева, С.О. Магомедова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 6. – С. 131–135.

33. Гавров, С.Н. Историческое изменение институтов семьи и брака. Учебное пособие / С.Н. Гавров. – М.: НИЦ МГУДТ, 2009. – 134 с.
34. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). / В.Г. Гак. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
35. Гибадуллина, Л.З. Объективация концептов "любовь" и "семья" в татарской и русской языковой картине мира: на материале женской прозы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02, 10.02.20 / Л.З. Гибадуллина; – Уфа, 2012. – 168 с.
36. Городецкий, Б.Ю. К проблеме семантической типологии / Б.Ю. Городецкий. – М.: Изд-во Московского университета, 1969. – 563 с.
37. Грибач, С.В. Образ семьи в языковом сознании русских: Гендерный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.В. Грибач – Москва, 2005. – 252 с.
38. Гулканян, М.К. Этнокультурная и языковая специфика реализации концептов FAMILY, семья: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М.К. Гулканян. – Казань, 2010. – 214 с.
39. Гухман, М.М. Лингвистическая теория Л. Вайсгербера / М.М. Гухман // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961. – С. 123–162.
40. Денисов, П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П.Н. Денисов. – М.: Рус. яз., 1980. – 253 с.
41. Дружинина, Н.Л. Дискурс и семантическое поле в лингвистических исследованиях / Н.Л. Дружинина // Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты: сборник научных статей / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И. П. Зайцева (отв. ред.) [и др.]; подбщ. ред. И.П. Зайцевой. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, – 2019. – С. 31–36.
42. Дмитриева, А.А. Семантическое поле «Семья» в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской / А.А. Дмитриева // Вестник КГУ. – 2014. – № 1. – С. 176–178.

43. Добровольская, Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Добровольская – Новосибирск, 2005. – 203 с.
44. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм – М.: Наука, 1991. – 575 с.
45. Евдокимова, Е.А. Семья как этико-философская реальность: На материале русской литературы XIX века: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05 / Е.А. Евдокимова. – СПб, 2002. – 172 с.
46. Егизбаева, З.С. Своеобразие вербализации семейных ценностей в русских и казахских поговорках / З.С. Егизбаева, Г.Е. Жандыкеева // Евразийский журнал филологии: Наука и Образование. – 2019. – № 173 (1). – С. 51–58.
47. Железнова, Ю.В. Семантический анализ ядерных лексем лексико-семантического поля «Родственные отношения» в русском языке / Ю.В. Железнова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2007. – № 5-2. – С. 29–38.
48. Занеги́на, Н.Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.Н. Занеги́на – Москва, 2011. – 254 с.
49. Иванова, Е.В. Лексикология и фразеология современного английского языка: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Е.В. Иванова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 352 с.
50. Казарин, Ю.В. Опыт компонентного анализа базовых идентификаторов лексико-семантических групп русских глаголов / Ю.В. Казарин // Лексическая семантика: сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Свердл. гос. пед. ин-та. – 1991. – С. 48–54.
51. Камалетдинова, Г.Х. Языковой образ семьи в региональных печатных СМИ в 90-е годы XX века (на материале газет «Вечерняя Уфа» и «Советская Башкирия») / Г.Х. Камалетдинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 8-1 (62). – С. 125–129.

52. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. – Л., 1986. – 316 с.
53. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон. – М.: Едиториал УРСС, 2011. – 112 с.
54. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
55. Караулов, Ю.Н. Структура лексико-семантического поля / Ю.Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57–68.
56. Караулов, Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1980. – 207 с.
57. Карнап, Р. Значение и необходимость / Р. Карнап. – М.: НИЛ, 1959. – 382 с.
58. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: учебное пособие / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
59. Козельская, Н.Д. Лексико-семантическая группа глаголов изменения функционального состояния в современном русском языке (к проблеме формирования): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.Д. Козельская. – Воронеж, 1984. – 246 с.
60. Конт, О. Курс позитивной философии. Антология мировой философии в 4-ч т. Т. 3. / О. Конт – М.: Мысль, 1971. – 760 с.
61. Кострубина, Е.А. Гиперконцепт Семья/Дом - Family/Home в русской и английской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.А. Кострубина – Омск, 2011. – 159 с.
62. Кравченко, С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь: Более 10 000 единиц / С.А. Кравченко. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 511 с.
63. Кочнова, К.А. Лексико-семантическое поле как способ репрезентации языковой картины мира писателя / К.А. Кочнова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 6. – С. 125–130.

64. Кузнецов, А.М. Сопоставительно-типологический анализ терминов родства английского, датского, французского и испанского языков / А.М. Кузнецов // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем / отв. ред. Э.А. Макаев. – М.: Наука, 1971. – С. 269–277.
65. Кузнецова, А.И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования / А.И. Кузнецова. – М.: МГУ, 1963. – 60 с.
66. Кузнецова, Э.В. Лексикология русского языка: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов – 2-е изд., испр. и доп. / Э.В. Кузнецова. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.
67. Кузнецова, Э.В. Части речи и лексико-семантические группы слов / Э.В. Кузнецова // Вопросы языкознания. – 1975. – № 5. – С. 78–86.
68. Ланская, О.В. Концепт «Дом» как отражение жизни и смерти в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» (на материале VIII–IX глав Т. 2, Ч. 1) / О.В. Ланская // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2010. – № 3. – С. 182–186.
69. Липатов, Д.Т. Лексико-семантические группы слов и моносемные поля синонимов / Д.Т. Липатов // Филол. науки. – 1981. – № 2. – С. 51–57.
70. Лютянская, М.М. Языковая реализация концептосферы «Родственные отношения» в английской языковой картине мира новоанглийского периода: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.М. Лютянская – Санкт-Петербург, 2009. – 164 с.
71. Мазай, Н.И. Семантическое поле «род» в русском фольклоре: былины, лирические песни, паремии: дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.И. Мазай – Красноярск, 2008. – 232 с.
72. Матвеева, М.В. Концепт семья и его репрезентация в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.В. Матвеева. – Тамбов, 2007. – 249 с.
73. Марфина, Ж.В. История исследования концепта «родство» в отечественном языкознании / Ж.В. Марфина // Ученые записки Луганского национального аграрного университета. – 2019. – Том 29. – С. 215–219.

74. Мержоева, З.С. Концепты родства в молодежном языковом сознании русских и ингушей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / З.С. Мержоева. – Саратов, 2009. – 159 с.

75. Михайлова, О.А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты / О.А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1998. – 240 с.

76. Михалева, М.В. Структура и содержание концепта брак/marriage в языковом сознании русских и американцев: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.В. Михалева – Курск, 2009. – 150 с.

77. Никандрова, И.А. О соотношении понятий «Функционально-семантический класс слов» и «Лексико-семантическая группа» / И.А. Никандрова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-funktsionalno-semanticheskiiy-klass-slov-i-leksiko-semanticheskayaa-gruppa> (дата обращения: 03.08.2018).

78. Никишенков, А.А. История британской социальной антропологии. / А.А. Никишенков // СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. – 2008. – 496 с.

79. Николенко, О.Ю. Лексико-семантическая группа наименований родства: функционирование, эволюция, словообразовательные потенции (на материале речи жителей г. Омска): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.Ю. Николенко. – Омск, 2006. – 23 с.

80. Николенко, О.Ю. Лингвистическое изучение феномена родства / О.Ю. Николенко // Уральский филологический вестник. – 2012. – № 3. – С. 232–237.

81. Николенко, О.Ю. К вопросу о разграничении синонимии формальной вариативности наименований родства / О.Ю. Николенко // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2015. – № 3. – С. 129–137.

82. Никонова, Э.И. Социология семьи: курс лекций. Учебное пособие для студентов всех форм обучения / Э.И. Никонова, В.К. Падерин. – Казань, КГА-СУ, 2014. – 136 с.

83. Новиков, А.И. Семантические расстояния в языке и тексте / А.И. Новиков, Е.И. Ярославцева. – М.: Наука, 1990. – 135 с.

84. Новиков, Л.А. Семантика русского языка: учеб. пособие / Л.А. Новиков. – М.: Изд-во Высшая школа, 1982. – 272 с.

85. Нуризянова, З.Х. Сопоставительный анализ фразеологических единиц фразеотематического поля «семья» в английском и турецком языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / З.Х. Нуризянова. – Казань, 1999. – 173 с.

86. Обвинцева, Н.В. Лексико-семантическая группа родственных отношений в русском и английском языках как отражение языковой картины мира / Н.В. Обвинцева // Вестник ЧелГУ. – 2013. – № 31 (322). – С. 113–115.

87. Овчарова, Р.В. Психологическое сопровождение родительства / Р.В. Овчарова. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 319 с.

88. Османова, Р.А. Национально-культурная специфика образов сознания русских и казахов: Гендерный анализ на материале слов семантического поля «Дом. Семья»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Р.А. Османова. – Москва, 2001. – 222 с.

89. Павлова, Д.Д. Лексико-семантическое поле концептов «природа», «семья» и языковые способы их реализации в романе Р.А. Анайи «Благослови, Ультима!» / Д.Д. Павлова // Молодой ученый. – 2013. – № 6. – С. 507–509.

90. Пашкова, А.С. Стилистический анализ лексических особенностей рождественских речей Елизаветы II на примере лексико-семантического поля family / А.С. Пашкова // Вестник ЧГПУ. – 2018. – № 2. – С. 243–247.

91. Пинигина, С.В. Сопоставительный анализ якутского и русского языкового сознания: Тематическое поле «семья»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.В. Пинигина. – Москва, 2004. – 224 с.

92. Планкина, Р.М. Лингвокультурологическое пространство художественного текста: оппозиция «свой-чужой» в произведениях Л. Толстого,

М. Митчелл, Г. Исхаки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Р.М. Планкина. – Казань, 2015. – 194 с.

93. Попова, З.Д. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат. 2-е изд., испр. и доп. / З.Д. Попова, И.А. Стернин – М.: Либрком, 2009. – 172 с.

94. Потапова, О.Е. Роль компонентного анализа в раскрытии семантических связей лексико-семантического поля / О.Е. Потапова // Перспективные направления взаимодействия науки и общества: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Уфа, 18 октября 2019 г.). – 2019. – С. 70–73.

95. Пронин, П.А. Семантическое поле «Семья» в русской и английской идиоматике (семантический и когнитивный аспекты) / П.А. Пронин // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2013. – № 3. – С. 24–28.

96. Пьянкова, Т.В. Лексическое представление ассоциативно-семантического поля «Семья» в современной женской прозе (на материале произведений Л. Улицкой и Л. Петрушевской): дис.. канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.В. Пьянкова. – СПб., 2012. – 203 с.

97. Пьянов, А.И. Социальный институт семьи как структурный и ценностно-нормативный компонент социума / А.И. Пьянов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. – 2011. – № 3 (9): в 3-х ч. – Ч. I. – С. 160–168.

98. Ракипова, В.Л. Критерии выделения лексико-тематических групп семейных отношений (на материале русского и вьетнамского языков) / В.Л. Ракипова // Вестник БГУ. – 2009. – № 10. – С. 153–155.

99. Репецкая, Р.С. К выбору лексико-семантической группы глаголов (на материале глаголов демонстрации, показа, манифестации в современном английском языке) / Р.С. Репецкая // Проблемы словообразовательной семантики:

межвуз. сб. науч. тр. Пятигорск: Изд-во Пятигорск. гос. пед. ин-та иностр. яз. – 1984. – С. 80–85.

100. Розенберг, Н.В. Семья как культурная единица, способ сохранения и трансляции культурных традиций / Н.В. Розенберг // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 4. – С. 45–53.

101. Сакаева Л.Р., Багаутдинова Г.Г. Вертикальный вид родства в лексико-семантическом поле "семья" в русском, английском и кумыкском языках Л.Р. Сакаева, Г.Г. Багаутдинова // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: лингвистика. – 2018. – Т. 22. – № 2. – С. 265–277.

102. Селиверстова, О.Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватном ее описании / О.Н. Селиверстова // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – 379 с.

103. Селезнева, И.А. Объективация представлений о семье в русском, английском и китайском языках / И.А. Селезнева Л.В. Бабина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 2. – С. 139–144.

104. Симакова, О.Б. Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (На материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / О.Б. Симакова. – Пенза, 2003. – 293 с.

105. Скворцова, А.В. Актуализация концепта "relation(s)" в лексической системе современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.В. Скворцова – Санкт-Петербург-Пушкин, 2006. – 160 с.

106. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка. / А.И. Смирницкий. – М.: Московский государственный университет, 1998. – 260 с.

107. Солодуб, Ю.П. Структура лексического значения / Ю.П. Солодуб // Филологические науки. – 1997. – № 2 – С. 43–54.

108. Сокур, Е.А., Адзинова А.А. Микроконцепты «муж» и «жена» в русской лингвокультуре / Е.А. Сокур, А.А. Адзинова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2018. – № 2 (217). – С. 110–115.

109. Степанов, Ю.С. Имена, предикаты, предложения: (Семиологическая грамматика) / Ю.С. Степанов. – М.: УРСС, 1981. – 359 с.
110. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 137 с.
111. Стернин, И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – 155 с.
112. Супрун, В.И. О лексико-семантических группах слов / В.И. Супрун // Ruštinár. – 1983. – № 3. – С. 4–6.
113. Тенегин, А.Н. К вопросу о соотношении логического и прагматического в семантике слова / А.Н. Тенегин // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. / Отв. ред. М.А. Генкель. – Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1972. – 523с.
114. Тепкеева, В.В. Концептосфера "Love-Marriage" в английской фразеологической картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / В.В. Тепкеева – Санкт-Петербург, 2007. – 186 с.
115. Тетакаева, Л.М. Особенности семантических вариаций английских фразеологических единиц с родственными гендерными оппозициями / Л.М. Тетакаева, Р.И. Агаларова // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. – 2014. – № 3 (28). – С. 85–88.
116. Тихонов, А.Н. Границы и структура лексико-семантического поля / А.Н. Тихонов // Теория поля в современном языкознании – 1994. – С. 3–6.
117. Трущинская, А.С. Лексико-фразеологическая объективация концепта семья в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.С. Трущинская – Воронеж, 2009. – 208 с.
118. У Синьуй. Лингвокультурологические и лингвометодические аспекты концепта «семья» в русской и китайской культурах: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / У Синьуй – Санкт-Петербург 2009. – 192 с.
119. Уфимцева, А.А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева – М: Наука, 1986. – 240 с.

120. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы / А.А. Уфимцева. – М.: Академия наук СССР, 1962. – 288 с.
121. Уфимцева, А.А. Теории семантического поля и возможности их применения при изучении словарного состава языка / А.А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – 1961. – С. 30-63.
122. Филин, Ф.П., О лексико-семантических группах слов / Ф.П. Филин // Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов. – 1957. – С. 524–525.
123. Филиппов, А.В. К проблеме лексической коннотации / А.В. Филиппов // Вопросы языкознания. – 1978. – № 1. – С. 57–63.
124. Флиер, А.Я. Культурология для культурологов / А.Я. Флиер. – М.: Академический проект, 2002. – 492 с.
125. Фролов, С.С. Основы социологии: учебное пособие / С.С. Фролов – М.: Юристъ, 1997. – 344 с.
126. Фрост, С.Г. Лингвокультурологический аспект исследования коннотаций: на примере коннотаций существительных тематической группы «семья»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.Г. Фрост. – Челябинск, 2006. – 249 с.
127. Хабибуллин, Р.Р. Лингвистические проявления концепта «семья» во фразеологизмах английского языка / Р.Р. Хабибуллин // Современные тенденции развития науки и образования: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. – Прага. – 2018. – С. 398–401.
128. Цоллер, В.Н. Соотношение категорий экспрессивности, эмотивности и оценочности в структуре лексического значения / В.Н. Цоллер // Научные ведомости БГУ. – 1998. – № 2. – С. 43–54.
129. Шайхуллин, Т.А. Русские и арабские паремии с компонентом-наименованием родственных отношений: концептуально-семантический и этнокультурный аспекты: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01, 10.02.20 / Т.А. Шайхуллин. – Казань, 2012. – 48 с.
130. Шафиков, С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц / С.Г. Шафиков. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1999 – 88 с.

131. Шафиков, С.Г. Некоторые аспекты изучения тематических групп лексики / С.Г. Шафиков // Семантические и прагматические аспекты анализа основных языковых единиц – Барнаул, 1982. – С. 90–101.

132. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1987. – 190 с.

133. Шехтман, Н.Д. Соотношение стандартных и нестандартных языковых средств в семантическом континууме и тексте / Н.Д. Шехтман, С.В. Добрынин: // межвуз. сб. науч. тр. Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1990. – С. 92–108.

134. Шильникова, И.С. Ценностное отношение к семье лингвокультурного типажа *the man of property* на материале произведений Джона Голсуорси / И.С. Шильникова // Символ науки. – 2016. – № 1–3. – С. 117–120.

135. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык. Лексика: учебное пособие / Д.Н. Шмелев – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

136. Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 254 с.

137. Эмирсуинова, Г.И. Трансформации концепта «семья» в языковом сознании американцев / Г.И. Эмирсуинова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). – 2011 г. – № 4. Часть 2. – С. 203–207.

138. Яготинцева, А.В. Лексико-семантическое поле «Свадьба» в языке современной английской художественной прозы (на материале романа S. Kinsella «*Shopaholic ties the knot*») / А.В. Яготинцева, С.Р. Балуюн // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6-3 (60). – С. 174–176.

139. Coseriu, E. Trends in Structural Semantics / E. Coseriu, H. Geckeler. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1981. – 89 p.

140. Ducháček, O. Précis de sémantique française / O. Ducháček. – Brno: Universita J.E. Purkyně, 1967. – 260 p.

141. Geckeler, H. Strukturelle Semantik und Wortfeldtheorie / H. Geckeler. – Munchen: Fink, 1971. – 256 S.
142. Guiraud, P. La sémantique / P. Guiraud. – Paris: Presses universitaires de France, 1969.
143. Ipsen, G. Der alte Orient und die Indogermanen / G. Ipsen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft // Festschrift für W. Streiberg. Heidelberg, 1924. – 237 S.
144. Ipsen, G. Der neue Sprachbegriff / G. Ipsen // Zeitschrift für Deutschkunde, 1932. – 1-18 S.
145. Jolles, A. Antike Bedeutungsfelder / A. Jolles // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, Halle, 1934, – 97–109 S.
146. Matore, G. Le vocabulaire et la société sous Louis-Philippe / G. Matore. – Geneve-Lille, 1953. – 375 p.
147. McLennan, J.F. Primitive Marriage: An Inquiry into the Origin of the Form of Capture in Marriage Ceremonies. / J.F. McLennan. – Edinburgh: Adam and Charles Black, 1865. – 326 p.
148. Porzig W. Das Wunder der Sprache. Probleme, Methoden und Ergebnisse der modernen Sprachwissenschaft / W. Porzig. – Bern: Witens Co, 1950. – 424 S.
149. Reuning, K. Joy and Freude. A comparative study of the linguistic field of pleasurable emotions in English and German / K. Reuning. – Swarthmore, 1941. – 141 p.
150. Rudskoger, A. Fair, foul, nice, proper. A contribution to the study of polysemy / A. Rudskoger– Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1952. – 505 p.
151. Weisgerber, L. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik / L. Weisgerber. – Dusseldorf : Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. – 431 p.

Источники

1. Толстой, Л.Н. Война и мир. Кн. 1 (т. 1, 2) [Текст] / Л.Н. Толстой. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 960 с.

2. Толстой, Л.Н. Война и мир. Кн. 2 (т. 3, 4). [Текст] / Л.Н. Толстой – М.: Издательство АСТ, 2015. – 736 с.

3. Galsworthy, J. In Chancery [Текст] / J. Galsworthy. – London: Wordsworth Editions Ltd, 2001. – 320 p.

4. Galsworthy, J. To Let [Текст] / J. Galsworthy. – London: Wordsworth Editions Ltd, 2001. – 230 p.

5. Galsworthy, J. The Man of Property [Текст] / J. Galsworthy. – London: Wordsworth Editions Ltd, 2001. 364 p.

Словари

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь [Электронный ресурс] – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (дата обращения: 05.05.2019).

2. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь [Электронный ресурс] – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 10.05.2019)

3. Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 05.05.2019).

4. Collins Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 12.05.2019).

Список сокращений

ВМ1 – Толстой, Л.Н. Война и мир. Кн. 1

ВМ2 – Толстой, Л.Н. Война и мир. Кн. 2

С – Голсуорси, Д. Собственник

ВП – Голсуорси, Д. В петле

СВ – Голсуорси, Д. Сдается внаем

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	1
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ КАК СИСТЕМЫ.....	5
1.1. Лексико-семантическое поле	10
1.1.1. Понятие «лексико-семантическое поле»: зарубежный взгляд.....	11
1.1.2. Понятие «лексико-семантическое поле»: отечественный взгляд....	20
1.2. Лексико-семантическая группа в составе лексико-семантического поля	36
1.3. Семантическая структура слова как языковой единицы	42
1.3.1. Денотативный и сингификативный компоненты значения.....	42
1.3.2. Коннотативный компонент значения	45
Выводы по первой главе.....	48
Глава 2. ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СЕМЬЯ» / FAMILY В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Н. ТОЛСТОГО И Д. ГОЛСУОРСИ	50
2.1. Степень изученности понятия «семья» / «family» в русском и английском языках	50
2.2. Лексико-семантическое поле «семья» в произведении Л.Н. Толстого «Война и мир»	55
2.2.1. Лексико-семантическая группа кровного родства	56
2.2.2. Лексико-семантическая группа свойственного родства.....	67
2.3. Лексико-семантическое поле «family» в произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах».....	73
2.3.1. Лексико-семантическая группа кровного родства	73
2.3.2. Лексико-семантическая группа свойственного родства.....	82
Выводы по второй главе	86
Глава 3. КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКИ, ВЕРБАЛИЗУЮЩЕЙ ПОНЯТИЕ «СЕМЬЯ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	89
3.1. Динамика развития родственных отношений в произведении Л.Н. Толстого «Война и мир»	89
3.1.1. Лексико-семантическая группа кровного родства	89
3.1.2. Лексико-семантическая группа свойственного родства.....	111

3.2. Динамика развития родственных отношений в произведении	
Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах».....	120
3.2.1. Лексико-семантическая группа кровного родства	120
3.2.2. Лексико-семантическая группа свойственного родства.....	144
Выводы по третьей главе.....	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	154
ЛИТЕРАТУРА	157

Научное издание

Гарипова Эльза Вильдановна

Аюпова Роза Алляметдиновна

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОНЯТИЯ «СЕМЬЯ»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»
И Д. ГОЛСУОРСИ «САГА О ФОРСАЙТАХ»**

Корректоры

Э.В. Гарипова

Р.А. Аюпова

Подписано в печать 23.09.2020.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 10,23.

Уч.-изд. л. 7,89. Тираж 100 экз. Заказ 88/9

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37

тел. (843) 233-73-59, 233-73-28